

С. А. Рагозина

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА

**НА ПРИМЕРЕ
ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА**

Предисловие
доктора исторических наук А. Л. Рябинина
и Г. В. Лукьянова

URSS

МОСКВА

Рагозина Софья Андреевна

Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа) / Предисл. А. Л. Рябинина, Г. В. Лукьянова.

М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 144 с.

Настоящая работа посвящена рассмотрению различных аспектов дискурса политического ислама. Предпринята попытка описания данного концепта в русскоязычном интернет-пространстве Северо-Восточного Кавказа (Чечня, Ингушетия и Дагестан) — региона, который характеризуется наиболее высоким уровнем распространения радикального ислама. На основе качественного и количественного контент-анализа и ивент-анализа показана преемственность международного дискурса политического ислама в северокавказском интернет-пространстве. Для анализа были отобраны более 20 текстов таких известных исламских авторов, как С. Кутб, Х. Аль-Банна, А. Маудуди и Р. Хомейни, а также около 500 текстов с наиболее популярных сайтов северокавказского радикального политического ислама (таких как *KavkazCenter.com*, «Имарат Кавказ» — *ShamilOnline.org*, *UmmaNews.com* и т. д.). Полученные в ходе исследования выводы относительно структуры дискурса северокавказского политического ислама в Интернете и связи этого дискурса с социальной практикой способствовали последующей выработке практических рекомендаций по снижению напряженности на Северо-Восточном Кавказе, возникшей в связи с резкой активизацией политического ислама в конце XX - начале XXI века.

Книга предназначена в первую очередь для политологов, журналистов и историков, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблематикой политического ислама.

Рецензенты:

зав. кафедрой всеобщей и отечественной истории НИУ ВШЭ,

д-р ист. наук, проф. *А. Л. Рябинин*;

ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН,

д-р ист. наук *А. Ш. Кадырбаев*;

доц. кафедры современного Востока РГГУ, канд. ист. наук *И. Л. Алексеев*;

преп. кафедры всеобщей и отечественной истории НИУ ВШЭУ7. *М. Исаев*

Издательство «Книжный дом "ЛИБРОКОМ"».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 62х90/16. Печ. л. 9. Зак. *На ВТ-22*.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11 А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-03548-4

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012

Оглавление

Предисловие (Лукьянов Г.В., Рябинин А.Л.)	6
Введение	19
Глава I. Дискурс-анализ. Операционализация понятия религиозно-политическое интернет-пространство. Методология исследования	25
Обоснование применения -анализа	25
Теория Э. Лакло и Ш. Муфф. Возможность ее применимости к проблеме исследования	30
Религиозно-политическое интернет-пространство. Особенности исламского интернета	32
Методология	38
Глава II. Политический ислам	43
Концептуализация смыслового поля политического ислама	43
Краткий экскурс в историю исламской политической мысли	58
Особенности развития концепции мусульманского государства	60
Мусульманская политическая мысль XX века	64
Глава III. Материалы и этапы предварительного исследования	71
Глава IV. Количественный и качественный контент-анализ: результаты, предварительные выводы	75
Кодировочная книга	75
Анализ результатов количественного контент-анализа	79
Интерпретационный анализ	85
Глава V. Дискурс политического ислама	103

Заключение	109
Список использованной литературы и источников	115
Приложения	129
Приложение 1. Словарь исламских терминов	129
Приложение 2. Основные постулаты концепции панисламизма в произведениях Маудуди, Хасана Аль-Банни, Кутба и Хомейни ..	133
Приложение 3. Количественный контент-анализ текстов сайта Islamtimes.org	137
Приложение 4. Интернет-пространство Северо-Восточного Кавказа	138
Приложение 5. Описание анализируемых сайтов	139

Хочу выразить благодарность моему научному руководителю, человеку, внесшему неоценимый вклад не только в эту работу, но и во всю мою жизнь – Алексей Леонидович Рябинин. Без его терпеливого прочтения и редактирования это исследование было бы далеко от того, что Вы видите сейчас.

Спасибо всему коллективу кафедры всеобщей и отечественной истории НИУ ВШЭ за оказанную научную и моральную поддержку.

Не могу не поблагодарить моих родных и близких, которые всегда верили в мои силы.

И, наконец, отдельное огромное спасибо хочу сказать Григорию Лукьянову, который был со мной во все самые сложные «минуты сомнений и терзаний» от самого появления идеи этой работы до финального оформления обложки.

Предисловие

Политический ислам в информационном обществе: метод дискурсивного анализа

Приблизительно тридцать лет тому назад, вскоре после исламской революции в Иране, в Институте востоковедения АН СССР была организована конференция, посвященная событиям в этой восточной стране. Основная часть выступавших вполне одобрительно трактовала революцию Хомейни, предполагая, что, устранив наследие шахского режима, новая власть расчистит путь для некапиталистического развития (существовала такая канувшая в Лету теория!) и даже социалистических преобразований в Иране. Среди несогласных с этим сценарием был лишь А.М. Салмин, заявивший: «Весь мир в испуге трясется, а нам все мало!». Приблизительно в это же время сходную оценку дал иранским событиям Д.В. Деопик: «Наплачемся мы еще с этим исламом!».

С этого времени победивший в Иране политический ислам вырвался на мировую арену и победно шествует по планете. Если ранее революционный ислам служил прибежищем для экстремистов, террористов и маргиналов, то начиная с 80-х годов XX в., он стал обретать поддержку у широких народных масс на всем Ближнем и Среднем Востоке. Популярность политического ислама сегодня можно сравнить с привлекательностью для самых разнообразных социальных слоев и этнических групп теории и практики коммунизма в 20-е годы. Да и последствия распространения идеологии победившего коммунизма и политического ислама могут быть сходными.

В связи с этим радикальный политический ислам и сопутствующие ему явления не могут сегодня не быть в центре рассмотрения современной политической и востоковедной науки.

Динамика развития политического ислама от Сейида Кутба и Рухоллы Мусави Хомейни до Теиб Реджеп Эрдогана и Мухаммеда Мурси, многообразие и многогранность этого феномена, многомерность его восприятия в различных странах мира различными социальными группами делают исследование всего комплекса радикальной мусульманской идеологии и практики насущной проблемой не только абстрактной академической науки, но и органов внутренней и внешней политики конкретных

государств, а также коллективных исследовательских центров всего международного сообщества. Это привлекает к изучению политического ислама, его трансформации и роли в мировой политике все большее количество ученых из самых различных областей науки и стран мира.

Среди исследователей, изучающих политический ислам традиционными методами, в основном, не было единства в отношении как понятий (таких как «исланизм», «ваххабизм», «салафизм» и т.д.), так и трансформации идей политического ислама. Комплексные исследования современной политической науки предоставляют в распоряжение ученых широкий спектр таких подходов, которые позволяют по-новому рассмотреть взаимоотношение понятий и развитие идей политического ислама в условиях распространения информационных технологий, резко ускоривших процесс производства и обмена информацией.

Распространение интернета и новых способов передачи данных дали толчок развитию таких идеологических конструктов, которые позволяют избавиться от ограничений локальности, централизации и зависимости от конкретных источников знания. В XXI веке любой имеющийся политико-идеологический конструкт может быть распространен посредством интернета и использован в другой части земного шара. Чем проще этот конструкт, тем легче он взаимодействует с местной спецификой и укореняется в новой социальной среде.

Политико-идеологический, а впоследствии и социально-культурный феномен, называемый радикальным политическим исламом, с которым мы сталкиваемся в современном мире, явился результатом переосмысления в XX веке тех элементов, которые исторически сложились в так называемом «возрожденческом» исламе.

Идеи радикального политического ислама в учении его основных идеологов обладают способностями конкретизации и быстрого распространения в массовой среде, отличаясь от традиционных подходов своей простотой, определенностью и легкой усваиваемостью. В итоге, в XXI тысячелетии эти идеи, изложенные в самом общем виде, стали легко распространяться по миру и видоизменяться в зависимости от общественной, этнической и религиозной среды социума-реципиента.

Как уже отмечалось, по утверждениям многих исследователей, именно политический ислам несет в себе тот заряд революционной силы, которая может в ближайшем будущем взорвать модернизирующиеся и традиционалистские мусульманские государства, а затем, по истечении определенного времени, и весь мир. Огромное количество глобальных и региональных международных организаций, форумов и дискуссионных площадок, таких как Организация объединенных наций, Организация исламского сотрудничества, Лига арабских государств и т.д., ставят своей целью выработку программ борьбы с международным терроризмом, зачастую связываемым с исламом. Локальные неправительственные организации и государственные структуры стремятся к снижению «градуса напряженности» радикального ислама. Однако для того, чтобы воспрепятствовать реализации негативного сценария развития событий, чтобы найти средства для противодействия угрозе подобного рода, недостаточно простого осознания опасности со стороны радикального ислама. Невозможно разработать эффективную стратегию поведения в отношении политического ислама без четкого понимания сущности этого феномена, без ясного представления проблем, связанных с его появлением в том или ином месте, с распространением и самовоспроизводством в условиях информационного общества.

Таким образом, необходимо понимать, что представляет собой политический ислам не только как политическое действие (то есть, следует рассматривать эту разновидность ислама в рамках реальной политики), но и как политическая идея, предвосхищающая это действие. Иными словами, только заглянув в «корень» проблемы, можно выработать наиболее грамотную тактику ее разрешения. А для того, чтобы эффективно бороться с исламистским радикализмом, прежде всего следует понять, чем изначально являлся радикальный политический ислам и как он функционировал в различных социумах.

Возможность противостояния политическому исламу мирным путем может быть обеспечена только лишь диалогом с поборниками этого направления. Но для этого необходимо вести разговор с ними на одном языке. Понимание друг друга, реализуемое посредством включения в

инородный дискурс, является камнем преткновения при решении любого конфликта.

Однако, за революционным характером радикального исламизма стоят определенные характеристики и элементы ислама как такового. Сама же «революционность» ислама характеризуется теснейшей связью политики и религии в исламском обществе. Основываясь на имеющихся исследованиях¹, можно с уверенностью сказать, что все развитие исламской политической философии зиждется на принципе связи политики и религии. Основным следствием этого принципа для политической практики мусульманского общества является высокий уровень политического участия, минимально - на уровне отдельно взятых общин, максимально – на уровне межгосударственных отношений.

Говоря о политическом участии, следует обратить особое внимание на понятие «политический ислам». Несмотря на принципиальную включенность обычного ислама в политику, под «политическим исламом» обычно подразумеваются самые радикальные проявления и требования адептов этой религии.

Присутствие крайних взглядов в идеологическом спектре – рядовая ситуация для западноевропейских демократий: если их представители и сторонники включены в легальный политический процесс, то политическая система в подавляющем числе случаев продолжает нормально функционировать (правда, существуют и исключения: в 1933 г. НСДПА пришла к власти легальным путем, после чего демократический режим был заменен тоталитарным).

Ситуация же со сторонниками радикального политического ислама совершенно иная: являясь частью политической системы, они в силу законодательных актов своих стран принципиально исключены из числа полноправных акторов этой системы. И в то же время исламские радикалы постоянно являются предметом дискуссии, ведущейся между всеми

¹ См. например: *Кирабаев Н.С.* Политическая мысль мусульманского средневековья. М.: изд-во РУДН, 2005; *Фролова Е.А.* История арабo-мусульманской философии. Средние века и современность. М.: ИФ РАН, 2006.

остальными акторами политического процесса. Каким же образом можно включить хотя бы часть сторонников политического ислама в легальный политический процесс?

Следует отметить, что два способа налаживания диалога с умеренными представителями политического ислама, - институциональный и дискурсивный, - способны втянуть часть мусульманских радикалов в нормальный мирный легальный политический процесс и тем самым изменить ситуацию к лучшему.

Для легитимации своего положения радикальный политический ислам широко использует религиозную риторику. Согласно исследованию Р. Инглхарта, ислам занимает важнейшее место в жизни мусульман Ближнего Востока. На вопрос «Насколько важен Бог в Вашей жизни?» - «очень важен» ответили: 76.2% в Турции, 97.0% в Египте, 87.5% в Марокко, 79.7% в Иране, 97.1% в Иордании и 91.8% в Ираке.²

Тем не менее, число образованных богословов, настоящих знатоков Корана, даже в этих странах отнюдь не велико. В большинстве своем на Ближнем Востоке господствуют бытовые формы исповедания ислама. При этом стремление к познанию Корана, изучению шариата является одним из важнейших в жизни правоверного мусульманина. Возникновение интернет-пространства и связанное с ним резкое расширение информационной открытости привело помимо всего прочего к появлению большого количества псевдо-авторитетов, по-своему трактующих Коран. Несмотря на то, что официально практика *иджтихада* прекратилась к XI в., когда сформировались основные богословско-правовые школы (*мазхабы*), сложились принципы ислама как идеологии и обоснования общественного устройства, именно представители политического ислама в конце XX - начале XXI вв. активно используют «собственное мнение» по важнейшим богословским и социальным вопросам. Зачастую те или иные интерпретации ислама в виде *иджтихада* направлены сегодня на достижение конкретных политических целей, что превращает «священную войну» в борьбу за политическое влияние.

² Online Data Analysis - Egypt [2008], India [2006], Irak [2006], Iran [2005], Jordan [2007], Morocco [2007], Turkey [2007] // World Value Survey. URL: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSAalyzeQuestion.jsp>

Немаловажную роль в распространении простых и понятных для обычных мусульман радикальных идей играет экономическая среда. Большинство стран Ближнего Востока и Северной Африки, где в наибольшей степени распространены движения радикального политического ислама, не могут обеспечить экономическое благосостояние собственного населения. Так, по данным World Bank 2011 года ВВП на душу населения Йемена составляет \$1,361, Египта – \$2,781, Туниса – \$4,297.³

Неспособность правительств этих стран решить проблемы большинства своего населения ведет к радикализации общественных настроений, что воплощается в «понятной» для них форме политического движения, оперирующего религиозными понятиями, знакомыми каждому мусульманину с раннего детства.

Сложными представляются перспективы демографического развития «ареала ислама».⁴ По некоторым оценкам, численность населения всего мира к 2100 году увеличится на 2,5 млрд., из них 1,75 млрд. придется на мусульманские страны. В 2005 году 24% населения были мусульманами, то есть, каждый четвертый на Земле, а к 2050 эта цифра вырастет до 33% и тогда мусульманином будет каждый третий. К 2100 процент мусульман может достигнуть цифры 37.⁵ Естественно, все эти показатели носят вероятностный характер, однако, при моделировании международной политики в ближайшие десятилетия нельзя будет не учитывать фактор опережающего роста численности мусульман, особенно в региональном и локальном измерениях.

Бедность, демографический рост и интернет сыграли определяющую роль в изменении ситуации в мусульманских обществах в ходе событий 2011-2012 гг., получивших название «арабская весна». Роль «исламистского» фактора в этих событиях до сих пор остается дискуссион-

³ GDP per capita (current US\$) // The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>

⁴ Подробнее см.: *Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. №6. 2011. С. 10 – 16; *Коротаев А.В., Халтурина Д.А.* Современные тенденции мирового развития. М.: Либроком/URSS. 2009, с. 67 – 96.

⁵ World Population Prospects. The “Islamic Bomb” // Free World Academy. URL: <http://www.freeworldacademy.com/globalleader/population.htm>

ной, но изменения политических систем и режимов стран Ближнего Востока и Северной Африки, являются уже свершившимся фактом.

В Тунисе наибольшее из всех остальных партий количество голосов в парламенте получила существовавшая долгое время на нелегальном положении партия «Ан-Нахда» («Возрождение») – 89 из 217. Хотя ее лидер Рашид Ганнуши заявил, что, будучи приверженцем демократических принципов, «не собирается становится тунисским Хомейни»⁶, тем не менее сложно сказать, за что голосовали сторонники «Ан-Нахды» – за популярную в народе исламскую демократическую партию, или же за радикального борца против свергнутого режима Бен Али. Что же касается адептов абстрактных прав человека, то их в Тунисе сравнительно мало. Об этом свидетельствует тот факт, что идеи «Республиканского конгресса», поддерживающего нынешнего президента Туниса Мосефа Марзуки, известного поборника прав человека, не нашли должного отклика в сердцах людей даже на волне широких демократических преобразований: Конгресс получил всего лишь 29 мест в тунисском парламенте.

В Египте, если сравнивать его с Тунисом, можно говорить о «торжестве исламистов». Большинство на парламентских выборах получили небезызвестные «Братья-мусульмане» в лице Партии справедливости и развития (40%), а также представители радикального салафитского движения «Ан-Нур» (20%).⁷ По итогам президентских выборов победу одержал кандидат от «Братьев-мусульман» Мохаммед Мурси, которому, судя по всему, удалось реально отстранить от власти военных. А тот шабаш, который был устроен 11 сентября 2012 г. широкой исламской ответственностью вокруг американского посольства в Каире, заблаговременно покинутого дипломатами США, сожжение американского флага напоминает развитие событий в Тегеране с 4 ноября 1979 по 20 января 1981 гг., правда, в ослабленном виде. Тогда разбушевавшиеся «студенческие мас-

⁶ Долгов Б.В. «Арабская весна»: итоги и перспективы // Фонд исторической перспективы. 19.04.2012 URL: <http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/arabskaja-vesna-itogi-i-perspektivy-2012-04-19.htm>

⁷ Египет. Парламентские выборы 2011 // Электоральная география 2.0. URL: <http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/e/egypt/egipet-parlamentskie-vybory-2011.html>

сы» захватили 52 американских заложника, держали их в оккупированном здании посольства в течение 444 дней и освободили только лишь с приходом к власти в США нового резидента и за размораживание с банковских счетов 8 млрд. долларов.

Несколько иная ситуация в Ливии. Здесь произошла наиболее радикальная смена режима, сопровождавшаяся убийством Муаммара Каддафи - воплощения этого режима. Ливийский сценарий повторил развитие событий в Румынии в декабре 1989 г. По результатам выборов во Всеобщий Национальный Конгресс 7 июля 2012 года на первое место в Ливии вышла «Коалиция (союз) национальных сил» (К(с)НС) под руководством Махмуда Джабриля. Это объединение хорошо подходит под описание партии «хватай всех». Об этом свидетельствует наличие «популистского и дискретного характера ее лозунгов, а также стремления завоевать предпочтения как можно более широких слоев населения».⁸ Исламисты получили второе место, занятое Партией справедливости и развития (ПСР) – ливийским крылом «Братьев-мусульман». Несмотря на то, что отрыв Партии справедливости и развития от «Коалиции (союза) национальных сил» достаточно велик, можно говорить о том, что в случае неспособности популистов решить насущные экономические и социальные проблемы Ливии, электоральные предпочтения в этой стране могут сдвинуться в пользу исламистов.

Наиболее бескровно изменения во время «арабской весны» произошли в Марокко и Иордании. В обеих этих странах был внесен ряд изменений в избирательное законодательство, а Марокко сделало шаг на пути урегулирования «вечного» национального вопроса: берберскому языку был придан статус официального.⁹ И в Марокко, и в Иордании степень участия представителей радикального политического ислама представляется наименьшей.

⁸ Лукьянов Г.В. Выборы во Всеобщий Национальный Конгресс Ливии: контекстуализация, концептуализация и подведение итогов // Новое Восточное обозрение – Открытый Дискуссионный Журнал. 16.08.2012. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/118168>

⁹ Сапронова М.А. О поправках к марокканской конституции // Институт Ближнего Востока. 5 июля 2011. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/05-07-11.htm>

Наиболее остро политический ислам повлиял на события в Бахрейне и Йемене. В обоих случаях обострилась проблема шиитского населения: в Бахрейне – это выступления шиитов, составляющих 40%, против суннитской монархической династии; в Йемене – действия вооруженных зейдитских группировок – хуситов. В связи с нестабильностью политической системы в Йемене обострилась проблема южного сепаратизма, а также активизировались группировки, действующие в рамках организации «Аль-Каеда на Аравийском полуострове». ¹⁰ Все это делает ближайшее будущее этой южноаравийской страны мало предсказуемым.

Согласно распространенному мнению, часть повстанцев Сирии представляет радикальный политический ислам, а на стороне правительства Башара аль-Асада выступает субсидируемое Ираном исламистское движение «Хизболла». Изначально можно было предположить, что ситуация в Сирии будет развиваться по египетскому или в худшем случае по ливийскому сценарию. Однако в результате скрытой поддержки иностранных государств конфликт приобрел затяжной характер, и в случае отсутствия открытого вмешательства западных держав (по ливийскому сценарию) противостояние в Сирии может затянуться на долгие годы.

Таким образом, хотя политический ислам на Ближнем Востоке и в Северной Африке является не единственной движущей силой произошедших там событий, но он, несомненно, является очень существенным фактором в социальном и политическом раскладе сил. Недоучет политического ислама (особенно в контексте возрастания роли информационных технологий, Интернета и социальных сетей) может привести к серьезным оборачиваниям в восприятии как текущей ситуации, так и выстраивании прогнозов на будущее: Ближний Восток 2010 года и Ближний Восток 2012 года – очень существенно различаются между собой. Вопрос - «каким будет Ближний Восток в ближайшее десятилетие?» - занимает и будет занимать долго умы аналитиков всего мира.

Проблема исламского радикализма актуальна также и для современной России. Однако, понимание этой актуальности пришло к россий-

¹⁰ Долгов Б.В. Указ. соч.

ским исламооведам и политологам только в самое последнее время.¹¹ В России не написано фундаментальных работ о влиянии «арабской весны» на развитие ситуации на Северном Кавказе, хотя в эпоху информационного общества такое влияние представляется очевидным.

В современных условиях отечественному экспертному сообществу необходимо проанализировать произошедшие в последнее время изменения на Северном Кавказе, изучив при этом два предметных поля: политический ислам как таковой и его проявления в республиках Северного Кавказа в частности.

Основным полем деятельности идеологов исламизма по распространению своих взглядов, а также поиска материала для исследователя политического ислама сегодня является интернет. В связи с этим полезным и своевременным видится исследование С.А. Рагозиной, проанализировавшей политический ислам на Северном Кавказе именно в том единственном медийном пространстве, в котором его последователи могут свободно излагать свои взгляды, не опасаясь репрессий со стороны властей.

Новаторским в данной работе является привлечение источников информации: материалов радикальных интернет-сайтов. В отечественной науке подобные исследования, опирающиеся на столь «необычные» первоисточники, практически отсутствуют.

В монографии С.А. Рагозиной использованы новейшие методы политической науки: контент-анализ и дискурс-анализ. В последнем случае автор применила постструктуралистскую теорию дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, основанную на идее о том, что «дискурс формирует социальный мир с помощью значений».

Проведя мониторинг интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа и обнаружив в нем тексты политического ислама, С.А. Рагозина

¹¹ Малащенко А.В. После «арабской весны»: гипотезы и сценарии // Московский центр Карнеги. 18.11.2011. URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=46021>

с помощью теории Э. Лакло и Ш. Муфф выявила среди отобранных ею для анализа текстов знаки, составляющие дискурс, и элементы, образующие поле дискурсивности. Применяя контент-анализ и ивент-анализ, автор смогла структурировать дискурс политического ислама на Северном Кавказе, установив значение знаков в дискурсе, элементов в поле дискурсивности, а также определить взаимосвязь знаков внутри дискурса и отношение этих знаков с элементами в поле дискурсивности.

Применив затем метод опросника к изучению дискурса политического ислама в интернете Северного Кавказа, С.А. Рагозиной удалось определить тот факт, что узловой точкой в этом дискурсе является знак «джихад», организующий все окружающее пространство. Это, а также опора на религиозные тексты и авторитеты, позволило С.А. Рагозиной обоснованно утверждать, что дискурс северокавказского политического ислама в интернете имеет воинственный и религиозно-легитимированный характер. То есть, основным направлением в деятельности исламистов Северо-Восточного Кавказа являются насильственные действия, «священная война».

В ходе исследования С.А. Рагозиной удалось установить, что большинство знаков в дискурсе политического ислама в интернете Северного Кавказа имеют два значения: артикулированное в дискурсе и находящееся в поле дискурсивности. Уяснив механизм воспроизводства дискурса политического ислама в интернете Северного Кавказа, С.А. Рагозина пришла к обоснованному заключению о том, что для этого дискурса характерны прежде всего идеальные понятия, а не реальные механизмы достижения целей. Понятие «цель» также не характерно для связи знаков дискурса политического ислама в интернете Северного Кавказа.

Все это свидетельствует об утопичности проектов данного дискурса и неготовности радикальных исламистов Северного Кавказа на сегодняшний день практически реализовывать свои планы.

Применение указанной выше методики позволило установить такие важные характеристики политического ислама на Северном Кавказе, как численность его адептов и их способность мобилизовать население (прежде всего молодое) для осуществления насильственных форм выра-

жения протеста, выявить отношение исламистов к различным исламским государствам, к международной солидарности и т. д.

Если принять негласное допущение автора, что политический ислам в интернет-пространстве Северного Кавказа представлен исключительно радикальным направлением, экспликация соответствующего религиозно-политического дискурса выглядит достаточно достоверной, а выводы о его воинственном и гегемонистском характере представляются вполне убедительными. Очень важным является реконструкция социально-политического и идейного контекста, в котором формируется данный дискурс. В особенности следует отметить замечание о том, что фактором радикального противопоставления северокавказских мусульман российскому обществу является не только их историческая память и специфические религиозно-политические взгляды, но и российское общественное мнение, в котором практически отсутствует позитивный образ Кавказа и, большей частью, собственно, ислама.

Наконец, самым важным практическим результатом представленной на обозрение читателей работы представляется разработанная автором методика передвижения «дискурса политического ислама на более умеренные позиции» и включение «нового дискурса в легальное политическое поле», что должно резко ослабить влияние политического ислама и усилить позиции ислама умеренного.

Кратко данная методика может быть описана в следующем тезисе: «поскольку в дискурсе артикулируется значение конкретных знаков, которые и составляют этот дискурс, а в поле дискурсивности находятся элементы (значения), которые могут быть артикулированы, но пока еще этого не произошло и соответствующий дискурс не появился, то (продолжая рассуждение в терминах теории дискурса), необходимо, чтобы появился актер, который бы артикулировал элементы поля дискурсивности, превращая их в моменты (знаки), создающие новый дискурс политического ислама». Именно этот подход сегодня с большим опозданием берется на вооружение теми сегментами российского гражданского общества, как мусульманами, так и немусульманами, которые заинтересованы в переводе религиозно-политического противостояния в регионе в мирное русло.

Эта книга будет полезна тем, кто стремится к достижению мира на Северном Кавказе и предложенная автором методика будет воспринята не только на уровне гражданских инициатив, но и на уровне выработки программ противодействия радикализации ислама в России.

А. Л. Рябинин
Доктор исторических наук
заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Г.В. Лукьянов
Заместитель заведующего кафедрой всеобщей и отечественной истории
Национальный исследовательский университета
«Высшая школа экономики».

Введение

Проблема политического ислама является одной из самых сложных как в научном, так и в прикладном политическом анализе. И в том, и в другом случае, данный термин обладает множеством смыслов, описывает широкий спектр социальных явлений. Не существует также и общепринятой методологии изучения политического ислама. Работая на стыке политологии, социологии и религиоведения, ученые, занимающиеся теоретическим изучением политического ислама, не могут предложить какой-либо оптимальный инструментарий, подходящий исключительно для указанной проблемы. То же самое относится и к прикладному политическому анализу данной проблемы: как правило, политический ислам в подобных исследованиях ассоциируется с экстремизмом и радикализмом в самом общем виде этих понятий, и, следовательно, основная цель - это выработка программ противодействия именно этим видам «экстремизма и радикализма». Однако подобные документы также несут поверхностный характер. Для адекватного понимания политического ислама как в теоретическом плане, так и в сфере реализации его на практике необходимо четко определить предмет политического ислама и выявить: *какие структурные элементы включает в себя данный концепт, каковы основные характеристики этих элементов, каков социальный контекст, в котором данный вид ислама, проявляется как таковой.* Это проблема носит теоретический и методологический характер, являясь, таким образом, важнейшей частью всего исследования

Наибольшую остроту и актуальность проблема политического ислама в нашей стране приобрела именно на Северо-Восточном Кавказе, три республики которого – Чечня, Ингушетия и Дагестан, – характеризуются наиболее высоким уровнем распространения радикального ислама, или, согласно существующему стереотипу, ваххабизма (ниже будет объяснено, почему термин «ваххабизм» не применим к Северному Кавказу). Этим объясняются региональные рамки, в которых я буду рассматривать практику политического ислама: Северо-Восточный Кавказ. Изучение структурных элементов политического ислама в теоретическом плане и исследование социального контекста, определяющее те или иные его проявления, дают возможность выработать некоторые конкретные управленческие рекомендации для минимизации негативных последствий его реализации в общественной жизни.

Как уже было сказано выше, вопрос о том, как исследовать политический ислам, в настоящее время остается открытым. Существует богатый фактологический материал, представленный во множестве работ, включающих качественные социологические исследования. Однако в ми-

ровой политологической, социологической и религиоведческой литературе нет работ, отвечающих на вопрос, что такое политический ислам вообще и на Северном Кавказе в частности.

В начале работы над данной темой, мной был проанализирован спектр доступных инструментов и сделан предварительный вывод: для выявления дискурса политического ислама наиболее плодотворным является исследование пространства интернета.

Вкратце стоит отметить, что в данном исследовании понимается под термином «дискурс политического ислама». Это *совокупность текстуально оформленных идей указанного тематического поля форм, имеющих потенциал для конвертации в политическое действие*. Похожие мысли излагает признанный специалист в области политического ислама Кудряшова И.В. Она не дает точного определения «идеологического дискурса политического ислама» в своей одноименной статье, подчеркивая, однако, следующий момент: «Становление доктрины современного исламского фундаментализма, связанное с именами С. Кутба, А.А. Маудуди, М.Б. Ас-Садра и других, относится к 50–60-м годам XX в., а с 70-х начинается соединение этих идей с коллективной политической практикой.»¹² Далее она перечисляет основные «идеологемы», составляющие политический ислам, их трансформацию в ходе процессов социально-политической модернизации.

Необходимо также пояснить и тезис об исследовании интернета как наиболее продуктивном пути исследования.

Действительно, для дискуссий о политическом исламе, тем более радикальном, интернет является не просто «зеркалом» описываемой реальности, но и зачастую - единственной реальностью, так как радикальный ислам, площадки для обсуждения которого чрезвычайно ограничены, почти полностью уходит в интернет-пространство. Согласно одному из определений, дискурсом является «взаимосвязанный набор текстов, а также практик их воспроизводства, их распространения и рецепции, *что потом формирует некоторые объекты* (выделено мной – С.Р.)»¹³. В связи с этим тексты, медиа-материалы создают смыслы и идеи, составляющие понятийную основу политического ислама. Применение дискурс-анализа как комплексного подхода к изучению политического ислама определяет, с моей точки зрения, не только научную, но и методологиче-

¹² Кудряшова И.В. Идеологический дискурс политического ислама // Политическая наука. 2003. №4. С. 142.

¹³ Филлипс Н., Хардия С. Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. Электронный журнал. Вып.1.-Т.1. 2009. С.51. URL: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf (дата обращения: 25.03.2012)

скую новизну данной работы, так как о подобных исследованиях в отечественной науке ничего неизвестно. Кроме того, именно такой методологический подход способствует значительному расширению сферы использования аналитических методов исследования разрабатываемой проблемы.

Главным же является то, что исследование интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа с помощью метода дискурс-анализа, дает возможность, с моей точки зрения, решить вторую проблему данного исследования и ответить на вопрос: что является политическим исламом в указанном субрегионе.

Предметом исследования выступает дискурс политического ислама – то есть, то, что мы «ищем» в ходе анализа интернет-среды: его структура, его место по отношению к другим дискурсам. Следует отметить, что любое направление ислама так или иначе связано с политическим – такова принципиальная отличительная черта ислама, однако, понятие «политический» закрепилось лишь за одним радикальным исламом, который фактически монопольно представлен в интернет-пространстве.

Основная цель данной работы – это обнаружение и описание дискурса политического ислама в исламском сегменте интернета и предложение возможных ему альтернатив.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- Дать определение понятию политического ислама на основе имеющейся фактологических, социологических и иных материалов; указать его основные характеристики, в частности уникальные для Северо-Восточного Кавказа;
- Осуществить структурный анализ понятия политический ислам на основе трудов мусульманских мыслителей XX века, являющихся «отцами-основателями» радикального политического ислама;
- Операционализировать понятие религиозно-политического интернет-пространства, показать особенности его исламского варианта;
- Обосновать применение подхода дискурс-анализа, проанализировать имеющийся опыт (в основном зарубежный) анализа текстов на предмет поиска дискурса, специфику работы с религиозно-политическими текстами;
- Обосновать выбор конкретной теории, а именно теории дискурса Э.Лакло и Ш.Муфф;
- Составить базу данных, анализируемых ресурсов;
- Описать структуру интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа: классифицировать ресурсы, указать их количественные характеристики;

- Провести интерпретационный качественный и количественный контент-анализ материалов выбранных ресурсов;
- Указать основные характеристики дискурса политического ислама, на основе анализа интернет-пространства;
- Предложить возможный сценарий видоизменения дискурса политического ислама в сторону снижения его радикальности.

При разработке данной темы необходимо принять две важные предпосылки, без которых невозможны дальнейшие рассуждения.

1. *Дискурс политического ислама в интернет-среде включает в себя не только те или иные лексические знаки, но и социальную реальность.* Иными словами, социальная реальность является следствием этого дискурса, а социальные действия вторичны по отношению к идеям, обозначенным в рамках дискурса.

2. *Дискурс политического ислама в интернет-среде является гегемонистским, так как другие конкурирующие дискурсы в интернет-среде фактически отсутствуют.* Радикальные сайты гораздо активнее используют интернет-пространство, чем умеренные, поскольку, как уже было отмечено выше, интернет является единственной площадкой для выработки характерных для представителей радикального ислама стратегий поведения.

Необходимо также представить несколько гипотез относительно предполагаемых характеристик политического ислама (которые впоследствии полностью подтвердились).

H¹: *Интернет-пространство радикального ислама рассеянно.* Здесь представлены почти все типы ресурсов: информационные агентства, форумы, блоги. Несмотря на наличие некоторых наиболее крупных (наиболее посещаемых) ресурсов, существует множество различных «мини-ресурсов», представляющих интересы сравнительно небольшой группы.

H²: *Понятие «джихад» является основной темой большинства опубликованных на этих сайтах материалов.* Кроме того, «джихад» также употребляется вместе с такими понятиями как «халифат» и «шариат».

H³: *Радикальные ресурсы склонны ссылаться на «религиозные авторитеты».* Недостаток «рациональности» доводов компенсируется ссылкой на авторитеты. Причем, зачастую, это скорее псевдоавторитеты, представленные в самом благоприятном свете. Подобная практика находит подкрепление в истории мусульманской правовой мысли: вынесение решений по основным религиозным проблемам на основе Корана называется «итджихадом». Основные мазхабы к X веку запретили использование этой процедуры ввиду, как это представлялось религиозным деятелям, решенности всех проблем. И только один из самых консервативных и малочисленных суннитских мазхабов, а именно – ханбалитский, не при-

знал этого запрета. В большинстве своем ханбалитского мазхаба придерживаются и представители радикального ислама. Стоит, однако, отметить, что сейчас итджихад ханбалитов не уникален, и данная практика понимается скорее, как переосмысление основных догм ислама ввиду современных условий, и используется не только представителями радикального ислама.

Значение большинства специфически исламских терминов и понятий вынесено в Приложение 3 «Словарь исламских терминов» в конце работы. Данный «словарь» ни в коем случае не претендует на полноту представления всех исламских терминов – приведены лишь основные понятия, указано максимально краткое их значение. Арабские термины были переведены с помощью арабско-русского словаря¹⁴, значения понятий приводятся по российским¹⁵ и зарубежным¹⁶ справочным изданиям и электронному глоссарию¹⁷.

Структура работы

В первой главе, носящей название «Дискурс-анализ. Операционализация понятия религиозно-политическое интернет-пространство. Методология исследования», содержится обзор использованной литературы, операционализируется одно из базовых понятий всего исследования – «религиозно-политическое интернет-пространство». Здесь же дается краткое представление о дискурс-анализе в общем, об особенностях дискурс-анализа медиа-материалов, обосновывается правомерность применения данного подхода к исследованию политического ислама в интернет-пространстве. В этой же главе описывается конкретная теория, с помощью которой проводилось мое исследование, а именно теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф.

Анализ понятия «политический ислам» целенаправленно вынесен в отдельную одноименную главу. Здесь представлена концептуализация смыслового поля политического ислама. Проведен предварительный этап

¹⁴ Баранов Х.К. Арабско-русский словарь М.: Издатель Валерий Костин, 2007. – 944с.

¹⁵ Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. (отв. секретарь) Ислам. Энциклопедический словарь М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315с.; Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. — / Гл. ред.: А. М. Прохоров — М.: Большая Российская энциклопедия, 2001, Кн. 1: А-Н., Кн. 2: Н-Я. 2015 с.

¹⁶ *Esposito J.L.*, ed. Oxford Dictionary of Islam USA: Oxford University Press Inc., 2004. 384p; Oxford Dictionary of World Religions / General Editor: John Bowker. Second edition. USA: Oxford University Press Inc., 2000. 1136p

¹⁷ The Islamic Glossary: An Explanation of Names, Terms and Symbols // Al-Islam.org. URL: <http://www.al-islam.org/about/resources/glossary.html>

исследования, заключающийся в выявлении основных структурных элементов политического ислама на основе трудов Хасана Аль-Банни, Сеида Кутба, Маудуди и Хомейни методов количественного и качественного контент-анализа.

В третьей главе, называемой *«Материалы и этапы первого этапа исследования»*, производится полное описание источников исследования, а также обосновывается выбор ограниченного их количества для дальнейшего детального анализа.

Четвертая глава, носящая название *«Количественный и качественный контент-анализ: результаты, предварительные выводы»*, представляет собой пошаговое описание проведенного качественного и количественного интерпретационного контент-анализа. Данный этап является основополагающим при реализации дискурс-анализа, так как интерпретация полученных результатов происходит в терминах выбранной теории дискурса Э.Лакло и Ш.Муфф.

В пятой главе, названной *«Дискурс политического ислама»*, обобщается информация о дискурсе, полученная в предыдущей главе. На основе комплекса специально разработанных вопросов развивается мысль о возможности видоизменения дискурса политического ислама в сторону уменьшения его радикального компонента.

В *«Заключении»* обобщаются результаты полученного исследования.

Как видно, из описания структуры работы, основным методом, применяемым в работе количественный и качественный контент-анализ. Так как в исследовании анализируются преимущественно письменные медиа-источники (а для выявления дискурса политического ислама – это первоисточники), то на наш взгляд выбранный инструментарий наиболее адекватно отвечает достижению поставленной в начале цели. О методологии в целом и об особенностях реализации контент-анализа подробнее будет сказано в первой и второй главах.

Глава I. Дискурс-анализ. Операционализация понятия религиозно-политическое интернет-пространство. Методология исследования

Данная глава представляет собой теоретическую и методологическую основу моего исследования. Здесь обосновывается применение метода дискурс-анализа к разработке темы в общем, а также объясняется выбор теории Э.Лакло и Ш.Муфф в связи с ее преимуществами перед другими теориями. Здесь же описывается метод контент-анализа, являющийся инструментом для эмпирического исследования в рамках указанной теории, а также операционализируются такие ключевые понятия как религиозно-политическое интернет-пространство, политический ислам, медиа-дискурс.

Обоснование применения дискурс-анализа

Как уже отмечалось выше, согласно одному из множеств определений, дискурсом является «взаимосвязанный набор текстов, а также практик их воспроизводства, распространения и рецепции, что потом формируют объекты».¹⁸ Из данного определения следует, что, в самом широком смысле дискурс-анализ позволяет изучить процесс того, как идеи, транслируемые через тексты, превращаются в реальные социальные действия. Следует отметить, что мысль о превращении транслируемых через тексты идей в общественные действия и движения фигурирует во многих классических работах, посвященных дискурс-анализу масс-медиа и формированию политического дискурса: Фэрклаф Н.¹⁹, Тьюн А. Ван Дейк²⁰, Бломмарт Дж., Булкан Ч.²¹, Филлипс Н., Хардия С.²²

¹⁸ *Филлипс Н., Хардия С.* Что такое дискурс-анализ?.. С.51

¹⁹ *Fairclough N.* Critical discourse analysis as a method in social scientific research // Wodak, Ruth Meyer, Michael Methods of Critical Discourse Analysis. London, GBR. SAGE Publications Inc. (US). 03/2002. P. 121 – 138; Idem. Semiosis, ideology and mediation. Semiotic view // Lassen, Inger Strunck, Jeanne Vestergaard, Torben Mediating Ideology in Text and Image : Ten Critical Studies. Philadelphia, PA, USA. John Benjamins Publishing Company. 03/2006. P.19 – 37.

²⁰ *Teun A. Van Dijk* Introduction: Discourse Analysis in (Mass) Communication Research // Discourses in Society. Site of Teun A. Van Dijk. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse%20Analysis%20in%20Communication%20Research.pdf>; Idem. Opinions and ideologies in the press // Paper Round Table on Media Discourse, Cardiff, July 8-10, 1995. Published in Allan Bell and Peter Garrett (Eds.), Approaches to Media Discourse. (pp. 21-63). Oxford: Blackwell, 1998. // Ibid. URL:

«Дискурс-анализ включает в себя задавание вопросов о том, как язык в заданное время и место, конструирует ситуацию, которая одновременно придает конкретное значение тем или иным словам».²³ Необходимо понимать, что такие емкие на первый взгляд определения совершенно неоднозначны. В связи с этим возникают вопросы, актуальные для любого прикладного исследования: где заканчиваются границы одного дискурса и начинается другой? Как установить взаимосвязь между дискурсом и социальной практикой: второе строго подчинено и обусловлено первым или же есть некое пространство между дискурсом и социальной практикой?

Метод дискурс-анализа в числе прочих аналитических методов применяется в рамках парадигмы социального конструкционизма.

Л.Дж.Филлипс и М.В.Йоргенсен выделили четыре черты, объединяющие все эти методы:

- критический подход к само собой разумеющемуся знанию;
- историческая и культурная обусловленность способов понимания и репрезентации мира;
- связь между знаниями и социальными процессами;
- связь между знанием и социальным поведением.²⁴

Действительно, при анализе текстов религиозно-политического экстремистского содержания мы, естественно, критически подходим к содержанию этих текстов. Учитывая то, что посредством этих текстов транслируется новое знание, мы, естественно, «не впитываем» все их содержание, а как бы скептически наблюдаем за получаемой информацией со стороны. Однако, тематика радикального политического ислама, вос-

<http://www.discourses.org/OldArticles/Opinions%20and%20Ideologies%20in%20the%20Press.pdf>; Idem. Political discourse and Ideology // Clara Ubaldina Lorda & Montserrat Ribas (Eds.), *Anàlisi del discurs polític*. (pp. 15-34). Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. IULA, 2002. // Ibid. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Political%20Discourse%20and%20Ideology.pdf>; Idem. The mass media today // *Discourses of domination or diversity? Javnost/The Public* (Ljubljana), 2(2), 1995, 27-45. // Ibid. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/The%20mass%20media%20today.pdf>

²¹ Bloomer J., *Bulcaen Ch*. Critical Discourse Analysis // *Annual Review of Anthropology*, Vol. 29 (2000), pp. 447-466.

²² Филлипс Л., Хардия С. Что такое дискурс-анализ...

²³ Gee, James P. *Introduction to Discourse Analysis : Theory and Method* London, GBR: Routledge. 08/1999. P.92

²⁴ Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 23 – 25.

принимаемая таким же радикальным религиозным сознанием, наиболее ярко демонстрирует связь между приобретенным этим сознанием знанием и социальным действием: идеи борьбы, войны, джихада, обостренное чувство национальной уникальности трансформируются в многочисленные террористические акты, происходящие почти ежедневно в республиках Северо-Восточного Кавказа. Естественно, нельзя преуменьшать важность материальных факторов (наличие финансирования, боевой подготовки), но историческая традиция показывает, насколько важны идеи, и прежде всего, трактовки этих идей, реализующиеся в действиях, которые принято называть исламистскими (подробнее о религиозно-политическом интернет-пространстве и условности термина исламизм ниже).

К четырем характеристикам указанных аналитических методов необходимо добавить еще один очень важный пункт: *неразрывность дискурса и контекста*.

Вне зависимости от того, что является доминирующим фактором в формировании другого фактора, (разные теории в рамках дискурс-аналитического подхода могут занимать диаметрально противоположные позиции), взаимовлияние этих факторов очевидно. Так, понятно, что события «арабской весны» усиливают компонент международной солидарности в дискурсе политического ислама, а активизация распространения фетв иностранных шейхов о «благоприятных условиях для скорейшего начала всемирного джихада» увеличивает возможность совершения большего числа терактов. Наша задача в рамках данного исследования заключается в максимально подробном выявлении этих компонентов дискурса и анализе их относительной значимости.

Острый вопрос, встающий при изучении любого дискурса, состоит в определении места исследователя. Самая общая точка зрения, относящаяся абсолютно ко всем научным работам и экспериментам, постулирует невозможность для исследователя занятия той или иной определенной позиции. В этом объективная наука видит залог беспристрастности качественного исследования.

При исследовании дискурса может возникнуть вопрос: как относиться к тому или иному дискурсу? Студент, принадлежащий к студенческому дискурсу и исследующий его, придет к заведомо другим выводам, чем профессор.

Применяемый мной дискурс-анализ демонстрирует абсолютное преимущество своего подхода к данной проблеме: множество дискурсов, с которыми идентифицирует себя исследователь, позволяет занять ему уникальную позицию относительно исследуемого дискурса. Так, наша позиция, как исследователя, относительно дискурса политического ислама такова: она, во-первых, зависит от соответствующего дискурса на международном уровне, во-вторых, от международного контекста, в-

третьих, от внутрироссийских событий. Мы не можем оценивать политический ислам в категориях «хорошо/плохо»: во всем многообразии дискурсов мы лишь установили себе «камеру», из которой производим наблюдение и исследование политического ислама.

В ходе разработки темы был сделан вывод, послуживший базовой предпосылкой исследования: *все действия, подпадающие под категорию радикального политического ислама обусловлены соответствующим дискурсом*. Иными словами, тексты политического ислама первичны по отношению к действиям, предпринимаемым под воздействием данных текстов. Правда, можно воспринять это положение, как достаточно дискуссионное: ведь множество материалов посвящено описанию уже состоявшихся событий или уже запланированных и точно намеченных к исполнению. Но фактически знание об уже состоявшемся событии или о событии, принятом к обязательному исполнению, является инструментом формирования нового знания: знание о произошедшем вчера укрепляет знание о произошедшем позавчера или о том, что произойдет завтра. Наиболее ярким примером такого наращивания «смыслов» являются различные интерпретации Корана: приписывание «несуществующего» смысла (таковым он является для людей вне дискурса радикального ислама; для принадлежащих же к нему правильнее назвать его «новым смыслом») некоторым сурам превращает сугубо религиозный текст в политическую пропаганду. Учитывая тот факт, что интернет для радикального политического ислама является единственным каналом трансляции распространяемых им идей, можно говорить о том, что подобные тексты заключают в себе весь дискурс. К данному явлению, как нельзя кстати, подходят формулировки известных постструктуралистов: *«ничего нет вне текста»* (Ж.Деррида) и *«все в конечном счете политика»* (Ж.Делёз). Все вышеизложенное дает мне возможность выбрать для проведения исследования постструктуралистскую теорию Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, основанную на идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений»²⁵.

Становление дискурс-анализа как кросс-дисциплины происходило за счет значительного расширения предметного поля исследования. Зародившись в области структурной лингвистики, дискурс-анализ постепенно включал в себя изучение культурных контекстов и социальных практик, испытывал существенное влияние со стороны когнитивной психологии и информатики. Расширение предметного поля дискурс-анализа хорошо прослеживается в одной из множества существующих классификаций теорий дискурса, предложенной Я.Торфингом: дискурс в узколингвистическом смысле, критический дискурс-анализ и «чистый» постструк-

²⁵ Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В.... С. 26

турализм. Согласно Я.Торфингу «цель теории дискурса предложить новую аналитическую перспективу в исследовании способов конструирования идентичности».²⁶ Иными словами, речь идет о разной степени взаимосвязанности дискурса и социальной практики: в первой модели (дискурс в узколингвистическом смысле) изучается исключительно дискурс и его структурные характеристики; критический дискурс-анализ предполагает изучение социальных практик, порожденных этим дискурсом, но дискурсивные практики лишь «лингвистическая медиация событий», своеобразный «мостик» между дискурсом и происходящими событиями – события определены другими внешними силами; и наконец, краткая формула постструктурализма может быть сформулирована так – «все есть дискурс». Мы не можем осознать смысл понятия, не изучив его социальный контекст и способы его интерпретации, мы не можем объяснить смысл этого понятия, не привлекая иных, также нагруженных смыслами, понятий. Мир для исследователя, мыслящего в постструктуралистской парадигме – это бесконечное число дискурсов, состоящих из бесконечного числа понятий, заключающих в себе бесконечное число смыслов в зависимости от интерпретаций этих понятий и дискурсов. Основная сложность для исследователя в рамках данной парадигмы состоит том, чтобы вычленить дискурс, являющийся предметом его анализа, и выбрать наиболее адекватный инструмент для проведения данного анализа. При чрезвычайной сложности подобной ситуации, тем не менее, именно такой подход, на наш взгляд, позволяет наиболее полно проанализировать выбранный предмет. Важно, что в рамках данного подхода, анализируя непосредственно текст, мы анализируем саму социальную реальность (и это фактически дублирует исходную базовую позицию).

В итоге, причины применения мной дискурс-аналитического подхода в данной работе можно свести следующим:

- новизне предмета исследования и отсутствию иных подходов, отвечающих требованиям исследования интернет-пространства на предмет выявления дискурса политического ислама;
- единственным средством формирования дискурса политического ислама является текст и возможность обнаружения этого дискурса появляется исключительно при анализе интернета.

²⁶ Русакова О.В. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификации // Аналитика культурологи. Электронное научное издание. Вып. 2(11). 2008. URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/514-article_47.html

Теория Э. Лакло и Ш. Муфф. Возможность ее применимости к проблеме исследования

Как уже отмечалось, для анализа политического ислама в интернете мной была выбрана постструктуралистская теория Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. Работа этих исследователей под названием «Hegemony and Socialist Strategy» (1985) наиболее известна такими концептами, как гегемония, радикальная демократия и антагонистический плюрализм. Большая часть этой книги посвящена обоснованию их постмарксистских взглядов: отвергая экономический детерминизм, они приравнивают рабочее движение к другим новым социальным движениям. Описывая таким образом радикальную демократию, они избегают возможности появления одного доминирующего («объективного») дискурса, который может подавлять альтернативные точки зрения. Нас же интересует та часть, где непосредственно описана теория дискурса, и в которой Э. Лакло и Ш. Муфф задаются вопросами: Что представляет собой дискурс? Что нужно учитывать при исследовании дискурса?

Э. Лакло и Ш. Муфф определяют дискурс как «смысловое поле, как нечто такое, что предвосхищает любую действительную непосредственность, как область, где образуются смыслы и значения»²⁷. Важнейшим шагом в данной теории является определение границы дискурса. То есть, для определения этих границ мы должны «закрыть» дискурс от «лишних значений». Однако, во-первых, дискурс никогда не будет «закрыт» до конца, во-вторых, даже если нам удалось его ограничить, то это будет верно лишь в тот момент времени, когда это было сделано: дискурс находится в постоянном изменении – смыслы меняются, исчезают, появляются новые смыслы. Для того, чтобы стало возможным определение границ дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф предлагают следующую его модель. Любой дискурс это - набор «моментов»²⁸. Любой дискурс это – набор таких знаков, у которых удалось выделить единственное значение (в конкретный момент времени). Процесс придания единственно возможного значения определенному набору знаков называется «артикуляцией». «Дискурс – структурированная посредством артикуляции тотальность».²⁹ «В рамках дискурса производится не только мировоззрение, но и в некотором смысле сами акторы, поскольку их идентичности не являются изначально заданными и формируются политически, т.е. через дискурсив-

²⁷ *Torfinn J. New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek. Oxford: Blackwell, 1999, p.85 – 100.*

²⁸ Здесь и далее в описании модели завышенные слова – это термины, употребляемые Э.Лакло и Ш.Муфф

²⁹ *Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics London, New York: Verso. Second Edition, 2001. p.105*

ную борьбу за означивание».³⁰ Для того, чтобы выстроить связи между акторами и упорядочить их, определяются «узловые точки», представляющие собой такие знаки, которые концентрируют вокруг себя максимальное количество «моментов». Важно отметить, что в рамках одного дискурса могут существовать знаки с противоположными значениями, формирующие такую же связь, и также организующие структуру дискурса. Сущность дискурса устанавливается в отношениях с тем, чем эта сущность не является. Пространство вне дискурса (но очень близкое к нему) называется «полем дискурсивности», в котором заключены «элементы» - значения, которые имеет или имел каждый знак, находящийся сейчас в дискурсе. Изменчивость дискурса заключается в том, что он стремится превратить «элементы» в «моменты»: выбрать у «элемента» одно значение и включить его в дискурс в качестве нового «момента». Наконец, существует также «поле сверхдетерминированности», то есть поле значений, которые никогда не могут быть зафиксированы в дискурсе. «Практика артикуляции, следовательно, состоит в конструировании узловых точек, которые лишь частично фиксируют значения; частичность этой фиксации происходит из открытости социального, что в свою очередь приводит к переполненности каждого дискурса бесконечным полем дискурсивности».³¹

Концепт гегемонии представляет собой такой же процесс артикуляции, который возможен в «поле, где элементы еще не выкристаллизовались в моменты»³². Поскольку любой знак всегда свердетерминирован, постольку существует множество конкурирующих дискурсов. «Интервенция гегемонии» снимает это противоречие, в результате чего один дискурс всегда побеждает. Особенность гегемонии как артикуляции заключается в «наличии противоборствующих сил и нестабильности границ, их разделяющих»³³. «Гегемония, таким образом, определяется как распространение дискурса, его превращение в доминирующее поле социальных установок за счет раскалывания политического пространства на два враждебных лагеря.»³⁴

Для применения данной теории к изучению проблемы политического ислама в интернет-пространстве Северо-Восточного Кавказа прежде всего необходимо операционализировать два ключевых для данной рабо-

³⁰ Казула Ф.П. Теория дискурс и дискурс-анализ: как идеи и символы формируют политику? // Политическая наука. 2009. №4. С.60

³¹ Laclau E., Chantal M. ... P.113.

³² Ibid, p. 134.

³³ Ibid, p. 136.

³⁴ Казула Ф.П.... С.62.

ты понятия: «религиозно-политическое интернет-пространство» и «политический ислам».

Религиозно-политическое интернет-пространство. Особенности исламского интернета

Следует отметить, что в зарубежной научной литературе данной теме посвящена масса работ. Распространение интернета сделало тему соотношения религии и новых медиа крайне популярной.³⁵ Наиболее полное представление о религиозном интернет-пространстве в целом дает работа А. Карафолги «E-Religion: A Critical Appraisal of Religious Discourse on the World Wide Web». Исследование А. Карафолги представляет собой описание религиозного дискурса в интернете. Исследовательница не акцентирует внимание на какой-то одной религии, а выделяет общие черты, присущие всем интернет-материалам по религиозной тематике. Значительная часть ее работы посвящена соотношению религии и технологии. А. Карафолга выделяет следующие религиозные точки зрения относительно технологии: превосходство, Новый Иерусалим, возможность приблизиться к Всевышнему, Божий дар, принцип социального развития и морального усовершенствования, новая форма получения божественного знания и демоническое и нечеловеческое, отдельное от религии.³⁶

А. Карафолга подчеркивает, что именно относительная новизна технологии порождает такие противоположные взгляды. Фактически у любой религиозной организации в наше время может быть собственный интернет-ресурс.³⁷ Позитивные последствия использования интернета описаны в работе Д.Ф. Нобла.³⁸ Противоположный взгляд представлен у Дж. Ньюмана.³⁹ Среди других крупных исследований стоит отметить

³⁵ См. например: *Arthur C.* Religion and the Media: An Introductory Reader. Cardiff: University of Wales Press, 1993; *Bedell K.* "Religion and the Internet: Reflections on Research Strategies". Annual meeting of the Religious Research Association Montreal, Quebec, 1998; *Cobb J.* Cybergrace The Search for God in the Digital World. New York: Crown Publishers, Inc., 1998; *Kong L.* Religion and Technology: Refiguring Place, Space, Identity and Community", 2001; *Zaleski J.P.* The Soul of Cyberspace: How New Technology is Changing our Spiritual Lives. San Francisco: HarperEdge, 1997

³⁶ *Karafolga A.* E-Religion: A Critical Appraisal of Religious Discourse on the World Wide Web. UK: Equinox Publishing, 2007. P.109-110.

³⁷ *Ibid*, p.199.

³⁸ *Noble D.F.* The Religion of Technology: The Divinity of Man and the Spirit of Invention. New York: Alfred Knopf, 1997.

³⁹ *Newman J.* Religion and Technology: A Study in the Philosophy of Culture. Religion Westport, CT: Praeger, 1997

сборник статей Дж.К. Хэйдена и Д.Е. Кована, разделенный на четыре тематических блока.⁴⁰ В первой части данного сборника подробно рассматриваются технологии использования Интернета для проведения исследований в сфере изучения религий. Вторая часть сборника включает в себя отдельные статьи, посвященные тому, как различные организации, группы и отдельные лица представляют себя и взаимодействуют с другими пользователями через Интернет. Третья часть сборника состоит из двух статей, посвященных новым религиозным движениям и «анти-культу» Интернет-терроризма. В последней части сборника даются рекомендации относительно того, как Интернет может быть использован в качестве инструмента для преподавания религии в современном обществе.

Работ, посвященных теме нашего исследования, а именно, исламу в Интернете, гораздо меньше и, как правило, они посвящены достаточно узким, с точки зрения тематики и географического охвата, вопросам.

Прежде чем приступить к обзору основных работ, использованных в нашем исследовании, необходимо обратить внимание на особое значение для современного ислама интернет-пространства. В исламе существует давняя традиция почитания религиозных авторитетов. В связи с тем, что язык Корана чрезвычайно сложен и метафоричен, в ранние годы исламской истории появилась, как уже отмечалось, практика «иджтихада» - толкования спорных вопросов, возникающих в связи с различной интерпретацией текстов Корана и хадисов. Формальная разрешенная, практика «иджтихада» просуществовала около века с момента возникновения ислама, после чего была запрещена. Однако данный запрет не был признан самым радикальным религиозно-правовым течением ислама - ханафитским мазхабом. Остальные мазхабы сочли дальнейший иджтихад неприемлемым. Однако, в связи с тем, что людям без специального богословского образования по-прежнему было сложно читать и правильно толковать Коран и шариат, появился институт наставничества, действовавший в рамках взаимоотношения «учитель-ученик» и закрепившийся в практике суфийских тарикатов. Слово «тарика» означает - «путь». Лишь правильно следуя «пути» почитания судебного-религиозного закона (шариата), можно было достичь счастья. Следуя суфийскому тарикату, ученик (мюрид) должен неукоснительно следовать заветам своего учителя. Суфийские братства существуют почти на всей территории распространения ислама параллельно с двумя наиболее распространенными «версиями» ислама, суннитской и шиитской. В связи с этим можно говорить о двух основных «неортодоксальных» традициях интерпретации религиозного знания в исламе: умеренной, условно называемой «суфийской», и ради-

⁴⁰ *Hadden J.K., Cowan D.E. (eds.) Religion on the Internet: Research Prospects and Promises. Amsterdam: JAI/Elsevier Science, 2000.*

кальной, аккумулировавшей в себе все то, что принято называть «политическим исламом».

Интернет предоставляет дополнительную возможность для умеренного крыла и является единственным средством для радикального направления транслировать свои интерпретации ислама. Суфийская традиция беспрекословного следования религиозным авторитетам позволяет говорить, во-первых об априорном восприятии передаваемой «учителями» информации, во-вторых, о появлении огромного числа псевдоавторитетов, использующих религиозную риторику для достижения политических целей. Кроме того, исламский интернет выступает также и как новая форма идентичности: его пользователь, являясь мусульманином в «классическом» понимании религиозной идентичности, может дополнительно ассоциировать себя с какой-либо диаспорой, находящейся вне стран исламского мира. Даже если такой пользователь интернета является представителем ортодоксальных исламских взглядов, весьма велика вероятность того, что он будет участвовать в «джихадистском» форуме и знакомиться с материалами экстремистских информ-агентств. Согласно классическому подходу теории информационного общества С. Кастельсу, «отличительная социальная и политическая тенденция 1990-х годов - это построение социального действия и политики вокруг первичных идентичностей, либо приписанных, укоренившихся в истории и географии, либо построенных заново в тревожном поиске смыслов и духовности... Религиозный фундаментализм стал, вероятно, самой внушительной силой, обеспечивающей личностную безопасность и коллективную мобилизацию в эти беспокойные годы.»⁴¹

Наиболее полное представление об исламском интернет-пространстве дается в работе Г. Бунта.⁴² В исследовании исламского интернет-пространства Г. Бунт включает описание различных форм исламского самовыражения: «онлайн», «политика и ислам в Интернете», «исламские обязанности и возможности кибер-исламского будущего». Как утверждает автор, цель книги состоит в том, чтобы оценить последствия кибер-исламских вебсайтов и изучить не только то, как сайты представляют собой ислам и мусульман, но и возможное восприятие мусульманами и немусульманами ислама и некоторых исламских вопросов. Проблема использования интернет-технологий в исламе находится также в центре

⁴¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro2.php

⁴² Bunt G. Virtually Islamic Computer-mediated Communication and Cyber Islamic Environments. Cardiff: University of Wales Press, 2000

внимания таких исследователей, как Р. Лолкера⁴³ и Дж.В. Андерсона⁴⁴. Изучению новых медиа на уровне подкастов посвящена статья Дж. Шольц, Е. Селджа, М.Стилла и Дж. Циммермана.⁴⁵

Отдельно стоит отметить статью Б.С. Тёрнера, поскольку она является единственной, в которой хотя бы частично затрагивается проблема политического ислама в интернете.⁴⁶ Подчеркивая важность религиозных авторитетов в исламе, Б.С. Тёрнер говорит о том, что интернет представляет собой новую власть, возникающую вне классической веберовской триады типов легитимности: «традиционная - харизматическая - рационально-легальная». По Б.С. Тёрнеру, «власть Интернета делегирована множеству субъектов, рассеяна и расплылена.»⁴⁷ Признавая тот факт, что «глобальное сетевое общество разрушает традиционный ислам и одновременно способствует развитию политического ислама», Б.С. Тёрнер, тем не менее, акцентирует внимание на позитивной стороне развития ислама в интернете, а именно - на новом виде «демократического диалога», в который вступают в кибер-пространстве различные религиозные течения. «Демократический эффект Интернета заключается в том, что он уравнивает различные социальные группы в вопросе доступа к власти: например, исмаилизм может стать мейнстримом наравне с другими направлениями в шиизме.»⁴⁸ Появление «новых интеллектуалов» ведет к систематизации исламской мысли и повышению уровня грамотности, а также порождает конкуренцию между «новыми интеллектуалами» за достижение наибольшего влияния в религиозной среде. В качестве примера, подтверждающего эти тенденции, Б.С. Тёрнер приводит Индонезию, где ислам в своей умеренной версии смог ответить вызовам глобализации. Однако даже первичный анализ интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа, которому присущи почти все черты международного исламского пространства, упомянутые Б.С. Тёрнером, а именно, наличие множества религиозных авторитетов, доминирование радикального поли-

⁴³ *Lohlker R.* Islam im Internet: Neue Formen der Religion im Cyberspace. Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 2001. 236 s.

⁴⁴ *Anderson J.W.* The Internet and Islam's new Interpreters // *New Media in the Muslim World: The Emerging Public Sphere*, Bloomington: Indiana University Press, 1999. Pp. 1 - 19

⁴⁵ *Scholz J., Seldge T., Stille M., Zimmerman J.* Listening communities? Some Remarks on the Construction of Religious authority in Islamic Podcasts // *Die Welt Des Islams*. № 48. 2008, p. 457 – 509.

⁴⁶ *Turner B.S.* Religious authority and New Media // *Theory, Culture and Society*. March 2007. vol. 24 no. 2. pp.117-134

⁴⁷ *Ibid*, p.124

⁴⁸ *Ibid*, p.127

тического ислама по сравнению с представителями «легального ислама» (например, ДУМД или СМР), не позволяют нам говорить о демократическом характере этих коммуникаций.

Важность трактовки различных идей в сфере политического ислама и их использования против своих противников подчеркивает Ж. Кепель в классической работе «Джихад: экспансия и закат исламизма»: «Каждая из сторон [речь идет об ирано-иракском конфликте 80-х годов] апеллировала к подлинному исламу, чтобы успешно дискредитировать обращение к нему противника. Контроль над риторикой ислама, использование его лексики стали главным вопросом власти и легитимности – признак того, что исламское пространство стало отныне главным символическим местом проявления могущества. «Война» ссылок на историю и пережитков явилась продолжением реальной войны в сфере идеологии и вероучения»⁴⁹.

Что же касается исследований исключительно российского интернет-пространства ислама, то таких источников очень мало. Небольшая статья Д. Абрамова представляет собой описание русскоязычного исламского интернета, где перечислены наиболее крупные просветительские и информационные сайты по соответствующей теме.⁵⁰ Книга А. Сибгатуллина представляет собой более подробное описание исламского интернета.⁵¹ Автор анализирует общие проблемы, связанные с соотношением интернета и ислама, вводит термин «кибермусульмане», акцентирует внимание на проблемах мусульманского просвещения и образования. Основную часть книги составляет справочник сайтов, разбитых на тематические блоки социального и просветительского характера.

Исследования, посвященные непосредственно политическому исламу в интернет-пространстве Северного Кавказа, фактически отсутствуют. Статья Литвиновой Т. представляет собой общий и далеко неполный обзор экстремистских кавказских интернет-ресурсов. Ею же вводится термин «информационный джихад».⁵²

⁴⁹ Кепель Ж. *Джихад: экспансия и закат исламизма* / пер. с фр. В.Ф.Денисова. М.: Ладомир, 2004. С. 119

⁵⁰ Абрамов Д. Русскоязычный исламский интернет // *Россия и мусульманский мир*. №8. 2005. С.138 – 143.

⁵¹ Сибгатуллин А. *Исламский интернет*. Н.Новгород: Изд. дом «Медина», 2010. 128с.

⁵² Литвинова Т. «Информационный джихад в глобальной сети» // *Власть*. № 9. 2010. С.116 - 120

Примером более глубокого анализа является англоязычная работа Грега Симонса.⁵³ Большая часть их книги посвящена проблемам противодействия религиозно-политическому экстремизму. В пятой части данной книги, озаглавленной «Терроризм в киберпространстве: Кавказ-центр и виртуальное пространство» представлена классификация радикальных сайтов, составленная главой отдела ФСБ по противодействию терроризму В. Остроуховым, который выделил четыре категории подобных сайтов: 1) веб-сайты, используемые для прямого распространения экстремистских, сепаратистских и террористических идей; 2) нетрадиционные религиозные доктрины и секты; 3) расистские и националистические сайты; 4) информационные ресурсы, не призывающие напрямую к насилию.⁵⁴ Поскольку данная классификация не подтверждена примерами и невозможно выделить ее единственное основание, то она представляется не достаточно логически обоснованной.

В той части книги, в которой представлены результаты проведенного Г. Симонсом мониторинга под заголовком «Чеченский сепаратизм он-лайн», все сайты разделены на проичкерийские, про-эмиратские и другие. О каждом ресурсе дается краткая историческая справка, приведены все ссылки и «зеркала»⁵⁵. Несмотря на то, что работа была опубликована сравнительно недавно, в 2010, многие ссылки уже устарели и появились новые ресурсы, книга Г. Симонса, тем не менее, является единственным примером работы исследователей с российскими сайтами по политическому исламу. Существуют также статьи, в которых представлены результаты конкретных эмпирических исследований, о которых подробнее будет сказано в разделе «Методология».

В свете изложенных выше особенностей построения теорий дискурса, а также, исходя из ее применимости к исследуемой мной теме, рассмотрев соотношение религии и интернета в общем и некоторые вопросы ислама и новых медиа в частности, можно дать определение *исламскому религиозно-политическому интернет-пространству, являющемуся формой коммуникации локальных исламских общин как внутри себя, так и друг с другом, и образующих такой дискурс, который обуславливает социальные действия этих сообществ в общественной практике*. Среди основных характеристик исламского религиозно-политического интернет-пространства следует выделить следующее:

⁵³ Simons G. Mass Media and Modern Warfare: Reporting on the Russian War on Terrorism. Farnham, Surrey, GBR: Ashgate Publishing Group, 2010. 216 p.

⁵⁴ Ibid, p.150

⁵⁵ Точная копия сайта на другом сервере. Копирование сайта используется, когда сайт закрыт или собирается закрыться, когда необходимо обеспечить доступ к «закрытой» информации

- Уникальность данной формы коммуникации для представителей радикального ислама, не имеющих легальной площадки в политической и общественной практике, в связи с чем вся коммуникация осуществляется в интернете, что и позволяет утверждать о первичности дискурса по отношению к социальному действию;
- Многочисленные ссылки на религиозные авторитеты;
- Восприятие транслируемого знания без критического компонента, что обусловлено непрерываемым авторитетом учителя в исламской, прежде всего, суфийской традиции;
- Большинство материалов представляют собой «информационно-аналитические» тексты, содержащие призывы к активному действию.

Методология

Говоря о методе данного исследования, следует сразу оговориться, что в рамках теории Э. Лакло и Ш. Муфф ее авторами не было предложено какого-то конкретного эмпирического инструментария. В качестве метода эмпирического исследования нами была выбрана методика качественного и количественного контент- и ивент-анализов.

Количественный контент-анализ предполагает определение наиболее значимых концептов в выбранных для анализа текстах, что позволяет выявить «знаки» и «узловые точки» дискурса. Качественный контент-анализ здесь приравнен к процессу артикуляции, под которым понимается выявление основного смысла, присущего данному знаку в данном дискурсе. Остальные значения и менее значимые концепты относятся к «полю дискурсивности». Методика ивент-анализа была применена для более детального анализа такого «знака» дискурса как «международная солидарность» (подробнее см. Глава III). Что касается «интервенции гегемонии», то дискурс политического ислама закреплен в качестве гегемонистского еще в базовой предпосылке исследования. «Интервенция гегемонии» снимает противоречие существования множества конкурирующих дискурсов, в результате чего один дискурс побеждает и превращается в доминирующее поле социальных установок за счет раскалывания политического пространства на два враждебных лагеря.

Для анализа выявленного в ходе контент-анализа дискурса предлагается своеобразный «опросник», ответы на вопросы которого позволяют более глубоко понять содержание этого дискурса.

Опыт проведения контент-анализа материалов радикального ислама в отечественной науке, а также по региону Северного Кавказа нам не известен. В зарубежной науке такие исследования достаточно распространены: Д.Б. Эдвардс исследует афганскую печатную прессу на пред-

мет «развития радикальной исламской политической идеологии и организации»⁵⁶, Д. Ибрахим анализирует сдвиг восприятия ислама в Америке и за ее пределами после событий 11 сентября 2001 года⁵⁷, существует коллективная работа о категории религиозной толерантности в пакистанских учебниках⁵⁸, в совместной работе А. Алсалех и Ф. Аланези контент-анализ материалов о террористических атаках двух наиболее влиятельных кувейтских газет выявляется доминирующее значение религиозного фактора при подаче новостных сообщений⁵⁹, С. Эйфлер описывает общие характеристики сообщений Аль-Каиды⁶⁰. Более подробно международный дискурс политического ислама описан в работе Д. Сибиану.⁶¹ Исследовательница выделяет следующие основные черты данного дискурса: «западные антимусульманские действия», «оправдание джихада», «кто не с нами, тот против нас» и «противостояние Запада и мусульманского мира»⁶².

Наиболее важными для нас являются работы, в которых описано проведение контент-анализа и его результаты.

Во-первых, в работе М.Р. Торрес Сориано анализируется место Испании в международной «джихадистской пропаганде».⁶³ Этим исследователем было обработано более 2000 текстов, из них отобрано 52, в которых так или иначе упоминается Испания. Тексты отбирались по трем критериям: 1) упоминание джихада; 2) адресованность умме и 3) связь с Аль-Каидой. Тексты были разделены на четыре категории: «Андалуссия» (исконно мусульманская территория, которую необходимо вернуть в

⁵⁶ *Edwards D.B.* Print Islam: Media and Religious Revolution in Afghanistan // *Anthropological Quarterly*, Vol. 68, No. 3, Anthropological Analysis and Islamic Texts (Jul., 1995), pp. 171-184

⁵⁷ *Ibrahim D.* The framing of Islam on Network News Following the September 11th Attacks // *International Communication Gazette* 2010 72: 111

⁵⁸ *Rehman G.S. and others* Content Analysis of Islamic Studies Textbooks on Religious Tolerance in Pakistan // *Interdisciplinary Journal of Contemporary Research in Business*. February 2011. Vol 2. N. 10. P.491 - 497

⁵⁹ *Alsaleh A., Alanezi F.* Kuwait Terrorist Attacks: A Content Analysis Study // *Journal of Social Affairs* P.67 - 81

⁶⁰ *Eiffler S.* Jihadist Propaganda on the Internet: Impact and Challenges for the Security Community // *Terrorism and Internet*, 2010. P.71 - 79

⁶¹ *Sibianu D.* Islamist Propaganda on the Internet. Terrorist Entities' Response to Alleged Anti-Muslim Western Actions // *Terrorism and the Internet* Amsterdam, NLD: EOS Press, 2010. P.81 - 89

⁶² *Ibid*, p. 84

⁶³ *Torres Soriano M.R.* Spain as an Object of Jihadist Propaganda // *Studies in Conflict & Terrorism*, N. 32. 2009. P.933-952

«дар-аль-ислам» путем джихада), «Угрозы» (любые сообщения, в которых содержалась угроза испанской национальной безопасности), «11 марта» (все сообщения, посвященные терактам в метро в Мадриде 11 марта 2004 года, использованные «джихадистами» для пропагандистских целей), «Сеута и Мелилья» (испанский анклав в Марокко, который «джихадисты» также призывают вернуть в «дар-аль-ислам») и «Смешанное» (все, что не вошло в другие категории). Каждая категория подробнейшим образом проанализирована и обосновано выделение именно тематических блоков.

Во-вторых, в коллективном исследовании 50 текстов о конфликте в Секторе Газа в период 2008-2009 годов был реализован композиционный контент-анализ, состоящий из двух частей: анализ технологий убеждения и анализ ключевых концептов.⁶⁴ При осуществлении первого автор выделит три мотивационных рамки, в каждой из которых определили три тактики убеждения: инструментальную (прямое давление, обмен, убеждение), «родственную» (ссылка на авторитет, сравнение с другой группой, моральное оправдание) и «идентичность» (активация обязательств, эмоциональные призывы, одобрение). Как выяснилось, наиболее значимым в общем наборе убеждений было моральное оправдание различного рода насильственных действий. Ключевыми концептами были признаны «активное действие», «образ врага» (в доконфликтный период), а также «слабость палестинского народа перед лицом этого врага» (в постконфликтный период).

Отдельно стоит отметить статью Дж. Кальвер, который анализирует мифические основы радикального ислама.⁶⁵ Данная работа не связана с эмпирическими исследованиями, тем не менее, исходя из базовой предпосылки о том, что труды Сейида Кутба являются основополагающими в формировании идей радикального ислама, автор предпринимает попытку выделить основные элементы в творчестве одного из идеологов «братьев-мусульман». Среди таковых Дж. Кальвер отмечает: концепт уммы, противопоставление мусульман миру джахилии и джихад в качестве фардайна (обязанности, лежащей индивидуально на каждом мусульманине). В своей работе я предприняла во многом сходный анализ. Однако исследование Дж. Кальвера представляется мне недостаточно комплексным, ввиду сведения радикальной исламской политической мысли исключительно к одному источнику – работам Сейида Кутба.

⁶⁴ *Prentice Sh. and others Analyzing the semantic content and persuasive composition of extremist media: A case study of texts produced during the Gaza conflict // Information Systems Frontiers. 2011.N. 13 p.61–73*

⁶⁵ *Calvert J. The Mythic Foundations of Radical Islam // Orbis. 2004. – Т.48. – No. 1. – pp.29 - 41*

Применяя в своей работе теорию Э. Лакло и Ш. Муфф, я использовала также указание А. Андерсена на возможность повышения качества анализа дискурса в целом не столько метода, сколько аналитической стратегии, предполагающей поиск ответов на определенный набор вопросов.⁶⁶ В рамках этой стратегии А. Андерсен формулирует следующие вопросы: Как фиксируются изменчивые знаки? Как происходит переопределение названий? В силу чего определенные знаки занимают привилегированное положение внутри дискурса?

Ф.П. Казула дополняет и уточняет эти вопросы, предлагая следующий их список:

- Каким образом тексты отражают дислокацию значений понятий?
- Как возникает гегемонистский дискурс и как он функционирует?
- Какие моменты можно выделить в гегемонистском дискурсе?
- Можно ли выделить узловые точки?
- Как моменты дискурса связаны между собой?

Ответы на эти вопросы частично можно будет найти во второй главе, а в третьей главе, представляющей собой непосредственную реализацию этой стратегии, список вопросов, и соответственно, ответов на них, будет расширен. Кроме того, каждый шаг построения дискурса политического ислама будет проиллюстрирован в подробной схеме.

⁶⁶ Казула Ф.П. Там же...С. 73 - 74

Глава II. Политический ислам

Концептуализация смыслового поля политического ислама

Определив то место, которое занимает интернет в распространении идей радикального политического ислама, необходимо дать ответ на вопрос: что представляет собой политически ислам в принципе? Должен ли он пониматься исключительно через призму интернета или же имеются более существенные его компоненты, существующие вне пространства Сети? Является ли политический ислам идеологией? Где проходит грань между такими расхожими общеупотребительными терминами, как «исламизм», «ваххабизм» и «фундаментализм»?

Существует масса работ, в которых так или иначе анализируется понятие «политического ислама», например работы: Левина З.И. о возможностях реформистского движения в исламе⁶⁷, Кудряшовой И.В. об исламском фундаментализме⁶⁸, Мирского Г.И. о явлении исламского экстремизма⁶⁹, Ланды Р.Г. о политическом исламе в целом⁷⁰. Имеются также работы, посвященные политическому исламу на Северном Кавказе, следующих авторов: Ханбабаева К.М.⁷¹, Курбанова Р.⁷², Шихсаидова А. Р.⁷³,

⁶⁷ Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. М.: Институт Востоковедения РАН: Крафт+. 2005. 240с.; Левин З. И. Хранители Слова и блюстители Духа Откровения // Фундаментализм [отв. ред. Левин З. И.]. М.: Институт Востоковедения РАН: Крафт+. 2003. С.13 – 49.

⁶⁸ Кудряшова И.В. Идеологический дискурс политического ислама / И.В. Кудряшова // Политическая наука. – 2003. – № 4. – С. 133-148.; Ее же. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука. 2003. № 2. С. 87-117.; Ее же. Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. 2002. № 1. С.66-77.

⁶⁹ Мирский Г. И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2008. 163с.

⁷⁰ Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: б\и. 2005. 266с.

⁷¹ Ханбабаев К. М. Ваххабизм в Дагестане [Текст] // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 1. Отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. 2001. С. 33 – 48; Его же. Религиозно-политический экстремизм и терроризм на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики

Акаева В.Х.⁷⁴. Роль тарикатов в политике Дагестана совместно исследовали Мацузато К. и Ибрагимов М. – Р.А.⁷⁵; распространение суфизма на Северном Кавказе изучал Аликберова А. К.⁷⁶. Остановимся на характеристике некоторых из этих работ подробнее.

По мнению Р.Г.Ланды, «политический ислам как явление во многом был результатом жесткой и бескомпромиссной борьбы исламистов и националистов за идейное лидерство и в национально-освободительной, и в социально-освободительной борьбе мусульманских народов».⁷⁷ Действительно, появление политического ислама может быть объяснено реакцией на вестернизацию и постепенный упадок центров исламского мира – Османской империи и Ирана – в XIX-XX веке. Распад Османской империи в 1918 году и курс, взятый Турцией на западную модернизацию, явился причиной появления первой организации, основывающейся на исламских ценностях и выдвигавшей политические требования. Эта организация появилась в Египте в 1928 г. под названием «братья-мусульмане». Частично восприняв некоторые элементы современного технологического

Дагестан. – Режим доступа: <http://prd.e-dag.ru/aktualnye-temy/borba-s-terrorizmom-i-ehkstreemizmom/khanbabaev-km-religiozno-politicheski-ehkstreemizm-i-terrorizm-na-severnom-kavkaze/>

⁷² Курбанов Р. Факторы конфликтогенности ислама в Дагестане // ФУЗ Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе / Отв. ред. Ю. Г. Волков / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 26. Ростов н/Д. 2005. С.146 – 148

⁷³ Шихсаидов А. Р. Ислам в Дагестане / А. Р. Шихсаидов // Центральная Азия и Кавказ. 1999. №4.

⁷⁴ Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе / В. Х. Акаев; редакционная группа В. А. Тишков (отв. ред.), Л. А. Лопуленко, М. Ю. Мартынова. – Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института антропологии РАН. Документ №127. М. 1999.

⁷⁵ Мацузато К. Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2005. №2. С.10 – 23.

⁷⁶ Аликберов А.К. Ислам на Северном Кавказе // Islamica.ru Центр арабских и исламских исследований. – Режим доступа: <http://www.islamica.ru/index/articles/?uid=116>; Его же. Современное мусульманское возрождение на Кавказе: особенности, тенденции и перспективы // Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия. М. 1994. С. 21-32.; Его же. Современный суфизм на Кавказе // Islamica.ru Центр арабских и исламских исследований. – Режим доступа: <http://www.ceber.ru/?pageID=167>.

⁷⁷ Ланда Р.Г. Политический ислам...

и экономического развития, подобные движения в разной степени были оппозиционны существовавшим политическим режимам на Ближнем и Среднем Востоке и предлагали различные варианты построения «исламского государства на основе шариата». Падение халифата как наиболее легитимной формы правления в исламском обществе сделало популярной идею о его возрождении. Несмотря на политическую и экономическую слабость в последние годы своего существования, Османский халифат оставался духовным центром исламского мира, центром, сохраняющим традиционную (пусть и значительно измененную) форму правления. Поэтому многие движения, так или иначе, оперировали идеями религиозного возрожденчества.

В исламе религия может быть тесно связана с политическими целями. Существует несколько положений ислама, которым в той или иной степени при желании можно придать политический характер.

К таким положениям относятся:

- вера в единого Бога («таухид»), а потому неверующих в него при желании можно воспринимать как кяфиров, против которых необходимо вести джихад в том или ином виде, как пропагандистский, политический, так и вооруженный;
- именно Коран является наиболее полным источником знания, из чего при желании можно вывести ту или иную степень (как мирную, так и вооруженную) отрицания всего объема информации, не соответствующей этой священной книге;
- религия, государство, вселенная составляют нераздельное триединство, в котором религия имеет абсолютный приоритет, потому что в откровении, данном Мухаммеду, заключена вся истина, исходя из чего, при желании можно требовать императивного воплощения ислама, во-первых, в государстве, во-вторых, во Вселенной;⁷⁸
- мусульманской общине («умме») должна быть присуща социальная справедливость, а потому всегда могут найтись люди, которые попытаются установить справедливость (так как они ее понимают) политическими (и военными) методами;
- мусульманское право, включающее в себя шариат (свод правил социального, духовного и политического поведения, основанный на религиозной догматике и мировоззрении) и фикх (нормативно-правовая часть шариата), обладают превосходством над нормами и обычаями (адат) и светскими законами, из чего при желании

⁷⁸ Левин З.И. Хранители Слова и блюстители Духа Откровения // Фундаментализм [отв. ред. Левин З. И.]. М.: Институт Востоковедения РАН: Крафт+. 2003. С.15

можно заключить о необходимости политической борьбы в целях воплощения в жизнь данного превосходства⁷⁹;

- традиционной формой исламского правления, в которой выбранный верховный халиф олицетворяет светскую и религиозную власть, является халифат, а потому всегда могут найтись «горячие головы», которые будут требовать воссоздания халифата, причем, во всемирном масштабе.

Указанные черты ислама описывают идеальное общество, основанное на этой религии. Модель государства, основанного на таких принципах, часто описывается в исламской правовой мысли. Появившиеся позже термины «ваххабизм», «салафизм», «исланизм» в том или ином виде относятся к методам достижения этой идеальной модели, а именно, к той или иной степени политизированности, от радикальных реформ и до революционной и вооруженной борьбы.

Таким образом, давая определение термину «*политический ислам*» можно сказать, что это явление, характеризующее идеи фундаменталистского ислама, которые легли в основу общественных движений и организаций, выдвигающих политические требования, действующие методами как легальной, так и нелегальной борьбы за влияние и власть на протяжении XX – XXI веков. Конкретизируя смысловое поле «политического ислама», можно сделать вывод, что подавляющая часть этого поля представлена исламскими организациями, действующими экстремистскими методами. Это могут быть радикальные «реформисты», требующие проведения реформ с опорой на раннеисламские принципы (а воплощение таких «реформ» в современном обществе может проводиться только радикальными революционными методами), а также «фундаменталисты», выступающие против модернизации по западному образцу и распространяющие революционными методами опыт построения «антизападного» государства по всему миру. Таким образом, политический ислам объединяет такие понятия, как «исланизм», «фундаментализм», «ваххабизм», «реформизм», «салафизм», «джихадизм», «панисланизм» в самом широком истолковании этих терминов. Тем не менее, необходимо понимать, что каждое из этих понятий несет свой собственный уникальный смысл. В связи с огромным количеством работ, посвященных их операционализации, невозможно представить единственно возможное и верное значение

⁷⁹ Подробнее см.: Беккин Р.И. Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира // Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. Научно-методический комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. С.178 - 217.; Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М. 1986.

политического ислама. Здесь же предпринята попытка составить такую концептуальную схему политического ислама, которая бы структурировала множество этих значений упомянутых терминов насколько это возможно.

В понимании понятия «исламизм» основным аспектом является использование ислама в качестве инструмента мобилизации для политической, как правило, насильственной, борьбы. Есть мнение, что «понятие «исламизм» ввели в употребление богословы североафриканских стран, в частности в Алжире, для того, чтобы отличать обычного мусульманина (муслим) от «ислами», т.е. такого, который видит в исламе политическую идеологию»⁸⁰. Стремление жить согласно шариату и иным исламским нормам не является критерием исламизма: так или иначе все мусульмане стремятся жить по этим нормам, однако это не значит, что правомерный мусульманин является исламистом. Основным критерий здесь это - использование насильственных методов достижения этой цели: террористические акты, агрессивная пропаганда, внесистемные методы борьбы. «Под исламизмом подразумевается теория и практика политических движений, ставящих перед собой цели приведения общественного и государственного устройства в тех странах, где живут мусульмане, в соответствии с установлениями Ислама, которые правда, разными движениями толкуются по-разному.»⁸¹

Ярким примером, иллюстрирующим термин «исламизм», является деятельность многочисленных международных неправительственных исламских организаций. Они совершенно разные по характеру деятельности: некоторые готовы вступать в диалог с политическими властями и участвуют в выборах (часть отделений организации «Братьев-мусульман»), другие – отказываются от участия в избирательных кампаниях и других видов официальных контактов, но их деятельность носит преимущественно мирный характер и основной метод борьбы – пропаганда (например, организация Хизб ат-Тахрир, которая является религиозно-политическим объединением), а третьи представляют собой военные группировки, занимающиеся организацией терактов (например, большинство организаций Ирака, входящих в так называемую «Аль-каиду в Ираке»). Различаются эти организации и по своему «масштабу»: так, ФАТХ, ХАМАС, Хезболла, имеющие либо длинную и «славную» историю либо

⁸⁰ Баширов Л.А. Исламский фундаментализм: генезис, идеология, практика // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Выпуск 1: Антология отечественного религиоведения. Часть 4: Кафедра государственно-конфессиональных отношений РАГС, 2009. С. 399 URL: http://religio.rags.ru/journal/anthology4/a4_16.pdf

⁸¹ Игнатенко А.А. Ислам и политика М., 2004. С.67

сильную зарубежную поддержку, значительно превосходят по мощи малочисленные организации боевиков в Пакистане. И, несмотря на то, что у большинства из этих организаций отсутствует какой-либо открытый информационный ресурс (ввиду нелегальности их деятельности), где могла бы быть представлена их программа, даже поверхностный анализ их действий дает понять, что они нацелены на «приведение общественного и государственного устройства в соответствии с установлениями Ислама».

Отсутствие программы действий, или устные заявления лидеров о необходимости проведения джихада против неверных делают эти организации маргинальными в восприятии не только западного, но и восточного мира. Однако определение «маргинальный» можно отнести лишь к небольшим организациям, либо находящимся на начальном этапе своего развития, либо не имеющим яркого лидера. Что же касается таких явно экстремистских организаций, как Хезболла, фактически выигравшей в 2006 г. войну с Израилем, или Хамас, с того же 2006 г. контролирующего сектор Газа, то вряд ли их можно называть маргинальными, ибо они претендуют на национальное лидерство. Накопив опыт, эти организации и движения приобретают возможность предложить людям разрешение самых важных проблем: от обеспечения безопасности до участия в политическом процессе.

Следует отметить, что эффект от деятельности локальных организаций зачастую гораздо больший, чем от практической реализации международных программ. Зная локальные проблемы, будучи частью существующей структуры социальных отношений, локальные организации способны эффективно решать проблемы местного населения. Например, организация «Аль-Каида на Аравийском полуострове» в Йемене в условиях слабого правительства и сильных племен наладила с последними тесный контакт, предлагая ресурсы для противостояния режиму и решая таким очень своеобразным образом проблему занятости.⁸² Подобный сценарий характерен для многих локальных мусульманских (в том числе и экстремистских) организаций.

Некоторые ученые приравнивают к политическому исламу лишь исламизм, от которого отделяется фундаментализм, определяемый как «идеологическая утопия и в то же время как попытка выразить неповторимость исламской цивилизации», а также как форма «самоутверждения

⁸² Barak Barfi Yemen on the Brink? The Resurgence of al Qaeda in Yemen // Counterterrorism Strategy Initiative Policy Paper. January 2010. URL: <http://www.newamerica.net/sites/newamerica.net/files/policydocs/Barfi.pdf> (date of appeal: 22.05.2012).

ислама как социокультурной системы»⁸³. Появившись в рамках протестантизма в 1920-е г. в Америке, изначально фундаментализм обозначал «религиозное возрождение» в самом широком смысле этого слова, в этом смысле фундаментализм не может сводиться к насильственной борьбе. «Фундаментализм — порождение новейшего времени, обращение к религиозно-цивилизационному единству как источнику самоидентификации и новых групповых лояльностей»⁸⁴.

Среди причин возникновения исламского фундаментализма (помимо кризиса идеологии арабского национализма в 60-е годы) И.В. Кудряшова выделяет «использование религиозных мотивов и символов как вспомогательного элемента в борьбе политических элит и внешнюю активность мусульманских организаций»⁸⁵. По утверждению В.Я. Белокрыцкого «в политическом исламе, строго говоря, надо различать две стороны – умеренно-фундаменталистскую, националистическую и радикально-фундаменталистскую, транснациональную и экстремистскую».⁸⁶ Иными словами, любое исламистское действие – фундаменталистское, в его радикальном варианте, но не всякое фундаменталистское действие находится в сфере исламизма.

Так, примером умеренного фундаментализма (не являющимся ни в коем случае исламизмом) может служить деятельность межправительственных организаций исламского мира. Идея межцивилизационного диалога наиболее эффективна в достижении культурного единства и противопоставлении исламских ценностей западным. Так, основными целями, которые указаны в договоре о создании Организации исламского сотрудничества, являются «усиление связей между исламскими странами, следование принципам исламской солидарности, защита общих интересов».⁸⁷ Наиболее эффективным путем сотрудничества, избранным этой организацией является межкультурное взаимодействие. Реализация образовательных программ, обеспечение деятельности молодежных форумов – основные направления деятельности ОИС. Важно также отметить и масштаб этого сообщества. Кроме четырех постоянных комитетов и вось-

⁸³ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998, с. 129

⁸⁴ Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира С.

2

⁸⁵ Там же, с. 3

⁸⁶ Цит. по Ланда Р.Г. Политический ислам...

⁸⁷ Charter of the Organisation of the Islamic Conference – Charter of the Organisation of the Islamic Conference [Electronic resource]. URL: <http://www.oic-oci.org/is11/english/Charter-en.pdf> (date of appeal: 22.05.2012).

ми специализированных институтов, 14 организаций имеют статус аффилированных и четыре – дочерних. Тематический спектр этих организаций чрезвычайно широк: от Всемирной исламской академии наук до Института стандартов и метрологии исламских стран, от Федерации консалтинга мусульманских стран и Исламского банка развития до Международного союза скаутов-мусульман. Иными словами, все эти действующие организации представляют собой комплексную систему межкультурного взаимодействия исключительно в рамках исламского мира. Создается система, в рамках которой молодежь получает возможность реализовываться в пределах исламской культуры, а развитие экономики в некоторых случаях становится более выгодным при участии институтов, основанных на принципах исламской экономики.

Другими организациями, основной целью которых является ведение внутрицивилизационного диалога, являются Всемирная ассамблея по сближению мазхабов (ВАСМ) и Всемирный исламский конгресс. И хотя последняя изначально создавалась как конъюнктурная организация для поддержания эмира Абдель Азиза ибн Сауда, то сейчас она функционирует как международная исламская богословская организация. ВАСМ является в уникальной организацией плане культурного взаимодействия, так как основной ее задачей является сглаживание противоречий в исламе между различными школами и направлениями, выработка единой мусульманской доктрины. Генеральным секретарем ВАСМ является шиитский аятолла Мухаммад-Али Тасхири. Тасхири говорит о том, что основными целями межцивилизационного диалога являются: «достижение международной стабильности и взаимопонимания, исключение из жизни общества политической, расовой и географической дискриминации, осознание ответственности за состояние окружающей среды и будущее мира».⁸⁸ В своих выступлениях и статьях Тасхири призывает к созданию «единого мирового государства на основе Божественного монотеизма»⁸⁹, объясняя это тем, что «исламская логика предусматривает полноценное место религии как в частной, так и в общественной жизни человека»⁹⁰.

Фундаменталистская риторика действительно включает в себя идеи построения исламского государства, претворение в жизнь исламской морали, но отличительной чертой умеренных фундаменталистов является «игра по установленным правилам». Уже упомянутые выше «братья-мусульмане» - это действительно исламские фундаменталисты, которые из радикальных трансформировались в умеренных. Если раньше основной

⁸⁸ Аятолла Мохаммад-Али Тасхири Идеи диалога с Другим: пер. с англ. М.: Ладомир. 2009, с.12.

⁸⁹ Там же, с. 15.

⁹⁰ Там же, с. 118.

формой борьбы являлся террор, то теперь это - участие в выборах, в массовых демонстрациях (речь идет о египетских «братьях-мусульманах»). Известная максима «любые средства хороши для достижения цели» действительно верна для характеристики «братьев-мусульман» как исламских фундаменталистов, но с одной важной оговоркой: они собираются строить исламское государство с учетом современных реалий. И это отличает фундаменталистов от салафитов, ориентированных на точное копирование общественного устройства времен праведных халифов. «Исламский фундаментализм отражает стремление части мусульман к возрождению «истинных» исламских ценностей в условиях глобализации, а также связано с сохранившимся «цивилизационным» противостоянием по оси Север – Юг (или Запад – Восток).»⁹¹

Термин «ваххабизм» определяется как доминирующая форма исповедания ислама в Саудовской Аравии в середине XX века, основанная на трудах Абд аль-Ваххаба ат-Тамими (1703 – 1792).⁹² Основными ее составляющими являются: отрицание новшеств в религии («бид'а»), признание Аллаха единственным Богом, невозможность поклонения никаким иным объектам, кроме Бога («таухид»), критика всеобщего таклида (ссылки на мнение муджтахидов или муфтиев), запрет паломничества к могилам святых, вооружённая борьба («джихад») против неверных («кафиров»), индивидуальное право каждого на трактовку Корана («иджтихад»); определение любого политического разделения уммы или наличия гражданской войны, как раскольниковства, нарушения исламского единства («фитна»).⁹³

Получив распространение за пределами Саудовской Аравии за счет финансирования как официальными, так и неофициальными (знаменитое дело саудовской принцессы, субсидировавшей Бен Ладена в бытность его пребывания в Афганистане) фондами Эр-Рияда, в первую очередь, в южном Афганистане (движение «Талибан»), ваххабизм стал восприниматься как синоним исламизма. Термин «ваххабизм» стал применяться также и к характеристике террористической деятельности на

⁹¹ Поляков К.И. Исламизм: две точки зрения на проблему. Факторы, способствующие росту политического экстремизма // НГ–Религии. 1999. 28 апр.

⁹² Подробнее см.: Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 - 1973). М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1982.

⁹³ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. С. 106 URL: <http://www.kavkazoved.info/images/myfls/files/uro07.pdf>; Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане М.: Логос, 2007. С.79 - 80

Северном Кавказе. Я утверждаю, что и в том, и в другом случае (как в афганском, так и в северокавказском варианте), термин «ваххабизм» в изначальном его понимании не соответствует реальностям данных регионов. Ваххабизм являлся идеологической доктриной, существовавшей в конкретных исторических условиях в конкретное время: в XVIII-XX вв. в Саудовской Аравии. Поэтому иные действия не подпадают под данное понятие. Ситуация в Афганистане и на Северном Кавказе действительно может быть отнесена к исламизму, или к фактически синонимичному понятию «джихадизма». Термин «джихадизм» вполне оправдан для обозначения таких воинственных исламских группировок, которые объявляют священную войну угрожающим исламу и мусульманам «неверным», к которым эти воинственные исламские группировки относят также и мусульманских правителей, нарушающих (опять же, по их представлению) установки исламской религии. Джихадисты выступают за свержение правительств и прибегают к методам насилия, включая террористические.»⁹⁴ Действительно большинство идей ваххабизма могут быть обнаружены в риторике представителей северокавказского политического ислама, но эти идеи уже претерпели и продолжают претерпевать значительные изменения под воздействием внешнего социально-политического контекста. В связи с этим можно утверждать, что основным характеристикой ситуации в северокавказском (как и в афганском) регионе является «ваххабизм», «вооруженная борьба», «джихадизм».

Ваххабизм часто приравнивается к салафизму. Однако это не совсем корректно. Возникновение салафизма связано с творчеством Ибн Таймийи (1263 - 1328). Основным лейтмотивом многочисленных текстов, скорее напоминающих сборники хадисов, а отнюдь не социально-политическую программу, является простая мысль: все должно быть подчинено религии.⁹⁵ «Не отрицай то, как Он описал Себя; не изменяй слова в их контексте; не отрицай имен Аллаха и Его Знамений; не сравнивай Его Атрибуты со свойствами Его творений, потому что Аллах, Возвышенный, не имеет подобия – никто не сравнится с Ним; нет никого, равного Ему»⁹⁶. Ибн Таймийя точно не указывает, какую форму, с его точки зрения, должно принять исламское государство и общество (умма). Необходимо иметь в виду, что произведения Ибн Таймийи были написаны во время развала Аббасидского халифата. По его мнению, причиной

⁹⁴ *Наумкин В.В.* Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // *Islamica.ru* URL: <http://islamica.ru/?uid=112>

⁹⁵ См. например: *Ибн Таймийя* Аль-Акида аль-Васитыйя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.an-nasr.ru/library/book-836.pdf>

⁹⁶ *Ибн Таймийя* Аль-Акида аль-Васитыйя. URL: <http://www.an-nasr.ru/library/book-836.pdf>, с. 16.

этого развала стали многочисленные нововведения (бида) в исламе, от которых необходимо отказаться. А единственной возможностью отказа от этих нововведений (бида) является обращение ко времени правления четырех праведных халифов. Можно сказать, что первоначально термин «салафизм» стал использоваться для обозначения возрожденческого движения в исламе: «начало использования в качестве понятия с таким значением относится к середине XIX в., когда оно стало употребляться в Египте в среде интеллектуалов каирского университета Аль-Азхар (в частности Мухаммад Абдо, Джамаллудин Аль-Афгани, Рашид Рида)»⁹⁷. Наиболее подробно понятие салафизма проанализирована в работе З. И. Левина «Реформа в исламе: быть или не быть?». Салафизм (от араб. «ас-салаф ас-салих» – благочестивые раннеисламские авторитеты: сподвижники Пророка, их современники и те, кто застал в живых современников сподвижников) представлен с одной стороны мусульманскими возрожденцами – блюстителями Слова Божьего, с другой – реформаторами – хранителями Духа Корана, среди которых есть охранители и обновленцы. И те, и другие убеждены, что мусульмане отошли от истинной веры... Но возрожденческая и реформаторско-охранительная идеология стала основой суннитских религиозно-политических движений протеста. В то время как фундаментализм обновленцев – это попытка доказать жизнеспособность и прогрессивность ислама в индустриальную эпоху.»⁹⁸ Таким образом, ситуация с употреблением термина «салафизм» аналогична той, которая описана мной в ходе анализа понятия фундаментализм: «возрожденческие» проявления салафизма могут быть синонимами исламизма и радикального фундаментализма. Но в термине «салафизм» важна прежде всего специфичность этого понятия: опора на конкретного автора – Ибн Таймийю, а также применение этого термина к историческим условиям конца XIX века – времени поиска нового импульса для развития исламской цивилизации. Однако, несмотря на это, в настоящее время термин «салафизм» зачастую употребляется именно в значении исламизма. Есть также мнение, что салафизм «должен употребляться как общий термин для обозначения всех фундаменталистских течений в исламе»⁹⁹.

Достаточно интересная ситуация возникает при определении термина «панисламизм». По мнению большинства ученых, Джамаллудин

⁹⁷ Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения М.: Наука, 2010. С.79 - 80

⁹⁸ Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. М.: Институт Востоковедения РАН: Крафт+. 2005. С.51 - 52

⁹⁹ Наумкин В.В. Там же

аль-Афгани (1838 - 1897) считается основоположником теории панисламизма. Стоит однако, отметить, что таковым он является с западной точки зрения, поскольку разработал политическую программу построения «исламского союза» под руководством турецкого халифа. Однако многие его основные идеи продолжали традицию мусульманской политической мысли и не являлись уникальными. Что было действительно новым, так это оригинальная аргументация, отвечающая вызовам времени, а также его активная «гражданская позиция», выразившаяся в попытке реализовать этот проект.

Самым главным тезисом аль-Афгани является тезис о противостоянии исламского мира западному. Приводя многочисленные исторические примеры, он указывает на то, что, несмотря на былое величие, сейчас мир ислама находится в забвении. Он признает доминирование мира Запада и в одной из своих статей «Ислам и христианство и их последователи», он ищет причины того, «как могло случиться, что “нация миролюбия и добра” (христианство) одержала верх над “нацией войн и побед” (исламом), и мусульмане оказались под властью христиан?»¹⁰⁰. Он приходит к выводу, что Реформация XVI – XVII веков, раскол христианства на несколько конфессий привели к конкуренции не только в религиозной, но и других сферах общественной жизни, что стало причиной возросших темпов развития. В частности, он указывает на неоспоримое лидерство христианской цивилизации в отрасли научных знаний, которые мусульманскому миру необходимо перенять. И в этом плане он выступает как самый настоящий модернист: «Промышленность не может успешно развиваться без опоры на физику, химию, механику... Все благополучие и богатство нации зиждется на науке... Тот, кто накладывает запрет на некоторые науки, воображая, что тем самым спасает религию, является ее врагом.»¹⁰¹ Высоко оценивая научный прогресс западного мира, он высказывал идею о том, что для достижения подобных результатов в исламском мире, помимо восприятия уже достигнутого, ислам тоже необходимо реформировать, однако делать это нужно по совершенно иному сценарию. «Религиозная реформация была попросту инструментальной. Религиозная реформа... была ключом к европейскому прогрессу и власти, и была необходима исламскому миру для достижения таких же целей.»¹⁰²

¹⁰⁰ Сикоев Р.Р. Панисламизм: истоки и современность. Джамалуддин Афгани и его религиозно-политические последователи XX – начала XXI века. М.: Аспект Пресс. 2010, с. 54.

¹⁰¹ Степаняц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX—XX вв. М.: Наука, 1974. 190с.

¹⁰² Keddi Nikki R. Sayyid Yamal ad-Din al Afghani. Berkley: University of California Press. 1972, p. 141.

В чем же заключалась эта реформа? Основная ее цель: объединить ислам, то есть стереть несущественные теологические различия между различными направлениями ислама.¹⁰³ Кроме того, предполагалась апелляция к «позитивному исламу», под которыми аль-Афгани понимал времена правления первых четырех халифов. Также, по мнению аль-Афгани, «открывались врата идджтихада» для новых интерпретаций Корана. Иными словами, ислам предполагалось использовать как идеологический инструмент мобилизации максимального количества людей. Аль-Афгани прекрасно понимал преимущества идеологии, основанной на религиозной догматике: «Разум не убажает толпу, и его учения понятны немногим избранным». Он говорил о том, что постоянное подчеркивание исключительности ислама и неудовлетворенность своим социальным положением в сумме дают необходимое политическое действие. «Вера в истинность и совершенство своей религии придает народу убежденность в том, что он более благороден, чем другие... Всех его представителей охватывает страстное желание превзойти прочие народы, утвердить свой приоритет в создании духовных и интеллектуальных ценностей. Эта вера делает народы более сильными в их стремлении приобщиться к цивилизации».¹⁰⁴ Кроме того, множество статей аль-Афгани посвящены описанию морального облика, сформированного такими идеями, где, по мнению Сикоева Р.Р., он использует «тему божественной предопределенности судьбы для идеологической обработки последователей религии ислам с целью организации движения сопротивления чужеземным агрессорам».¹⁰⁵

Что же касается концепции халифата, то здесь интересна не только ее идейная база, но и сам факт попытки ее реализации. Будучи на протяжении нескольких лет приближенным ко двору турецкого халифа Абдул Хамида II, именно на него «делал ставку» аль-Афгани. В «Письме к османскому халифу» он излагает основные положения своего панисламистского проекта. Несмотря на слабость османской империи, аль-Афгани признает ее духовным центром исламского мира и предлагает объединить под ее началом мусульман Британской Индии, Афганистана, Белуджистана, Кашгара, Ярканды (Синьцзян), Бухары и Коканда. Он всячески подчеркивает выгоды этого проекта: материальные, связанные с готовностью индийских мусульман жертвовать на благо религии, и политические, выражающиеся в усилении блока в борьбе с Россией и Британи-

¹⁰³ *Keddie Nikki R.* An Islamic Response to Imperialism. Berkeley: University of California Press. 1968.

¹⁰⁴ Степаняц М.Т. Ислам в философской... с. 52-55.

¹⁰⁵ Сикоев Р.Р. Панисламизм... с. 63.

ей.¹⁰⁶ Кроме того, все это было оформлено как осуществление великой миссии священной борьбы мусульман с врагами халифа.¹⁰⁷ Однако Абдул Хамид II не принял этого проекта. Понесшая поражение и уменьшившаяся в размерах в результате русско-турецкой войны 1877 – 1878 года Порта находилась на грани коллапса, и на осуществление грандиозного проекта, предлагаемого аль-Афгани, не было ресурсов. Кроме того, едва ли можно говорить об эффективности пропаганды аль-Афгани: для многих из перечисленных им обществ гораздо ближе оставались их локальные проблемы и главной их задачей не являлось вхождение в состав империи на основе общеисламских принципов. Оставались также и амбиции «присоединяемых» территорий в отношении доминирования в исламском мире (хотя бы в рамках некоего локального региона). Так, по словам Жданова Н.В., «уже тогда в отношении этих стран к концепции панисламизма просматривалось превалирование национальных интересов, поскольку всегда встает вопрос о том, вокруг какого государства будет создаваться религиозно-политический союз мусульманских народов».¹⁰⁸

Джамалуддин аль-Афгани не был единственным мыслителем, предлагавшим проект модернизации ислама. Похожие проекты можно найти в работах его ученика Мухаммада Абдо (1834 – 1905), Мухаммада Рашид Рида (1865 – 1935), Абдуррахман аль-Кавакими (1849 – 1902). Однако эти проекты уже не могут быть охарактеризованы как чисто «панисламистские» - их авторы опирались на опыт конкретных мусульманских сообществ в зарождающихся государствах и предлагали опираться на исламские ценности в построении именно «национальных исламских государств».

То есть можно сказать, что в разной степени панисламизм является составной частью каждого из перечисленных явлений. Так, все без исключения неправительственные исламские или «исламистские» организации закрепляют в своих программах тезис о построении исламского государства, об использовании шариата в качестве основного законодательства, межправительственные организации и международные исламские богословские объединения оперируют понятием «мусульманская солидарность» и мусульманское единство; требование принципа социальной справедливости присутствует и у тех, и других. То есть элементы панисламизма присутствуют в исламизме и фундаментализме с одной стороны, и в сфере легального политическом ислама с другой. Фундаментализм (и умеренный, и радикальный) и панисламизм связаны между со-

¹⁰⁶ Сикоев П.П. Панисламизм..., с. 78 – 79.

¹⁰⁷ Keddie Nikki R. An Islamic Response... p. 143.

¹⁰⁸ Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения. 2003, с. 13.

бой межкультурным противостоянием и неприятием западных ценностей. Ваххабизм и панисламизм представляют наиболее радикальную форму взаимодействия, так как признают возможность использования «малого джихада» как радикального метода достижения заявленных принципов. Кроме того, необходимо также подчеркнуть, что все указанные составляющие применяются в сфере политического (не религиозного!) взаимодействия, что позволяет говорить о панисламизме как политическом явлении.

На рисунке представлена концептуальная схема, которая, на мой взгляд, наиболее адекватно отражает смысловое поле политического ислама.

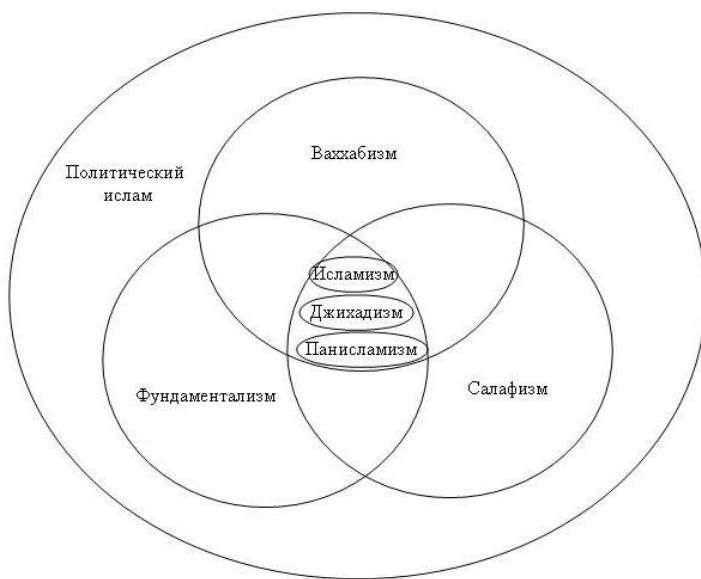

Рисунок 1. Концептуальная схема смыслового поля политического ислама

Из данной схемы хорошо видно, что политический ислам не является, согласно распространенному стереотипу, узко направленной идеологией, но включает в себя значительное пространство, состоящее из набора экста-идеологических компонентов. Можно назвать идеологиями и ваххабизм, и салафизм, и, в отдельных случаях, исламизм, но, с моей точки зрения, политический ислам представляет собой более широкое поле, охватывающее все эти религиозно-идеологические течения, а также

включает в себя: взаимосвязанность и взаимообусловленность этих идей; действия, являющиеся следствием транслируемых идей; наконец, акторов, реализующих эту деятельность.

С одной стороны, такой подход, возможно, чрезмерно широк, так как слишком много явлений может быть отнесено к полю политического ислама. С другой стороны, расширение поля значения «политического ислама» дает аналитику большую степень свободы в изучении выбранного предмета, сохраняя исследование в рамках, данного определения «политического ислама».

«Обрисовав» смысловое поле политического ислама в общих чертах, возникает вопрос: можно ли четче сформулировать его составляющие? Не на терминологическом, но на идейном уровне? Во введении данный этап был назван предварительным этапом исследования: действительно, прежде чем анализировать конкретный кейс современного Северо-Восточного Кавказа, необходимо рассмотреть более широкий – и в географическом, и во временном смысле – контекст формирования идей политического ислама.

Краткий экскурс в историю исламской политической мысли

Необходимо представить краткий экскурс в историю исламской политической мысли, чтобы продемонстрировать преемственность большинства идей, существующих в современном дискурсе политического ислама.

Кирабаев Н.С. в качестве методологической основы изучения восточной политической мысли указывает «понимание ислама как единства в многообразии»¹⁰⁹. То есть, ислам является своеобразной линзой, сквозь которую следует воспринимать и анализировать все процессы, происходящие в той или иной мусульманской политической системе. Однако возникает вопрос: что первично – религия, определившая особый путь политического развития исламского общества, или государство, заставившее ислам «подстроиться» под конкретные условия?

Можно сказать, что во время формирования основных положений концепции исламского государства – халифата – это были две равносильные тенденции. Несмотря на последующую идеализацию, правление первых четырех праведных халифов (632 – 661 гг.) не было безупречным. Политическая система отличалась высоким уровнем нестабильности из-за того, что с одной стороны, требовалось продолжать экспансию против соседних территорий с целью исламизации проживавшего там населения, с другой стороны – «внутри необходимо было вести дипломатические пере-

¹⁰⁹ Кирабаев Н.С. Политическая мысль мусульманского средневековья. М.: изд-во РУДН. 2005, с. 9.

говоры с ненадежными племенами и осуществлять карательные операции против отступников и разбойников»¹¹⁰. Кроме того, из-за отсутствия нормы, регулирующей преемственность власти, началось формирование группировок, выступавших за ту или иную кандидатуру преемника. Так, во время правления четырех праведных халифов возникла группа Алидов, поддерживающих в борьбе за власть кандидатуру Али Абу ибн Талиба, зятя Мухаммеда, сторонники которой впоследствии сформировали шиитское направление в исламе. Впоследствии Али стал халифом (656 - 661), однако, будучи своего рода «пацифистом», был убит хариджитами - выделившейся политической группировкой, выступавшей за беспощадную военную борьбу. Из-за произошедшего религиозного раскола группа сторонников Али оказалась в меньшинстве, и, в результате предательства одного из сыновей Али - Хасана, власть перешла к Муавии, основателю династии Омейядов. Политическое противостояние правящей верхушки и «оппозиции», а именно, противостояние суннитов и шиитов продолжилось: другой сын Али - Хусейн предпринял поход из Мекки в Куфу, намереваясь впоследствии захватить новую столицу халифата - Дамаск. Однако он был разбит превосходящими силами омейядского халифа Йазидом. В результате у шиитов появились первые мученики и день их памяти – ашура (шахсей-вахсей). Последующее шиитско-суннитское противостояние породило множество других направлений в шиитской религиозной традиции, различавшиеся догматически, но в первую очередь, представлявшие различные политические группировки, а именно: фатимиды, основатели одноименной династии в Тунисе и Египте, идрисские шииты в Марокко, иранские «двенадцатиричники», ждущие прихода 12-ого «скрытого имама», исмаилиты, последователи седьмого имама Мухаммеда ибн Исмаила, карматы, ждущие прихода самого Мухаммеда ибн Исмаила и установившие свое влияние в Бахрейне, йеменские зейдиты, курдские язиды, алавиты. При Аббасидах (750 – 1258 гг.) дробление религиозных направлений в шиизме значительно усиливается: в условиях разросшейся империи периферия становится очагом распространения шиизма и как следствие политической дестабилизации.

Суннизм также был далеко не однороден.

Массэ А. выделяет следующие признаки раскола ислама: склонность к пророчеству, разногласия по поводу сущности верховной власти (хариджизм, шиизм), разногласия, связанные с представлениями о боге (рационалисты, мистики).¹¹¹ Именно мистики, последователи суфийского движения, являлись силой, размывавшей формальную власть халифа. По-

¹¹⁰ Массэ А. Ислам: Очерк истории [пер. с фр. Кобриной Н. Б., Луцкой Н. С.]. М.: Крафт+. 2007, с. 37.

¹¹¹ Массэ А. Указ. соч. С. 120.

явившись в первой половине VIII века, суфизм получил широкое распространение в XI веке. Существует множество гипотез относительно того, что лежит в основе этого учения. Однако с уверенностью можно сказать, что в политической сфере суфизм сначала возник как пассивный протест против социальной несправедливости. Это выразилось в поощряемом суфизмом аскетизме, особых формах осуществления молитвы, а также пропаганде пути индивидуального познания. В своем дальнейшем развитии некоторые тарикаты (объединения, «ордена») остались приверженцами пути «ухода от насущных проблем», другая же их часть активно включилась в политическую внутриэлитную борьбу. Этому способствовало институциональное оформление: тарикат представляет собой нерушимую связь «учитель - ученик» («шейх – мюрид»), основанную на непререкаемом авторитете учителя. Существование различных политических группировок зачастую строилось вокруг некоего духовного лидера – не имеет значения, сам ли он участвовал в принятии политических решений или эти решения принимал его ученик.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос о первичности государства или религии, можно говорить о том, что развитие государства, сопряженное с отсутствием жестко централизованной власти и функционированием многочисленных групп влияния, обусловило появление перечисленных и многих других направлений ислама в качестве инструмента легитимизации той или иной группы в политической системе. «Ислам стал идеологической фиксацией, легитимацией модели развития такого общества, для которого характерна размытость границ между общественными сферами, их слитость именно на уровне институциональной организации различных по своим функциям, материальному “субстрату” и “продуктам” видов деятельности».¹¹²

Особенности развития концепции мусульманского государства

Концепция халифата формировалась и изменялась в описанных выше условиях политического процесса VII – XII вв. Опираясь исключительно на сложное по своей структуре мусульманское право, она, тем не менее, была очень восприимчива к изменениям как внутри политической системы, так и вне ее, связанным с усилением или ослаблением соседних стран. В данном разделе будут кратко рассмотрены основные источники мусульманского права, политический смысл статуса халифа и имама, а также будут рассмотрены некоторые классические теории халифата, лежащие в основе современных представлений об идеальной модели исламской власти.

¹¹² *Кирабаев Н.С.* Указ. соч. С. 18.

Мусульманское право делится на два крупных раздела: шариат и фикх. Среди мусульманских правоведов (факихов) и западных исследователей не существует единого мнения насчет границ между этими понятиями – некоторые считают, что они частично совпадают, а некоторые – что это совершенно разные вещи. Наиболее распространенная точка зрения среди мусульманских правоведов заключается в определении шариата как совокупности положений догматики, исламской этики, норм, регламентирующих порядок исполнения религиозных обрядов верующих, их отношения с Аллахом и конкретных правил поведения, регулирующих отношения между людьми.¹¹³ В то время как фикх – интерпретация и адаптация этих многочисленных норм. Существует также теория о том, что отношения шариата и фикха можно представить в виде дерева, где шариат – это корни, а фикх – это крона с многочисленными ветвями.¹¹⁴ В целом можно сказать, что шариат является неким сакральным сводом правил, существующим вне времени и пространства и не подлежащим никаким изменениям, а фикх представляет собой конкретные правила, сформированные с учетом региональных особенностей того или иного общества путем иджма и иджитхада¹¹⁵.

Фикх обладает более широкой источниковой базой. Если шариат основан только на Коране и сунне, то фикх, помимо этого, основывается, как уже отмечалось, на иджма (единодушном мнении выбранных муджтахидов), кыясе (приведение норм шариата к практике посредством аналогии), фетвах (мнение муджтахида относительно конкретного вопроса, закрепленное в письменной форме) и ряд других зафиксированных методологических принципов.

Таким образом, все нормы, касающиеся политической реальности того или иного периода были оформлены именно в рамках фикха. Наиболее важный вопрос касался структуры верховной власти. В рамках одной концепции халифата, выполнявшей функции идеологии, легитимирующей положение того или иного халифа, ее создателю предстояло ответить на

¹¹³ *Беккин Р.И.* Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. Научно-методический комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. с. 179.

¹¹⁴ *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. Вопросы теории и практики. Глав. Ред. Вост. Литературы «Наука», 1986, с. 16.

¹¹⁵ Иджтихад – деятельность богослова или правоведа по выведению правовых норм по вопросам, прямой ответ на которые отсутствует в Коране и сунне, и не сформулирован посредством иджма (единогласного мнения совета богословов – «муджтадинов»)

следующие вопросы: должен ли халиф являться главой и светской и религиозной власти, в чем состоят его основные обязанности, где границы политического влияния совещательных органов и т.д.

Большинство определений исламского государства опираются на определение, данное признанным создателем классической теории халифата *аль-Маварди* (974 - 1058): «имамат (в данном случае и халифат – тоже – С.Р.) суть преемство пророческой миссии в защите веры и руководстве земными делами».¹¹⁶ Появление этой теории приходится на момент расцвета Аббасидского халифата, и поэтому здесь подчеркивается верховенство власти халифа и в религиозных, и в светских делах. Так, халиф выполнял обязанности верховного правителя (халиф расуль аллах – заместитель посланника Аллаха), главнокомандующего армиями завоевателей (амир аль муминин – повелитель верующих) и руководителя общественной молитвой (имам).¹¹⁷ Следует отметить также, что действовал принцип личной ответственности халифа за государственные дела. Это еще раз говорит о высокой централизации власти. Кроме того, в своей теории аль-Маварди подчеркивает, что идеальный вариант халифата – это всемирное мусульманское государство. Такие тезисы объясняют популярность этой теории и по сей день: без учета исторических реалий X века, можно сказать, что она включает в себя все компоненты наиболее радикальных современных теорий халифата.

Как уже было сказано выше, дальнейшее развитие Аббасидского халифата представляет собой постепенную децентрализацию власти, связанную как с внутренними, так и с внешними противоречиями. И поэтому последующие теории халифата являются откатом от жестких критериев, выдвинутых аль-Маварди. Так, в условиях усиления периферии *Аль-Джувейни* (1028 - 1085) говорит о необходимости разделения сфер влияния султана и имама. В своем учении «о несовершенстве имамата», он говорит о том, что основная функция имама – иджтихад, в то время как халиф должен заниматься исключительно государственными делами. Попытка направить власть халифа только в светское русло была связана также и с тем, что постепенно возрастала роль совещательных органов, усиливавших свое политическое влияние и ставивших под вопрос ранее обязательную норму о курейшитском¹¹⁸ происхождении халифа. В отличие от аль-Маварди, менее радикальным аль-Джувейни был и в вопросах

¹¹⁶ *Сюкияйнен Л.Р.* Концепции халифата и современное государственное правовое развитие зарубежного Востока // Ислам: проблемы, идеологии, права, политики и экономики: Сб.статей.- М.: Наука, Гл.ред.вост.лит., 1985. С. 140

¹¹⁷ *Массэ А.* Указ. соч. С. 61

¹¹⁸ Курейш – племя, в котором родился Мухаммад.

внешней политики, выступая за сотрудничество с усиливавшейся в то время династией Сельджуков.

Теория еще одного мусульманского философа *аль-Газали* (1058 - 1111) приходится на время намечающегося упадка некогда могущественной империи Аббасидов. Он предлагает концепт «религия и власть есть близнецы». «Религия является основой, а государственная власть есть ее страж, обеспечивающий защиту и гарантирующий ее незыблемость».¹¹⁹ В условиях распада единого государства возникает идея духовного единства: основная функция халифа и имама – обеспечивать единство уммы. Институт султаната, обеспечивающий светскую власть, признается составной частью халифата; власть султанов считается справедливой и им частично передается право на ведение джихада (для укрепления собственной веры).

Развал Аббасидского халифата в XIII оказал примерно такое же воздействие на мусульманскую мысль, как и падение Османской империи в XX веке: эти события являются результатом искажения чистого ислама. Поэтому для возрождения единого государства необходимо вернуться к истокам. Одним из наиболее ярких представителей этого направления, и в то же время самым цитируемым из множества исламских мыслителей, является Ибн-Таймийа (1256 - 1328). Большинство произведений Ибн-Таймийи не похоже на социально-политический трактат, а скорее являются сборником хадисов, подтверждающих этот основной посыл: все должно быть подчинено религии. Не важно, каким способом будет осуществляться политическая власть – централизованно или на основе взаимодействия халифа с авторитетными членами общества (джама'а) – главное, чтобы соблюдалась чистая версия ислама.

Все описанные теории относятся к суннитской версии ислама. Что же касается шиитской политической теории, то здесь в связи с постоянной борьбой шиизма за право легального существования многие детали, касающиеся практического осуществления власти, фактически отсутствовали. Существовая изначально в рамках сравнительно небольших мусульманских общин, важнейшими становились размышления о наилучшем способе осуществления власти, но с целью поиска лучшего функционирования **не государства, а общины**. При отсутствии сложной бюрократической системы, единственным критерием «эффективности» общины становились дисциплина и высокий мобилизационный потенциал каждого ее члена – ислам, в его шиитской версии, являлся наилучшим источником для достижения этих условий. Религиозные нормы являлись не только важнее политических, но и зачастую заменяли их. К тому времени, как шиизм становился основой государств, возникавших на периферии хали-

¹¹⁹ *Кирабаев Н.С.* Указ. соч. С. 118

фата (идрисиды в Марокко, фатимиды и Тунисе и Египет) этот принцип продолжил свое функционирование в несколько измененном виде. Аллах является источником государственного суверенитета, следовательно, назначаемый имам является главой религиозной и светской власти. Кроме того, он обладает фактически неограниченной властью, так как из-за религиозной природы власти «непогрешим в большом и малом»¹²⁰.

Таким образом, рассмотрев классические теории халифата, можно говорить о некоторых чертах, характеризующих исламскую политическую мысль раннего периода:

- центральной идеей всех политических теорий является идея поиска наилучшего варианта функционирования халифата, наилучшего соотношения светского и религиозных начал в верховной власти;
- концепции халифата зависят от внутренних и внешних условий функционирования политической системы;
- религиозные принципы являются наиболее эффективным и «понятным» для исламского населения средством мобилизации.

Дальнейшее рассмотрение политических теорий некоторых мыслителей XX века покажет, что и они обладают всеми этими свойствами. Это позволяет говорить о преемственности многих идей и о том, что многие элементы исламизма, кажущиеся лишь недавно появившимися на свет, на самом деле являются продуктом многовековой традиции политической мысли.

Мусульманская политическая мысль XX века

Переходя к описанию мусульманской политической мысли XX века, являющейся основой для многих радикальных и легальных проявлений политического ислама, необходимо описать метод, используемый для исследования указанного предмета. Рассмотрение некоторых предшествующих политических концепций позволило нам выделить некоторые общие черты, характерные в той ли иной степени для большинства этих теорий, а именно: построение халифата, необходимость джихада, противостояние западному миру и пропаганда исламских ценностей, особая духовность последователей ислама, принципы социальной справедливости. Именно эти элементы и будут являться своеобразными «осями», на которых будут расположены воззрения следующих авторов: Хасана аль-Банна, Саида Кутба, Саида Абуль аль-Маудуди и Рухоллы аль-Мусави аль-Хомейни. Эти мыслители выбраны как крупнейшие представители исламской мысли и политической практики, оказавшие влияние на формирование мировоззрения многих своих современников и последователей. Первый основал в 1928 году международную организацию «Братья-

¹²⁰ Сюкияйнен Л.Р. Концепции халифата... С. 145.

мусульмане», второй является представителем ее образовавшегося в 50-х годах радикального крыла, Хомейни, духовный и впоследствии политический лидер Ирана, представляет «шиитскую версию радикального политического ислама», а Маудуди можно по праву считать наставником всех вышеперечисленных деятелей.

Стоит сделать ремарку относительно жанра «произведений» этих авторов. Статьи Хомейни представляют собой комплексную политическую доктрину функционирования шиитского общества, так как ему единственному удалось реализовать на практике максимальный объем положений, декларируемого им в его трудах.¹²¹ Работы раннего Маудуди напоминают манифест с достаточно четкими, но во многом утопичными требованиями и минимальным количеством философских рассуждений¹²², в то время как к концу своего жизненного пути он пересмотрел многие свои взгляды и углубился в сферу политической теологии¹²³.¹²⁴ Труды Хасана аль-Банни¹²⁵ и Саида Кутба¹²⁶, по понятным причинам, схожи по

¹²¹ Доктрина Исламской Революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М.: Научная книга. 2009. 155с.; Мухаммад Садик Кушаки размышления на тему политической мысли Имама Хомейни. М.: Научная книга. 2009. 72с.

¹²² Sayed Abul A'la Maududi Jihad in Islam [Electronic resource]. URL: http://www.muhammadanism.org/Terrorism/jihah_in_islam/jihad_in_islam.pdf (date of appeal: 22.05.2011).

¹²³ Саид Абуль а'ла Маудуди Политическая теория ислама [Глава из книги *Modernist and Fundamentalist Debates in Islam: A Reader*, ed. Moaddel, Mansoor and Kamran Talattof. Palgrave Macmillan, 2000. © Mansoor Moaddel and Kamran Talattof, 2000. Пер. с англ. Б. Скуратова] // Отечественные записки. 2003. №5. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=14&article=679> (дата обращения: 22.05.2011).

¹²⁴ Во многом это связано с образованием Пакистана в 1947 году: будучи сначала ярким противником его создания и апеллируя к общеисламским ценностям, после он стал сторонником идеи «воплощения исламской модели в отдельно взятом государстве».

¹²⁵ Hasan al-Banna Between Yesterday and Today [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/byat/index.htm (date of appeal: 22.05.2011); Idem Jihad [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/jihad/index.htm (date of appeal: 22.05.2011); Idem Our Message [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/our_message/index.htm (date of appeal: 22.05.2011); Idem Peace in Islam [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/peace_in_islam/index.htm (date of appeal: 22.05.2011); Idem The Message of the Teachings [Electronic

своему жанру и представляют собой политические программы, которые совмещают в себе и исторические примеры, и ссылки на религиозные тексты и труды улемов, и четкие требования для выполнения конкретных задач. В выводах приведены мнения некоторых современных мусульманских богословов и правоведов, выходящие за рамки, установленные перечисленными теоретиками.

Нужно сказать, что все элементы теорий различных мусульманских теоретиков радикального политического ислама тесно связаны между собой, порой даже неотделимы. Однако в рамках разных теорий можно построить их разную иерархию.

Так, все авторы исходят из тезиса о противостоянии западному миру, а, следовательно, заявляют основной своей целью построение **исламского государства**. Однако соотношение идеальной модели и средств ее достижения у разных теоретиков политического ислама различно. В этом плане Аль-Банна и Кутб – «практики», причем последний в большей степени. Аль-Банна более умерен и делает акцент на ненасильственных методах достижения идеала исламского общества: это и перечисление обязанностей настоящего мусульманина¹²⁷, и рассуждение на тему причин падения исламского государства. Особое значение для него приобретает принцип социальной справедливости, заключающийся в достижении «социального благополучия каждого» путем взаимной помощи. Саид Кутб доводит требование социальной справедливости до некоего высшего закона. «Это абсолютная справедливость, не зависящая от любви и ненависти, чьи принципы непоколебимы никакими эмоциями, родственными

resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/tmott/index.htm (date of appeal: 22.05.2011); Idem To What Do We Invite Humanity [Electronic resource]. URL:

http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/to_what_do_we_invite_hum_anity/index.htm (date of appeal: 22.05.2011); Idem Towards the Light [Electronic resource]. URL:

http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/towards_the_light/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).

¹²⁶ Sayyid Qutb Milestones [Electronic resource]. URL: <http://www.missionislam.com/knowledge/books/MILESTONES.pdf> (date of appeal: 22.05.2011); Сейид Кутб Будущее принадлежит исламу. М. 1993. 104с/

¹²⁷ Hasan al-Banna Our Message [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/our_message/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).

связями»¹²⁸ Что касается Маудуди и Хомейни, то они сконцентрированы на идеале исламского государства. Причем, если Маудуди описывает действительно идеальный образ исламского государства, опираясь в своей статье «Политическая теория ислама» на многочисленные хадисы и поддержки из Корана, то Хомейни в своих выступлениях разного периода (до и после исламской революции 1979 года) описывает совершенно реалистичную модель государства, функционирующее в условиях «американо-сионистской идеологической, экономической и политической экспансии».

Отсюда и разное отношение у Хомейни и у Маудуди к **джихаду** как к методу создания исламского государства. Для Хомейни сам термин «джихад» не более чем инструмент пропаганды (причем не факт, что наиболее эффективный) и, возможно, мобилизации. В своих выступлениях он постоянно указывает на необходимость пропаганды – в самом различном виде – от массовых выступлений до индивидуальных коммуникаций, – как на наилучший инструмент создания исламского государства. Надо сказать, что в классической концепции, основывающейся на Коране и сунне, джихад не был определен исключительно как «война против неверных». Джихад имел также и пропагандистский компонент. «Последователям пророков» (христианам, иудеям) сначала предлагалось принять ислам, или же платить «джязию» - «налог за веротерпимость». Эта же концепция определяет джихад как коллективное действие, которое может быть осуществлено общиной в результате призыва халифа.¹²⁹ Однако у всех рассматриваемых авторов джихад является личной обязанностью каждого мусульманина. Поэтому, именно «священная борьба» является ключевым моментом в концепции Саида Кутба. В его теории мир жестко разделен на мир ислама и мир без ислама (джахилийя). Джахилийя является оплотом несоблюдения всех мусульманских принципов, в том числе и самого основного: божественного суверенитета, что не позволяет говорить об обществе джахилийя как о цивилизованном. В начале своей работы «Вехи» Саид Кутб указывает на важнейшую, по его мнению, ошибку предыдущих философов: «Методом первого поколения мусульман было использование предписаний для действий. Метод же последующих поколений заключался в использовании предписаний для академических дискуссий.»¹³⁰ Поэтому джихад как наиболее практический метод является центральным в его концепции. Так, он приближает джихад к ре-

¹²⁸ Sayyid Qutb Milestones [Electronic resource]. URL: <http://www.missionislam.com/knowledge/books/MILESTONES.pdf> (date of appeal: 22.05.2011), p. 33.

¹²⁹ *Noor Mohammad* The Doctrine of Jihad: An Introduction // Journal of Law and Religion. Vol. 3. No. 2 (1985). pp. 389-390.

¹³⁰ *Sayyid Qutb* Milestones ...

альности, предлагая его разделение на уровни в соответствии с конкретными требованиями. У Маудуди схожие взгляды на этот предмет, однако они выражены более эмоционально и утопично: «Необходимо разрушить гегемонию неисламского мира, установить правление, основанное на исламских принципах ... Правда не имеет географических границ». ¹³¹ Позиция аль-Банна в этом вопросе более умеренная, и, несмотря на то, что он тоже определяет джихад как личную неотъемлемую обязанность, как необходимость борьбы с джахилией, тем не менее в своей статье «Наше послание» он пишет о том, что «Братья-мусульмане» (под которыми подразумеваются все последователи ислама) будут жить в мире с неисламским миром до тех пор, пока те сами не проявят агрессию. ¹³²

Что касается шариата, то, он, как ни странно, занимает примерно такое же положение в рассматриваемых, теориях, как и джихад. Для всех авторов шариат – это не основа законодательства исламского общества, а скорее свод моральных правил. Хомейни использует шариат как инструмент пропаганды. Для Маудуди это возможность описать образ идеального мусульманина, живущего по законам шариата. В теориях Аль-Банна и Кутба шариат не играет большой роли из-за фактической невозможности использовании его как средства политической борьбы.

Объединяет все эти концепции и **непрятие ценностей западного мира**, а также **культурное превосходство мусульманской цивилизации**. Рассуждения на эти темы занимают большую часть у всех авторов с использованием радикальной риторики – Кутб, Хомейни, теологической – Маудуди, умеренной – аль-Банна.

Подробнее о проявлении этих элементов концепции халифата в произведениях рассматриваемых авторов – приложение №1.

Именно непрятие ценностей западного мира и культурное превосходство мусульманской цивилизации являются положениями, наиболее используемыми в современном дискурсе исламских ученых и богословов. Например, аятолла Джавади Амоли говорит о том, «материальные ресурсы никогда не могут быть связующими для мусульман». ¹³³ Халдун Гюлялп в своей статье подчеркивает, что главная идея в развитии мусульманских государств «не индустриализации, а цивилизационная борь-

¹³¹ *Sayed Abul A'la Maududi Jihad in Islam* [Electronic resource]. URL: http://www.muhammadanism.org/Terrorism/jihah_in_islam/jihad_in_islam.pdf (date of appeal: 22.05.2011), p. 18, 22

¹³² *Hasan Al-Banna Our Message...*

¹³³ *Ayatollah Jawadi Amoli Elements of Unity* [Electronic resource]. URL: <http://www.islamtimes.org/vdci.3azct1a3qli2t.html> (date of appeal: 22.05.2011).

ба за гармонию с природой».¹³⁴ То есть, идеи национального государства ни в коей мере не связываются с экономическим ростом, а являются лишь источником для поиска некоей духовности. Этот же тезис подтверждают и результаты проведенного количественного контент-анализа материалов сайта Islamtimes.org в разделе Islamic Unity: максимальное количество упоминаний в подкатегории «единство» (такие единицы, как «единство», «объединение», «общность») – 50,8%, на втором месте подкатегория «духовность» (единицы «нематериальный»: «человеческая природа», «душа», «вера», «культура», «гармония»). Можно утверждать, что концепция халифата, фигурирующая в работах мусульманских авторов XX века, заменена в богословской среде на идею формирования образа врага – в 14,8% анализируемого текста встречаются слова «Америка», «США», «Израиль», «враг» исключительно в негативном контексте. (см. Приложение 3)

Что же касается шариата, то здесь стоит упомянуть мнение Абдулахи Ахмеда относительно применения норм шариата в правовом поле: шариат не может использоваться государством. Являясь предметом индивидуального постижения, шариат не может быть формальной нормой, подкрепленной возможностью применения насилия государством. Введение правовых норм при помощи государственного насилия, по мнению Абдулахи Ахмеда, является следствием исключительно западной концепции национального государства: «европейская модель государства является тоталитарным взглядом на закон, публичную политику, а также инструменты общественного строительства в руках правящей элиты. Несмотря на то, что управляемыми мусульманами государства никогда не апеллировали к исламской легитимности, они были охарактеризованы как исламские государства».¹³⁵ Таким образом, считает Абдулахи Ахмед, появление шариата в исламистском концепте связано с неудачной попыткой применения западных политических теорий в восточной практике.

Подводя итоги, можно сказать об общности взглядов рассмотренных теоретиков. Было доказано, что присутствие в их теориях основных элементов «политического ислама» – халифата, джихада, шариата, социальной справедливости, неприятия западных ценностей – позволяет говорить о существовании концепта политического ислама.

Повторюсь, что, с моей точки зрения, наиболее корректно будет определить политический ислам как *явление, характеризующее идеи фундаменталистского ислама, которые легли в основу общественных дви-*

¹³⁴ *Haldun Gulalp* Globalizing postmodernism: Islamist and Western social theory // *Economy and Society*. Vol. 26. No. 3 (August 1997). p. 422.

¹³⁵ *An-Na'im, Abdullahi A.* Islam and the Secular State : Negotiating the Future of Shari'a. Cambridge, MA, USA: Harvard University Press. p. 7.

жений и организаций, выдвигающих политические требования, действующие методами как легальной, так и нелегальной борьбы за влияние и власть на протяжении XX – XXI веков.

Рассуждая в терминах дискурс-анализа, используя теорию Э. Лакло и Ш. Муффа, можно выделить один макро-дискурс политического ислама, включающий в себя бесконечное множество микро-дискурсов, например: политический ислам в странах Магриба, политический ислам на Аравийском полуострове, противостояние ислама и западной цивилизации в рамках деятельности исламских радикальных организаций, джихад в Афганистане. Эти многочисленные микро-дискурсы могут пересекаться, частично включать в себя один и несколько других дискурсов. В данной работе представлен анализ дискурса политического ислама в интернет-пространстве Северо-Восточного Кавказа, что определяет географические границы, а также виртуальную область кибер-сферы, в которой будет исследоваться макро-дискурс политического ислама.

Глава III. Материалы и этапы предварительного исследования

На начальном этапе моего исследования был реализован мониторинг интернет-пространства всего Северного Кавказа. В качестве критериев сайтов, попадающих в интернет-пространство радикального ислама, было установлено наличие на них следующих материалов, содержащих:

- Призыв к ведению джихада;
- Название в заголовке формы политического объединения мусульманского общества (джамаат, имарат / северокавказский имамат, имамат);
- Оправдание и призыв к установлению шариатских норм права;
- Ссылки на псевдо-религиозные авторитеты.

На схеме (см. Приложение 1) показана примерная конфигурация этого интернет-пространства. Необходимо отметить, что эта конфигурация верна по состоянию на март-апрель 2012 года: публикация экстремистских материалов не дает возможности определенному ресурсу находиться на одном и том же сервере долгое время. Вынужденные «переезжать» с сервера на сервер, эти ресурсы открываются вновь под новыми именами (производя своего рода ребрендинги) и на новых адресах.

Стрелками показано то, что тот сайт, от которого идет стрелка, ссылается на второй сайт. Из схемы видно, что ресурс Kavkazcenter.com занимает в нем центральное положение. Во многом это обусловлено его «долгожительством» (функционирует с 1999 года), а также высокой значимостью в радикальном исламском кавказском интернете. Тем не менее, это не значит, что структура исламского кавказского интернета жестко централизована. Так, те ветки, где стоят крестики, напрямую не связаны и не ссылаются на Kavkazcenter.com. Неоднородно пространство и в географическом, а следовательно и в лингвистическом плане: сайты по данной тематике функционируют на чеченском, турецком, польском и болгарском языках. Явно доминируют сайты информационных агентств, что дает возможность уже на начальном этапе исследования определить основную цель подобных ресурсов: воспроизвести наиболее полную радикально-исламскую картину мира для тотального включения индивида в этот дискурс. Именно сайты информагентств, а также некоторые базы данных были выбраны мной для последующего контент-анализа. Другие разновидности ресурсов представлены блогами, видео-подкастами, видеохостингами, базами данных. Анализ мультимедиа-материалов должен стать предметом отдельного исследования. Таким образом, схема позволяет говорить о том, что структура северокавказского интернет-

пространства радикального ислама в значительной степени рассеяна и непостоянна.

Целью второго шага начального этапа исследования было определение наиболее значимых ресурсов для дальнейшего использования их материалов для контент- и ивент-анализов (они обозначены на схеме зеленым цветом). Для этого было сделано очень подробное описание большинства сайтов, представленных в таблице (см. Приложение 2). Посещаемость сайта была известна в подавляющем меньшинстве случаев, поэтому был использован показатель Alex Rank, являющийся частным от деления среднего количества посещений этого сайта за три месяца на общее количество посещений сайтов во всем мире¹³⁶: «1» - самый посещаемый сайт, «10» - 9 сайтов более посещаемые, чем десятый и так далее. Из описанных 30 сайтов для дальнейшего анализа было отобрано 9 первых (исключая форум Kavakazchat.com и Государственное информационное агентство ЧРИ в связи с узостью тематики представленных там материалов, а также Chechen Republic Ichkeria из-за отсутствия русскоязычной версии сайта), представленных 7 информагентствами и 2 базами данных:

- *Kavkazcenter.com* - на этом сайте представлена наиболее полная информация во всех тематических сферах;
- «*Имарат Кавказ*» - «официальный сайт Имарата Кавказа», на котором представлено много «практической» информации об изготовлении взрывных устройств и организации диверсий;
- *Umma news* – информагентство, специализирующееся на новостях «уммы», в центре внимания которого находится международная политика;
- *Islam Q – A* – универсальная база материалов по всем сферам ислама, среди которых есть и разделы радикального содержания; переведена на самое большее количество языков;
- *ИмамТВ - Сайт мусульман Кавказа* – ресурс, представляющий, главным образом, мультимедиа, хотя здесь же представлены и отвечающие установленным критериям текстовые материалы;
- *Информационное агентство Вилаята ПалзГайче Имарата Кавказ* – информационный ресурс ингушского объединения, транслирующий информацию о делах всех общин Северного Кавказа;
- *Независимое информационно-аналитическое издание Вилаята Дагестана* – информационный ресурс, аналогичный предыдущему, содержит наибольшее количество ссылок на псевдорелигиозные авторитеты;

¹³⁶ Alexa The Web Information Company // URL: <http://www.alexa.com/>

- *Sunna online* – ресурс, где представлена информация о толковании спорных моментов в Коране и сунне, здесь же даются практические жизненные советы, основанные на толковании религиозных текстов;
- *Официальный сайт Вилайята Дагестана* – сравнительно небольшой дагестанский сайт, содержащий хроника джихада на Северном Кавказе.

Дополнительно на сайте *su-rg.com* была взята информации о нахождении сервера, на котором находится данные сайты. Это говорит о сложности предотвращения появления таких сайтов, что пытаются предпринять российские спецслужбы, так как география распространения серверов с радикальными исламскими сайтами чрезвычайно широка: от Латвии до США.

На следующем этапе исследования непосредственно отбирались материалы для контент-анализа. Для этого брались материалы из разделов, либо непосредственно встречающихся в большинстве из 9 сайтов, либо совпадающих тематически, а именно, из разделов:

- «Аналитика», «Мнения», «Факты-мнения», «Аналитика-трибуна», «Трибуна», наиболее «насыщенных» идеями политического ислама, в которых представлены мнения псевдорелигиозных авторитетов, трактовки религиозных текстов, оценки, как правило, полярные, тех или иных событий и явлений;
- «Ислам», «Акида» («Вера»), «Манхадж» («Путь, метод»), «Даават» («Призыв»), всех, в той или иной степени связанных с религиозной трактовкой социально-политической жизни.

Таким образом, мной было отобрано 497 текстов, которые и легли в основу контент-анализа, реализованного в программе QDA Miner. Распределение материалов по ресурсам отвечает степени их значимости, что представлено на диаграмме 1.

Распределение текстов по ресурсам

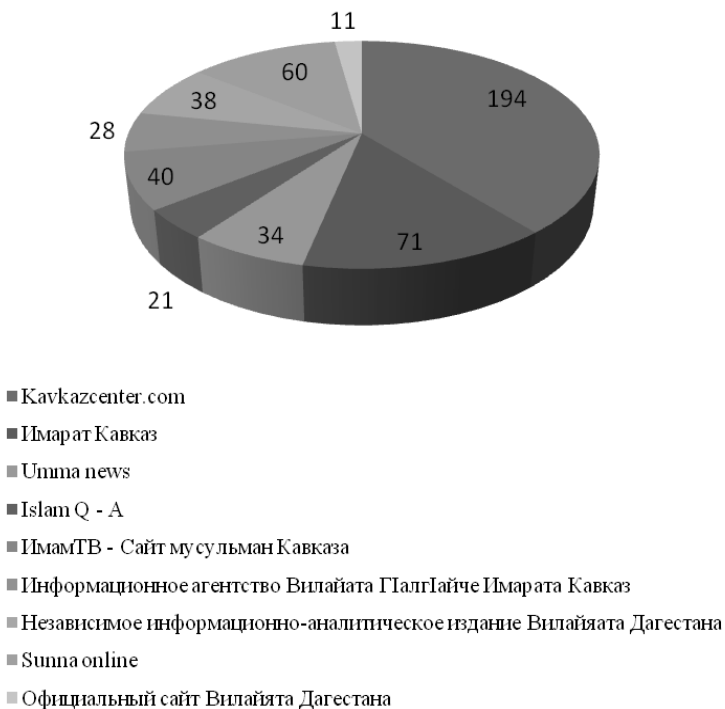

Диаграмма 1. Распределение текстов по ресурсам

Для более подробного описания категории контент-анализа «Образ другого» был предпринят инвент-анализ 2137 новостных сообщений.

Глава IV. Количественный и качественный контент-анализ: результаты, предварительные выводы

В данной главе подробно описана процедура реализации контент-анализа, а также уточняющего ивент-анализа. Сначала излагается процесс создания кодировочной книги: выделение категорий и составляющих их подкатегорий. Затем дается общая оценка полученных результатов. Наконец, каждая категория анализируется на качественном уровне. Именно определенные на начальном этапе исследования подкатегории являются «знаками» дискурса, требующиеся для последующего дискурс-анализа, результаты которого представлены в следующей главе.

Кодировочная книга

Для реализации контент-анализа на первом этапе необходимо структурировать смысловое поле выбранных текстов путем выделения категорий, подкатегорий, а также единиц анализа (слов, упоминание которых непосредственно подсчитывается). В одну подкатеорию включаются семантически родственные единицы. Спорным и наиболее сложным вопросом является метод структурирования поля. Существует две основные точки зрения: одни специалисты утверждают, что этот процесс должен реализовываться по уже существующей строгой схеме, отображая основные параметры характеристики данного общества. Если следовать этой методике, то возникают следующие категории: «политическая система», «ценности», «экономика», «международные отношения». Согласно второй точке зрения, создающиеся категории должны быть уникальны для каждого набора текстов. В соответствии с этой методикой, прежде чем предлагать какую-либо классификацию, исследователю необходимо хотя бы бегло ознакомиться с отобранном материалом и уже на основе собственной (или привлеченной) экспертной оценке предлагать определенный вид кодировки. Мной был использован второй метод, так как он в большей мере способствует пониманию предмета исследования – роли политического ислама в интернете. Составленная кодировочная книга представлена в таблице 1.

Категория	Подкатегория	Единицы
Методы	Диалог	компромисс, диалог
	Призыв	даават, призыв
	Обучение	Обучать
Война	Джихад	джихад, война, битва
	Действие	сражаться, воевать, по-

		бедить
Религия	Источники	Коран
	Столпы	шахада, закят, намаз, хадж, рамадан
	Принципы	таухид, акида (вера), манхадж (путь, метод)
Справедливое общество	Единство	община, умма, джамаат
	Шариат	шариат, фикх
	Халифат	халифат, имарат, эмират
Положительные ценности	Истина	истинный, справедливый
	Сила	Сила
	Мученичество	шахид, муджахид, мученик, самоубийство, смерть
	Свобода	Свобода
	Власть	власть, авторитет
	Спокойствие	умеренность, терпение
Негативные ценности	Насилие	Убийство
	Ложь	обман, ложь
	Политика	идеология, политика
	Искушение	страсть, фитнес
	Предатель	Предатель
	Незнание	Джахилия
Образ другого	Неверие	такфир, куфр, кяфир, муртад, мунафик
	Русские	Русский
	Внешний враг	Саудиты, Израиль, Иудеи
	Международная солидарность	Йемен, Аль-Каида, Афганистан, Ирак
Шейхи	Таймийа	Таймийа
	Ханбал	Ханбал
	Другие	Аль-Авляки, Макдиси, Маудуди, Аль-Ваххаб, Мукожев
	Шейх	Шейх
Государства	Государство	Государство

Выделенные категории описывают основные структурные элементы смыслового поля, а подкатегории позволяют рассмотреть их более подробно.

- Категория «Методы» представляет собой легальные действия, нацеленные на достижение цели. Следует отметить, что понятие «цели» в северокавказском политическом исламе в интернете достаточно расплывчато и может быть отнесено частично к «справедливому обществу», частично - к «религии», частично – к «положительным ценностям». То есть, цель северокавказского политического ислама в интернет-пространстве четко не определена. Категория «Методы» (достижения этой неопределенной цели) включает в себя такие подкатегории как «обучение», «диалог» и «призыв», характеризующие способы достижения цели (напомним, не вполне определенной), как достаточно умеренные (особенно – подкатегория «диалог»);
- Сначала категорию «Война» я предполагала включить в качестве одной из подкатегорий в категорию «Методы». Однако уже беглое ознакомление с материалами дает возможность заключить, что даже одно из составляющих понятия «Война», а именно, «джихад», которое в данном контексте употребляется только в его «силовом», «военном» значении, является одним из ключевых концептов данного интернет-пространства. Поэтому я решила выделить понятие «Война» в отдельную категорию. В эту же категорию вошли и действия, связанные с войной: воевать, сражаться, побеждать.
- Появление в кодировочной таблице категории «Религия» связано с анализом мной религиозно-политическое пространства северокавказского интернета. Функциональным назначением этой категории является отображение роли религии в данном интернет-пространстве. Введение подкатегорий («столпы», «принципы», «источники») дает возможность ответить на вопрос, что важнее для пользователей: основы исламского вероучения, его важнейшие принципы или же многочисленные интерпретации Корана, фактически легитимирующие насильственные действия по отношению к «неверным»?
- Категория «Справедливое общество» включает в себя некоторые элементы той расплывчатой цели, к которой призывает северокавказский политический ислам в интернете. Это может быть: идеальная форма правления («халифат»), идеальное правосудие («шариат»), идеальный принцип построения общества в целом на основе общеисламского единства («единство»).
- Категории ценностей являются одними из основополагающих в смысловом поле северокавказского политического ислама в интернете. Поэтому я разделала их на две категории: «Положительных ценностей» и «Негативных ценностей». В инструментальных целях я намеренно противопоставила их друг другу, с учетом того, что впоследствии я внесу в свои заключения дополнительные корректировки. Такое противопоставление позволяет оценить степень важности положительного образа адеп-

тов ислама и негативной риторики в адрес его врагов. Мною подобраны следующие шесть пар, которые в контексте политического ислама являются антиномичными: «истина - ложь», «сила - насилие», «мученичество - предатель», «свобода - незнание», «власть - политика», «спокойствие - страсть». Разбивка на пары, являющиеся подкатегориями в рамках каждой из двух категорий, «Положительные ценности» и «Негативные ценности», дает возможность определить соотношение позитивного и негативного на каждой из шести шкал (двух пар подкатегорий). Необходимо помнить, что качественный аспект оценок фиксировался с точки зрения самих индивидов, включенных в изучаемый дискурс. Я всячески стремилась избежать оценки со стороны позиции исследователя (не знаю, насколько мне это удалось, но я очень старалась). Так, в «негативную» подкатегорию «насилие» входит единица «убийство», так как эта единица чаще всего встречается при описании действий «врагов». Политика и идеология имеют в интернет-пространстве северокавказского политического ислама негативную окраску, в то время как власть и авторитет носят положительный характер. Это также свидетельствует о несформулированности конкретных целей северокавказского политического ислама, которому важно не столько установление каких-либо институтов и реализация конкретных мер, сколько абстрактный захват власти и обладание авторитетом. Идея смерти и самоубийства имеет в интернет-пространстве северокавказского политического ислама крайне положительную оценку, так как связана с героизмом и смелостью шахидов и мучахидов. В противоположность этому предательство, что вполне понятно, подвергается крайнему порицанию. Человеку, не знакомому с исламским контекстом, может показаться спорной противопоставление пары «свобода - незнание», однако в данном дискурсе это антитеза соответствует формулировке «находящийся в джахилии (дать перевод, отображающий смысл термина) не может быть свободным». Несмотря на множественные эмоциональные призывы к ведению войны, в интернет-пространстве северокавказского политического ислама, как это ни странно, положительными ценностями являются именно умеренность и терпение, а безрассудство и страсть осуждаются.

- Пограничное положение между категориями «Положительные ценности» и «негативные ценности» занимает категория «Государство». Помимо нейтральных упоминаний в качестве простого сообщения, сам термин «государство» употребляется как в негативном, так и в положительном ключе. Поэтому данный термин будет более подробно рассмотрен в блоке «Качественный анализ».

- Категория «Образ другого» включает в себя восприятие «чужого» через обособление собственной группы. В самом широком смысле «другие» воспринимаются в интернет-пространстве северокавказского поли-

тического ислама как «неверующие», прежде всего - немусульмане, «кяфиры»). К «другим» также относятся «русские», так как изучаемое интернет-пространство включено в российский контекст. Затем идут «внешние враги», в число которых включаются «традиционные» противники ислама в образе США и Израиля. К «другим» в интернет-пространстве северокавказского политического ислама отнесена также и, как это ни странно, Саудовская Аравия. Несмотря на ее принадлежность к исламскому миру, в данном смысловом поле более важным для интернет-пространства северокавказского политического ислама являются союзнические отношения Саудовской Аравии с США. Положительный образ внешнего мира связан с такими локальными очагами распространения радикального ислама, как Афганистан, Йемен (Аль-Каида на Аравийском полуострове), Ирак, Сомали, которые для интернет-пространства вне политического ислама являются если не враждебными, то очень проблемными.

- Наконец, категория «Шейхи» использована для поиска ссылок на религиозные и псевдорелигиозные авторитеты. В ходе отбора материала отдельно были выделены две подкатегории «отцов-основателей» исламской радикальной мысли: Ахмад Ибн Ханбаль (780 - 855) и Ибн Таймийа (1263 - 1328). Первый является основателем ханбалитского мазхаба, который отрицает прекращение джихада, а также все нововведения в вере и жизни, не имеющие обоснования в Коране и хадисах и не подтвержденные согласным мнением (иджма) первых трех поколений мусульманских авторитетов.¹³⁷ Ибн Таймийа также является представителем этого мазхаба, развивавшим идеи ханбализма в своих многочисленных работах и призывавшим к восстановлению идеального халифата. Следует специально отметить, что Мухаммад ибн Абд Аль Ваххаб, по мнению многих исследователей, являющийся непререкаемым авторитетом для представителей данного дискурса, на самом деле таковым себя в интернет-пространстве северокавказского политического ислама не проявляет.

Анализ результатов количественного контент-анализа

В данном разделе представлена интерпретация поведенного мной эмпирического исследования. Проводя свой анализ, я пошагово выстраивала структуру дискурса, руководствуясь теорией Э. Лакло и Ш. Муфф.

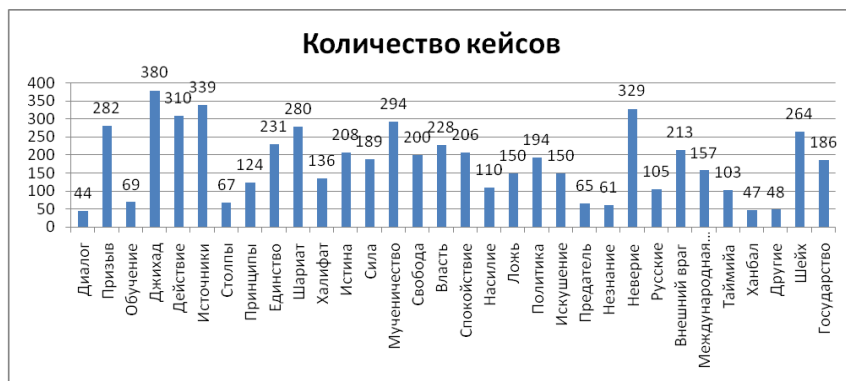
В ходе реализации анализа значимыми я считала единицы, встречающиеся более 40 раз, то есть, как минимум, в каждом десятом тексте. За структурную единицу при проведении анализа я взяла одно предложение.

¹³⁷ Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. (отв. секретарь) Ислам. Энциклопедический словарь М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С.271-272.

В связи с этим количественный показатель вычислялся по количеству предложений, в которых встречается искомое слово или искомые слова. В итоговом кодировочном бланке было получено более 32 000 предложений, что позволило провести достаточно подробный анализ на второй, интерпретационной, стадии исследования. Гистограмма 1 показывает, какая доля упоминаний приходится на ту или иную подкатегорию от общего числа упоминаний, а гистограмма 2 дает сведения о количестве текстов (кейсов), в которых упоминается эта подкатегория.

Гистограмма 1. Количество упоминаний подкатегорий от общего числа упоминаний

Гистограмма 2. Количество кейсов, в которых упоминается та или иная подкатегория

О качестве предложенной структуры можно судить по следующим показателям: коэффициент корреляции Пирсона между выборками «количество упоминаний» и «количество» кейсов равен 0,844 (уровень значимости 0,01). Встречаемость подкатегорий распределена так, что отсутствуют такие случаи, когда в одном тексте сконцентрировано более 50% упоминаний одной подкатегории. Парные корреляции количества упоминаний подкатегорий, в основном, менее 0,55 (лишь три пары имеют коэффициент корреляции 0,63: «неверие - мученичество», «неверие - незнание» и «незнание - шариат»), что позволяет говорить об отсутствии тематических пересечений и свидетельствует о самостоятельности каждой подкатегории, а, следовательно, и категории.

В интерпретационной части моего анализа я оперирую терминологией, почерпнутой из теории Э. Лакло и Ш. Муфф.

На основе полученных данных можно предложить следующую иерархию «важности» подкатегорий: наиболее важные – встречаются в более половине текстов [250;497], базовые – более, чем в каждом пятом тексте [100;250] и наименее значимые – менее чем в каждом пятом тексте [40;100].

Наиболее значимыми подкатегориями являются: «джихад», «источники», «неверие», «действие», «мученичество», «призыв», «шариат», «шейх».

Это дает возможность заключить, что данные подкатегории являются ключевыми концептами дискурса северокавказского политического ислама, его «узловыми точками». При этом наиболее часто встречающимся знаком является ориентированность на джихад, составляющая 15,9% от общего числа упоминаний.

Образ неверующего стоит на втором месте по упоминаемости после джихада (11,8% текстов). Далее следуют образ героя муджахида и многочисленные ссылки на Коран и различных религиозных авторитетов, а также радикальное обособление «себя» (мусульманина) от «другого».

Необходимо отметить, что наиболее упоминаемое слово «Аллах» (15367 упоминаний) сознательно не было включено мной в подкатегорию «источники», ибо, в противном случае произошел бы существенный сдвиг в итоговых результатах.

Анализ интернет-пространства северокавказского политического ислама показал, что его главной идеей является война против неверных, оправдываемая исключительно религиозными идеями. Ради чего же должна вестись эта война? Из числа концептов, частично связанных с целями, в ключевые концепты попал только шариат. Это дает возможность заключить, что именно шариату приписывается преобладающее значение для установления справедливого порядка. При этом введение шариата может быть достигнуто исключительно путем войны.

Вспомним, что, в соответствии с теорией Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, в пространстве, близком к данному дискурсу и называемом полем дискурсивности, находятся элементы, которые имеют или имели знаки, находящиеся в данный момент в дискурсе. Но эти же многозначные элементы, находящиеся в поле дискурсивности, имеют и другие значения, которые также могут быть достигнуты, но не в данный момент. Например, значения «джихад» и «шариат» тесно связаны между собой, но эта связь никак не инструментализируется, не ставятся конкретные задачи для установления и укрепления этой связи, отсутствует четкое представление о результатах борьбы ислама. Да и само понятие джихада достаточно расплывчато, подчеркивается лишь сакральность и обязательность ведения джихада (упорства, укрепления в вере) каждым истинным мусульманином.

В результате получается, что именно религиозная риторика, выраженная подкатегориями «джихад» и «шариат», является связующим звеном между всеми «подкатегориями» (знаками), в то время как доля упоминания подкатегории «столпы» (пять столпов ислама: шахада, закят, намаз, хадж, рамадан) ничтожно мала (67 кейсов – 0,5% от общего числа упоминаний).

Базовыми подкатегориями в дискурсе северокавказского политического ислама в интернете являются: «политика», «власть», «государство», «внешний враг», «единство», «международная солидарность», «истина», «спокойствие», «свобода», «сила», «халифат», «искушение», «принципы», «ложь», «русские», «Таймийа», «насилие» (подкатегории сгруппированы в порядке от большей упоминаемости к меньшей). Больше половины знаков (17 из 32) являются основополагающими в дискурсе.

Из этого можно сделать заключение, что основная часть дискурса северокавказского политического ислама в интернете представляет собой ценности. Поскольку при этом положительные ценности явно доминируют над отрицательными, то из этого следует, что для создателей данного дискурса очень важна была демонстрация позитивного образа политического ислама.

Практически уравновешивают друг друга: относящаяся к положительным ценностям подкатегория «власть» и носящая негативные характеристики подкатегория «политика», в которую наряду с политикой входит также единица «идеология» (соответственно 3,4% и 3,5%), «положительная» подкатегория «спокойствие» и «негативная» подкатегория «страсть» (соответственно 1,9% и 1,7%); подкатегории «сила» и «истина» превосходят своих «антиподов» - подкатегории «насилие» и «ложь» в два - полтора раза (соответственно 1,8% : 0,9% и 2% : 1,4%).

Категория «Образ другого» с внутренним разделением на «своих-чужих», при том, что подкатегории «чужих» («русские», «внешний

враг») доминируют над подкатегориями «свои» («международная солидарность») составляет 6,6% (без «неверия», состоящего из единиц такфир /неверие/, куфр /неверие, выражающееся в отсутствии нравственного стержня/, кяфир /неверный/, муртад /мусульманин, отрекшийся от ислама/, мунафик /неверующий лицемер, притворяющийся набожным мусульманином/). Подробнее о содержании каждой из этих подкатегорий (знаков) будет сказано ниже.

Наименее важными подкатегориями в дискурсе северокавказского политического ислама в интернете являются следующие: «диалог», «обучение», «столпы», «предатель», «незнание», «Ханбал», «другие».

Подкатегории наименее важного блока, как бы, «стремятся уравновесить» подкатегории двух предыдущих блоков: наиболее значимого и базового. Однако мизерная упоминаемость подкатегорий третьего блока не позволяет говорить о стремлении северокавказского политического ислама занять более взвешенную позицию. Так, подкатегории «диалог» и «обучение» могли бы сбалансировать подкатегорию «джихад», подкатегории «предатель» и «незнание» - могли бы уравновесить своих антиподов – категории «мученик» и «свобода».

Малый интерес в дискурсе северокавказского политического ислама к подкатегории «столпы» (основным столпам ислама: шахада, закят, намаз, хадж, рамадан) позволяет сделать вывод о том, что мирная трактовка ислама, сводящегося к формальному исполнению необходимых обрядов не является ни целью, ни средством создания идеального мусульманского общества. Как будет показано ниже даже те немногие упоминания закята или хаджа так или иначе связаны с ведением джихада.

Все изложенное выше дает возможность сделать вывод о том, что, несмотря на присутствие наименее важных подкатегорий (знаков) в дискурсе северокавказского политического ислама, они все-таки в большей степени тяготеют к полю дискурсивности. Эти наименее важных подкатегории (знаки) дискурсе северокавказского политического ислама формируют своеобразный буфер, представляющий собой возможный переход от радикального ислама к более умеренному. Естественно, в данном случае речь не идет об увеличении значимости таких подкатегорий (знаков), как «предатель», «незнание» или «Ханбал». Однако, повышение «веса» остальных подкатегорий (знаков), артикулирование иных значений (элементов) этих подкатегорий (знаков) может перевести весь дискурс политического ислама на более умеренные позиции.

Взаимосвязи между подкатегориями представлены на рисунке 1. Одинаковыми цветами обозначены знаки, относящиеся к одной категории.

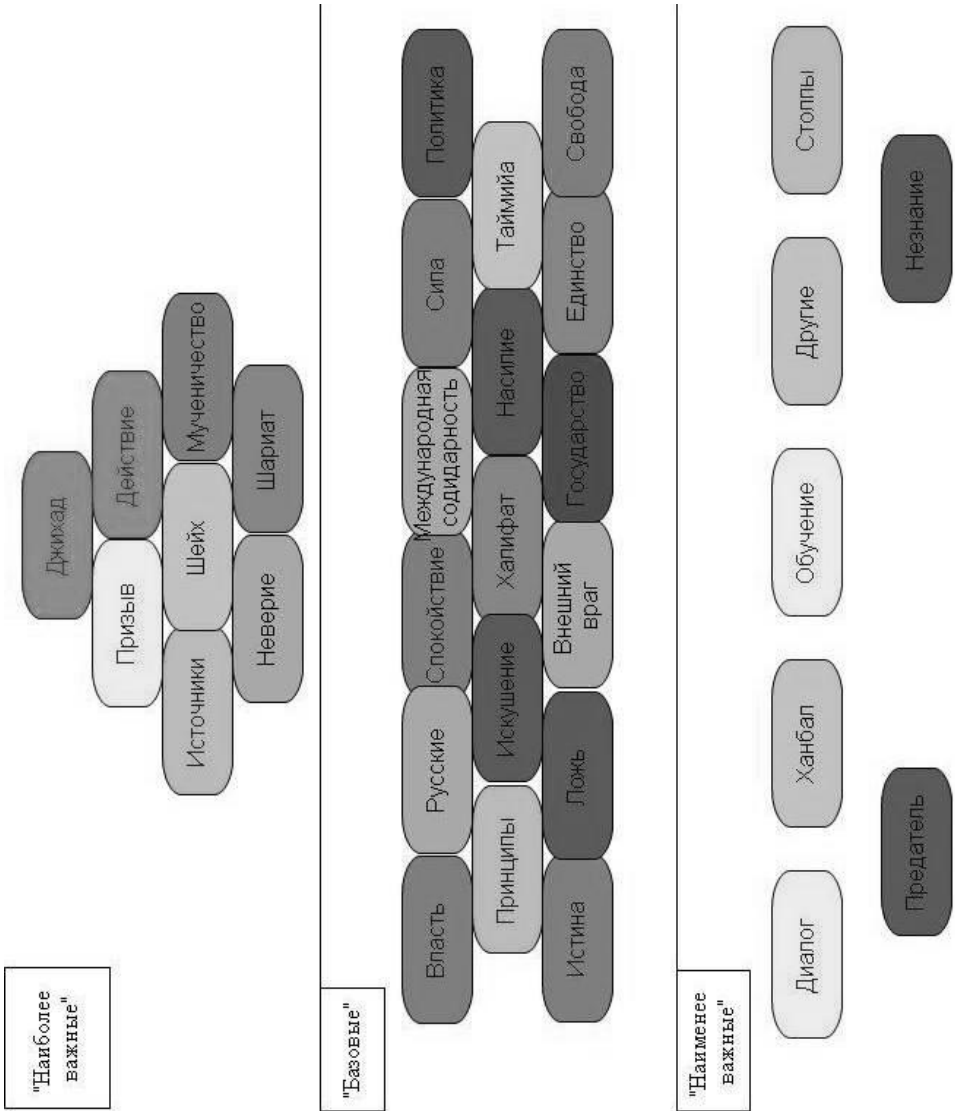

Рисунок 2. Взаимосвязи между подкатегориями

Результаты проведенного мной контент-анализа позволяют сделать несколько выводов, являющихся, хотя и промежуточными, но очень

важными для последующего более детального анализа содержания каждого знака (подкатегории).

- *Джихад против неверных обосновывается авторитетами, не признанными большей частью мазхабов.*
Это утверждение, включающее в себя 8 знаков (подкатегорий), характеризует ключевые структурные «элементы» дискурса северокавказского политического ислама в интернете.
- *В дискурсе северокавказского политического ислама в интернете отсутствует более или менее внятная формулировка цели.*
Среди знаков дискурса представлены некоторые ее «осколки» - знаки категории «справедливое общество», некоторые позитивные ценности. Представления об этих частях носят абстрактный характер.
- *Блок наименее важных знаков представляет собой «буферную зону» между радикальным и умеренным исламом.* При конвертации элементов в знаки из этой пограничной области поля дискурсивности возможно существенное изменение существующего в данный момент дискурса политического ислама.

Интерпретационный анализ

Как можно заключить из проведенного мной исследования, подкатегория (знак) «джихад» является центральной «узловой точкой» дискурса политического ислама. Центральная роль знака (подкатегории) «джихад», его место в качестве важнейшей «узловой точки» политического ислама выражается в первую очередь в том, что его артикулированное значение упорядочивает значения других знаков (и узловых точек), организует и структурирует пространство дискурса. На данном этапе исследования моей основной задачей является выявление значения знака «джихад», поиск его взаимосвязей с другими знаками, а также обнаружение различных факторов (которые невозможно было обнаружить в ходе количественного анализа), влияющих на эти взаимосвязи.

Для выявления артикулированного в дискурсе значения знака «джихад» необходимо было найти в этом дискурсе высказывания, содержащие подобную информацию. В полученном кодировочном бланке мной было обнаружено более 20 определений знака «джихад». Учитывая то, что общая численность предложений, в которых встречается этот знак, превышает 6 000, можно сказать, что определений джихада в дискурсе северокавказского политического ислама совсем не много.

Приведем некоторые из них:

- «Джихад – это источник мощи мусульман, и в то же время закрывает (он – С.Р.) источник их унижения и подавляет желания неверных враждовать с мусульманами.»¹³⁸
- «Джихад - это ибадат, чтобы его правильно совершать нужны знания, поэтому в свободное время изучай фикх- уль- джихад.»¹³⁹
- «Джихад – величайшее деяние в Исламе и спасение Уммы лежит в его выполнении.»¹⁴⁰
- «Вместе с тем, джихад – не только испытание, но и величайшая Милость Аллаха к своим рабам и гарант наилучших перспектив.»¹⁴¹
- «А Джихад – он сам по себе смысл жизни, высшая реализация.»¹⁴²
- «Джихад – величайшее из дел после веры в Аллаха.»¹⁴³
- «На арабском слово джихад означает приложение усилий и энергии.»¹⁴⁴

Каждое из этих утверждений подчеркивает всеохватываемость джихада: учиться, жить, подвергать себя испытаниям – все это необходимо делать исключительно ради джихада. Кроме того, во всех приведенных выше определениях джихада подчеркивается позитивный характер совершаемого действия, что нередко подтверждается ссылкой на высшие религиозные ценности.

Важнейшей характеристикой джихада в этом дискурсе является его индивидуальная обязанность к исполнению каждым мусульманином его религиозного долга:

¹³⁸ Шейх аль-Баррак: «Джихад на пути Аллаха – это вершина Ислама» // Kavkazcenter.com/russ. 26 января 2011. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2011/01/26/78556.shtml

¹³⁹ Памятка молодому моджахеду // Kavkazcenter.com/russ. 1 января 2010. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/01/01/69898.shtml

¹⁴⁰ Шейх Анвар Авлаки: 44 способа поддержать Джихад // Kavkazcenter.com/russ. 15 февраля 2009 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/02/15/64000.shtml

¹⁴¹ Методология достижения победы // Kavkazcenter.com/russ. 12 марта 2010 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/03/12/71164.shtml

¹⁴² «На Кавказе идет серьезная партизанская война, и никаких побед не наблюдается» // Kavkazcenter.com/russ. 3 октября 2009 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/10/03/68365.shtml

¹⁴³ Достоинства джихада и муджахидов // Shamilonline.com. 11 декабря 2011. URL: <http://www.shamilonline.org/ru/2009-08-18-08-17-14/5-2009-08-18-08-13-33/5462-2011-05-02-18-43-20.html>

¹⁴⁴ Джихад это просто убийство не мусульман? // Fatwaonline.net. URL: www.fatwaonline.net/?view=question&id=21961

- *«Первый грех сегодня на мусульманах, который они удивительным образом пренебрегают - это оставление джихада, который является Фарз-айном, также как и подготовка к нему.»¹⁴⁵*

Фард-айн, как индивидуальный долг, противопоставляется фард-кифая, понимаемому как в качестве долга всей общины. Отсюда следуют два важнейших вывода.

Во-первых, джихад, будучи знаком дискурса, является основанием для построения социальной идентичности в реальном мире. Из приведенного выше высказывания можно вывести логическое заключение: если мусульманин не ведет джихад, то он уже не мусульманин, а кяфир. Исламский дискурс предлагает условную модель социальной стратификации общества на основе «джихадийской» идентичности:

«Это испытание, в котором люди делятся на три части: победоносная группа – это муджахиды, воюющие против нечестивцев; противостоящая им группа – это нечестивцы, в том числе и те жалкие, ничтожные, которые называют себя мусульманами; и группа, оставляющая муджахидов без помощи – это те, кто не участвует в джихаде, даже если они действительно мусульмане.»¹⁴⁶

Во-вторых, противопоставление «следующих джихаду» «оставляющим джихад» подтверждает мою гипотезу о специфической системе, сложившейся в рамках дискурса, когда противопоставляются не только положительные и отрицательные ценности, но радикальное разделение идет внутри большинства знаков. Как будет показано ниже, существует также дихотомия значений на основании следующих противопоставлений: «приемлемо / неприемлемо», «положительно / отрицательно», «оправданно / неоправданно».

Очень своеобразным в дискурсе северокавказского политического ислама является отношение знака «призыв» к знаку «джихад». Казалось бы, «призыв» никак напрямую не связан с насильственными действиями. Слово «даваат» переводится с арабского как «приглашение, агитация». Тем не менее, в этом же дискурсе дават трактуется как неотъемлемая часть джихада:

¹⁴⁵ Если они тебя спросят: «Что такое джихад?!», то ты скажи им... // Kavkazcenter.com/russ. 3 августа 2007 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/08/03/52169.shtml

¹⁴⁶ Амир Супьян: «Прежде чем провозгласить Имарат Кавказ, были произнесены более важные слова...» // Kavkazcenter.com/russ. 7 февраля 2009 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/02/07/63864.shtml

«Величайшей формой джихада является джихад собой (т.е. сражение), затем следует джихад имуществом, затем джихад речью и наставлением других.»¹⁴⁷

Интересно, что представители данного дискурса не питают иллюзий насчет универсальности методов такой пропаганды.

«И если некто скажет, а разве для периодов слабости свои законы, принципы и тексты, характерные для них, отличающиеся от законов и текстов, касающихся периодов силы и утвержденной власти, мы скажем, да.»¹⁴⁸

Несмотря на стремление исламских активистов эффективно воздействовать на общество в области активной пропаганды (давааат) в дискурсе северокавказского политического ислама существует предоставление о слабости этой пропаганды в настоящий период.

Столь же своеобразным, как и в предшествующем случае, является в дискурсе северокавказского политического ислама отношение знака «обучение» к знаку «джихад». В данном контексте смысл знака «обучение» сводится как к физической, так и моральной подготовке муджахидов. Создание позитивного образа борца за веру путем обучения в более мягких терминах в дискурсе северокавказского политического ислама отсутствует. Важность обучения, подготовки муджахидов в самом радикальном смысле доказывается также и тем, что помимо анализируемых статей, на некоторых исламских сайтах есть разделы, посвященные прикладным знаниям «муджахидского дела» и дающие квалифицированные рекомендации относительно того, как сделать взрывчатое устройство, каким образом качественно провести разведку, как на высоком уровне компетенции организовать диверсию и т.д.

Совершенно непротиворечивой в дискурсе северокавказского политического ислама в интернете представляется взаимосвязанность джихада с такими знаками, как свобода, единство, терпение, сила, страсть, и политика.

При характеристике джихада и всего политического дискурса северокавказского политического ислама в интернете в целом недоучтенным может показаться исторический фактор. Однако детальный анализ текстов позволяет подтвердить гипотезу о минимальной роли этого фактора. Действительно в дискурсе северокавказского политического ислама в интернете есть ссылки на события «войны за независимость в 90-е годы», «героическую борьбу кавказских народов в XIX и сейчас», и на

¹⁴⁷ В наши дни джихад фарз для каждого мужчины? // Fatwaonline.net. URL: www.fatwaonline.net/?view=question&id=20214

¹⁴⁸ Джихад и Шариатская политика // Guraba.info. 20 октября 2009. URL: www.guraba.info/2011-02-27-17-49-46/28-facty/685----.html

достижение результата в будущем. В отдаленное прошлое, далее XIX века, дискурс северокавказского политического ислама не заглядывает.

В чем же заключается цель джихада и любой другой активной деятельности, осуществляемой в этом дискурсе? Согласно артикулированным здесь значениям «целей», таковыми являются:

- *«Наша цель – победить врага, установить Шариатское государство, дать свободу народу.»¹⁴⁹*
- *«И самое главное учить своих детей тому, что вершиной имана является Джихад на пути Аллаха, а конечной целью – построение мусульманского государства, живущего по ШАРИАТУ.»¹⁵⁰*
- *«Цель джихада не убийство немусульман, целью является установление религии Аллаха на земле, установление правления Его шариата и вывести людей из служения другим людям к служению Господу всех людей, из несправедливости других религий к справедливости Ислама.»¹⁵¹*

Таким образом, знак «цель» связывает знаки «джихад», «свобода», «шариат», «религия» и «государство» в их позитивном значении.

Упомянутыми выше формулировками «цели» общее представление о «целях» в дискурсе северокавказского политического ислама дело не ограничивается.

Однако, остальные формулировки «цели» представляют собой «перетасовку» уже упомянутых знаков.

При такой расплывчатости цели представление о ней в дискурсе политического ислама выглядит скорее как утопия, которая объясняет необходимость (и даже требует) разрушения существующего положения вещей, предлагая позитивный проект на будущее. Важным моментом, отделяющим исламскую утопию от идеологии, является то, что джихад в ней предстает не только инструментом и методом достижения цели, но и самой целью, представляя, по сути, такой же идеал, как «шариатское государство» или «свобода».

Необходимо обратить внимание на соотношение религии и джихада.

Основной формой этой взаимосвязи, что стало понятно еще на уровне количественного анализа, являются многочисленные ссылки на Коран тех

¹⁴⁹ «Дело Ислама и нашей свободы в надежных руках» // Kavkazcenter.com. 30 июля 2007. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/07/30/52105.shtml

¹⁵⁰ Дагестан школы – кузницы куффа // Kavkazcenter.com. 28 июня 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/06/28/45580.shtml

¹⁵¹ Джихад это просто убийство не мусульман? // Fatwaonline.net URL: www.fatwaonline.net/?view=question&id=21961

религиозных авторов, которые оправдывают ведение «наступательного Джихада». Чрезвычайно важным является тот факт, что джихаду придается значительно большее значение по сравнению с другими формами религиозной исламской практики.

Ниже представлены примеры превосходства джихада по отношению к «четырем столпам ислама» - посту, молитве, паломничеству в Мекку, добровольному налогу:

- *«Но джихад, когда становится Фарз-айном, он опережает пост в месяц Рамазан, по единогласному мнению ученых, и человеку, в случае необходимости, разрешается пропускать пост!»¹⁵²*
- *«Приказ о Джихаде упомянут в Коране чаще, чем приказ о ежедневной молитве.»¹⁵³*
- *«Если же Джихад стал фар гайн (личной обязанностью), то он стоит выше, чем обязательный Хадже, так как ты обязан сразу же выполнять его.»¹⁵⁴*
- *«Поэтому по этим двум основаниям, безусловно, закят с точки зрения шариаата должен быть выплачен в пользу амиров и воинов джихада, как с точки зрения нуждаемости, так и законности сбора закята.»¹⁵⁵*

Следует специально отметить, что хотя упоминаемость основных столпов веры в дискурсе северокавказского политического ислама в интернете сравнительно невелика, но контекст, в котором они используются, почти в каждом случае связан с джихадом. Надо отметить, что, хотя значение знаков «пост», «молитв», «паломничеству в Мекку», «добровольный налог» фактически соответствует кораническому, но они артикулируются несколько иначе ввиду доминирования в этом дискурсе знака «джихад».

В отличие от четырех уже упомянутых столпов ислама, «пятый столп», «шахада», в данном дискурсе приобретает совершенно иное значение по сравнению с обычной религиозной практикой. Шахадой называется «первое и важнейшее положение исламского символа веры,

¹⁵² Если они тебя спросят: «Что такое джихад?!», то ты скажи им... // Kavkazcenter.com/russ. 3 августа 2007. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/08/03/52169_print.html

¹⁵³ Информационный Джихад в современном мире // Guraba.info. 8 августа 2008. URL: <http://guraba.info/2011-02-27-17-49-46/28-facty/113-----.html>

¹⁵⁴ Амир Умар: Расходование на пути Аллаха // Imamtv.com. URL: www.imamtv.com/play313.htm

¹⁵⁵ Проповедь для мусульман Имарата Кавказ: Обязательность закята // Kavkazcenter.com/russ. 25 апреля 2010. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/04/25/71995.shtml

выражаемое формулой Ла илаха илла Ллаху ва Мухаммадун расулу Ллахи («Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммад - посланник Аллаха») и содержащее два первых догмата ислама.»¹⁵⁶

В дискурсе северокавказского политического ислама в интернете фигурирует совершенно иное значение шахады:

*«То чего вы сейчас видите, как нехорошее для нас, на самом деле то, что мы искали (имеется в виду шахада, смерть на пути Аллаха в сражении).»*¹⁵⁷

В дискурсе северокавказского политического ислама в интернете шахаде чаще всего приписывается значение героической смерти. Там же прямо устанавливается зависимость шахады от джихада:

*«Он произнёс Шахада и пошёл воевать и стал шахидом.»*¹⁵⁸

Однако значение шахады не ограничивается «героической смертью». В дискурсе северокавказского политического ислама в интернете можно обнаружить еще одну важную взаимосвязь: позитивного образа смерти (шахады) и джихада:

*«Но если он стоит твердо и имеет намерение на мученичество (шахада), то это также дозволено для него и это благо: «Среди людей есть такой, который продает свою душу, надеясь снискать довольство Аллаха» (2:207).»*¹⁵⁹

Если рассматривать термин «шахада» в рамках теории Э.Лакло и Ш.Муфф, Шахада, то, учитывая количество и разброс его значений, можно утверждать, что он более тяготеет к полю дискурсивности, нежели чем к дискурсу. Ведь несмотря на частоту употребления одного значения, нельзя не учитывать и другие значения.

Знаки, вынесенных в группу «Принципы» являются более комплексными по сравнению со знаками «столпов веры». Поэтому, даже будучи вне дискурса политического ислама, знаки, вынесенные в группу «Принципы» перегружены смыслами. В эту группу мной были включены такие понятия, как акида (вероубеждение, шесть столпов веры), таухид (единство Аллаха) и манхадж (образ жизни правоверного мусульманина).

¹⁵⁶ Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. (отв. секретарь) Ислам. Энциклопедический словарь М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С.296.

¹⁵⁷ История Джихада на Кавказе в вопросах и ответах // Kavkazcenter.com/russ. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/10/31/48011.shtml

¹⁵⁸ Там же

¹⁵⁹ Опровержение заблуждения Хизб-ут-Тахрир в вопросах Джихада // Kavkazcenter.com/russ. 11 июля 2007. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/07/11/51825.shtml

В самом широком смысле дословно с арабского они имеют значения «вера», «единобожие» и «путь, метод» соответственно (более подробно см. Приложение 1).

Вот как эти значения артикулированы в дискурсе северокавказского политического ислама в интернете :

- *«Начнем с того, что на самом деле необходимо знать, что Ахль ас-Сунна ва-ль-Джамаа – это не какая-то группа или партия – это путь (манхадж), который строго соответствует тому, что изложено в Коране и Сунне, путь которому неукоснительно следовали праведные салафы и выдающиеся ученые этой уммы, в разные времена, со времен Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, и до сегодняшних дней.»*¹⁶⁰
- *«Акида мусульманина – это таухид, он является незыблемой истиной, верой всех пророков.»*¹⁶¹

Анализ данных текстов дает возможность заключить, что в дискурсе северокавказского политического ислама в интернете требования неукоснительно следовать Корану и Сунне сочетаются с малым значением, придаваемым основным столпам ислама.

В таком случае возникает вопрос, каким же образом должно происходить столь поощряемое познание Корана, Сунны и хадисов? Одно из высказываний адептов политического ислама ориентирует на скептическое отношение к авторитетам:

*«В том, что касается убеждений, нельзя слепо следовать за кем-то из людей, какими бы знающими и авторитетными они не были.»*¹⁶²

Однако, в реальности дискурс северокавказского политического ислама в интернете отнюдь не таков. Многочисленные ссылки на множество шейхов и «знатоков» ислама свидетельствуют о том, что именно они и являются наиболее авторитетными, что именно их суждение по тому или иному вопросу признается в качестве единственно верного. В этом проявляется гегемонистский характер дискурса северокавказского политического ислама, исключающего саму возможность альтернативной позиции внутри адептов данного религиозно-политического направления. Противоречия в данном дискурсе возможны только на основе противопоставления «свой-чужой», что свидетельствует об очень «прочной» структуре этого дискурса.

¹⁶⁰ Там же

¹⁶¹ «Быть мусульманами до конца...» // [Kavkazcenter.com/russ/](http://kavkazcenter.com/russ/). 1 июля 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/07/01/45635.shtml

¹⁶² Муса Мукожев: «Выйдя на Джихад, мы обрели настоящую свободу» // [Guraba.info](http://guraba.info). 27 февраля 2011. URL: <http://www.guraba.biz/2011-02-27-17-48-45/21-islam/443--1-r.html>

Особо подробно следует остановиться на анализе знака «государство», который вынесен в отдельную категорию по причине его дихотомичности.

Попытаемся проартикулировать его значения в дискурсе северокавказского политического ислама в интернете:

- *«Итак, признаком мусульманского государства является правильная акыда и шариат»*¹⁶³
- *«Поистине в Исламе государство – религия, а религия – государство.»*¹⁶⁴
- *«С точки зрения шариата, государство – это, прежде всего, способ установления закона Аллаха, метод воспроизведения исламского права, взятый из наследия Посланника Аллаха (мир ему и благословение).»*¹⁶⁵
- *«Государство - идеологически структурированная система, и средоточие законов, регулирующих жизнь общества.»*¹⁶⁶

Анализируя представленные выше тексты, можно заключить, что положительное восприятие знака «государство» связано исключительно с исламом, в то время как негативный его аспект сочетается со знаком «идеология», входящим в категорию «негативные ценности». Поскольку в дискурсе не может быть двух значений одного и того же знака, то второе, негативное его значение выносится в поле дискурсивности и предстает в качестве элемента.

О негативном нарративе знака «государство» прямо свидетельствует также имеющееся в дискурсе северокавказского политического ислама высказывание:

*«Государство, которое мы построили в начале 90-х годов, ни по каким критериям не соответствовало Корану и Сунне.»*¹⁶⁷

Данное высказывание является одним из немногих примеров критического восприятия адептами политического ислама собственных дея-

¹⁶³ О «пользе и вреде», договорах и исламских государствах // Kavkazcenter.com/russ. 28 октября 2009. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/10/29/68808.shtml

¹⁶⁴ Абдул-Кадир Авда: Ислам. Между невежеством народа и дефицитом ученых // Kavkazcenter.com/russ. 29 февраля 2012. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2012/02/29/89145.shtml

¹⁶⁵ Ислам, закон и государство // Guraba.info. 15 января 2010. URL: www.guraba.info/2011-02-27-17-59.../759-2011-05-28-11-21-51.html

¹⁶⁶ «Все, что не соответствует Шариату нелегитимно» // Kavkazcenter.com/russ. 9 января 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/01/09/40872.shtml

¹⁶⁷ Там же

ний. Следует подчеркнуть, что подобный «самоанализ» встречается также и во фразах, демонстрирующих признание адептами политического ислама своей уязвимости перед лицом «русского врага» и возможности ложных высказываний в стенах мечети:

- *«Безопасность мусульман дороже безопасности кафиров, и мусульмане не будут в безопасности, пока Россия ведет против них войну.»*¹⁶⁸
- *«Если же это мечети, в которых лгут и скрывают Истину и проповедуют ложь и из числа являющихся оплотом искажения, то поистине это мечети вреда и нечестия!»*¹⁶⁹

Анализ дискурса северокавказского политического ислама дает возможность заключить, что в этом дискурсе негативное значение приписывается самому институту государства, а также всему тому, что связано с конкретными механизмами управления. Исламское же государство выступает в данном дискурсе как часть утопии.

Этот вывод может показаться странным и спорным, но конструкция утопического государства, точнее, уммы, частично находит свое воплощение в реальности, а именно в реализованном идеале небольших общин, которыми зачастую являются террористические ячейки. Будучи связаны дискурсом утопии и мечтая о построении идеального исламского государства, они не могут осуществить свой идеал, так как у них, кроме джихада, нет ни инструмента, ни метода такого строительства.

Знаком исламской утопии является также шариат, который артикулирует свое значение следующим образом:

*«Шариат это Божественный, установленный Аллахом закон, которому подчинены все: мусульмане и не мусульмане, богатые и бедные, руководители и простые люди вне зависимости от социального положения и политических пристрастий.»*¹⁷⁰

Данное высказывание дает возможность заключить, что в дискурсе северокавказского политического ислама делается упор на подчиненность шариату как мусульман, так и не мусульман, и тем самым подчеркивается универсальность и несомненная истинность исламских правил для всего человечества. Значение знака «шариат» носит явно выраженный

¹⁶⁸ В боевую готовность! // Kavkazcenter.com/russ. 19 января 2010. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/01/19/70164.shtml

¹⁶⁹ Разоблачение ложных защитников Сунны // Kavkazcenter.com/russ. 1 января 2008. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2008/11/01/61916.shtml

¹⁷⁰ «Лозунг момента – действие...!» // Kavkazcenter.com/russ. 22 апреля 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/04/22/43933.shtml

экспансионистский характер, что делает его сходным со значением знака «джихад».

Анализируя соотношение положительных и негативных ценностей, необходимо отметить, что, являясь противоположностями друг друга, знаки, включенные в эти группы, имеют также как минимум пару двойных значений. Иными словами, каждый выделенный на первом этапе исследования знак является одновременно как знаком, так и элементом, имеющим как артикулированное в дискурсе значение, так и другое, не артикулированное, находящееся в дискурсивном поле. Противоречивость этих знаков весьма своеобразна. Отрицание негативной ценности переводит ее в разряд положительной категории и наоборот. Это делает границы между категориями весьма условными. Подобная ситуация касается большинства знаков, относящихся к положительным и отрицательным ценностям.

Так, например, несмотря на героизм самоубийства муджахидов, подчеркивается неприемлемость самой смерти:

*«И мы видим сегодня, что наша Умма любит этот мир и ненавидит смерть.»*¹⁷¹

Сила в дискурсе северокавказского политического ислама является не только необходимым качеством для ведения священной борьбы, но и представляет «могущественные политические силы» и противоположность морали:

*«История учит, что помимо демонстрации силы и наглости, нужно демонстрировать хоть какое-то подобие морали и права.»*¹⁷²

Следует особо отметить, что именно упоминание силы в позитивном ключе чаще всего это сопровождается ссылкой на Коран.

Таким образом, позитивным значением власти является «моральный авторитет», а негативным ее проявлением - «узурпированная власть».

Знак «насилие» идентифицируется единицей «убийство» и отнесен мной к негативным ценностям. Это связано ко всему прочему еще и с тем, что в дискурсе северокавказского политического ислама упоминаются убийства муджахидов и действия врагов.

Джихад, как уже было показано выше, не оправдывается убийствами. Однако, в некоторых случаях, «когда творения нуждаются в этом», убийства допускаются:

¹⁷¹ Обращение Амира ИК Докку Абу Усмана к мусульманам Кавказа и России: «Сражайтесь с врагами везде, где достанет ваша рука!» //Hunafa.com. 3 марта 2011. URL: www.hunafa.com/?p=4706

¹⁷² «Новый порядок» трещит по швам // Kavkazcenter.com/russ. 2 сентября 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/09/02/46825.shtml

«Ибн Теймия, да помилует его Аллах, сказал: «Это то, что Аллах разрешил убийство душ, когда творения нуждаются в этом, как Он, Всевышний сказал: «И Фитна больше, чем убийство.»»¹⁷³

Знаки «власть» и «авторитет» имеют в дискурсе северокавказского политического ислама в большинстве своем положительную «окраску», хотя они и относятся к сфере «политического». Тем не менее, сами термины «политика», «идеология» артикулируются в дискурсе северокавказского политического ислама исключительно негативно:

«Трусливые идеологи пораженчества, стремясь в своих объяснениях понятия «джихад» сгладить этот «острый угол», смешивают две вещи и оттого искажают картину.»¹⁷⁴

Наконец, в категории «образ другого» знак «неверие» включает в себя всю информацию о том, кого следует считать неверным и какие критерии установлены для определения правильности вынесения такого суждения. Фактически, знак «неверие» является знаком определения идентичности наравне с джихадом. Формируя группу «истинных мусульман», не подверженных «неверию», этот знак выстраивает оси восприятия остального мира. Этот же знак, «неверие», создает стереотипы поведения и мышления «своих» по отношению «к другим». Очень важная роль знака «неверие» состоит также в том, что он является условно «рамочным», то есть, объединяющим остальные знаки, относящиеся к группе «подверженных неверию». Это выражается в следующей формулировке:

«Если единогласно дозволено убивать пленённого мусульманина, которого кафиры используют в качестве живого щита, то тем более дозволено убивать развратного предателя и несправедливого арабского правителя, так как Америка и «Израиль» используют их как щит в борьбе против тех, кто желает освободить аль-Аксу и очистить страну от грязи захватчиков.»¹⁷⁵

Общеизвестно, что «образ врага» во всех политических культурах создается для отвлечения внимания от внутренних проблем и укрепления солидарности. В дискурсе северокавказского политического ислама этот эффект максимально усилен. Ту же цель преследует чрезвычайно высока самооценка адептов политического ислама: «мы истинные

¹⁷³ Опровержение заблуждения Хизб-ут-Тахрир в вопросах Джихада...

¹⁷⁴ Война, мир, Исламский Джихад, его ступени и естественная необходимость // Kavkazcenter.com/russ. 28 апреля 2011. URL: <http://kavkazcenter.com/russ/content/2011/04/28/81123.shtml>

¹⁷⁵ Абу Зубейр аль-Абаб: «Сущность правителей» // Kavkazcenter.com/russ. 25 октября 2011. URL: <http://kavkazcenter.com/russ/content/2011/10/25/86106.shtml>

мусульмане, живем по всем строгим правилам, поэтому мы сильнее и лучше».

На достижение тех же результатов работает и декларируемый фактор солидарности с международными локальными движениями радикального ислама, что выражается в наличии отдельного знака (подкатегории) в дискурсе северокавказского политического ислама: «международная солидарность».

Следует отметить, что сообщения выбранных мной разделов для реализации контент-анализа не в полной мере отражают содержание этого знака, так как большинство материалов, связанные с ним, представляют собой новостные сообщения, в которых приводится информация о победах и поражениях, дается оценка действиям международных организаций и международного сообщества.

В связи с этим мной дополнительно был проведен инвент-анализ чуть более 2000 новостных сообщений, содержание которых было разделено на следующие тематические группы:

- группа «атака», в которую входят сообщения, посвященные ходу боевых действий и результатам боевых операций;
- группа «оборона», к которой относятся сообщения, содержащие информацию о погибших моджахедах/мусульманах на поле боя, а также о мерах, ограничивающих права мусульман;
- группа «политика с позитивной коннотацией» включает заявления лидеров движений, содержащих призыв присоединиться к военным действиям, сообщения о жертвах среди «неверных», информацию о готовящихся операциях, сведения о «социальной политике» представителей исламских (?) движений в своем регионе;
- группа «политика в нейтральном смысле» содержит «отчеты о результатах джихада за такой-то месяц», сообщения о начале боевых действий, пресс-релизы и нейтральные заявления;
- группа «политика с негативной коннотацией» повествует о политике отдельных представителей мирового сообщества по отношению к этим движениям.

Результаты инвент-анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2. Ивент-анализ "образа другого" в новостных лентах ИА Ummanews.com и Kavkazcenter.com

	Всего сообщений	"атака"	"политика - положительно"	"оборона"	"политика - нейтрально"	"политика - негативно"
Афганистан	614	377	81	25	103	28
Йемен	470	248	106	48	41	27
Сомали	303	164	72	19	26	22
Пакистан	270	167	26	30	16	31
Сирия	150	28	22	60	10	30
Турция	109	0	0	0	0	0
Казахстан	102	21	17	23	5	36
Палестина	62	4	8	38	1	11
Таджикистан	57	1	20	19	5	12
Всего:	2137	1010	352	262	207	197

Поскольку все новости, посвященные Турции, относятся к турецкой внутренней политике, а также к ее позиции относительно нагорно-карабахской проблемы, то турецкие материалы не попали ни в одну из установленных мной тематических групп, затрагивающих «международную солидарность». Тем не менее, столько существенное количество сообщений о Турции не позволило совсем исключить ее из ивент-анализа.

Как можно видеть из Таблицы, максимальное количество материалов, относящихся к «международной солидарности», посвящено Афганистану, за ним следует Йемен, потом Сомали и, наконец, Пакистан. Эти страны образуют первую группу со своим особым распределением тематики сообщений.

Наибольшее количество материалов, посвященных «международной солидарности», представляют собой сообщения об успешно проведенных операциях с обязательным упоминанием количества жертв «среди

кяфиров», в то время как число сообщений о жертвах среди представителей этих движений минимально. Это дает возможность заключить, что новостные сообщения создают образ идеальных «бойцов джихада»; при этом движения, действующие в этих странах, считаются образцом для подражания, а участие в них представляется достаточно безопасным.

Остальные страны, Сирия, Турция, Казахстан, Палестина, Таджикистан образуют вторую группу, распределение тематика которой отличается от первой. Во второй группе количество сообщений в категории «оборона» больше, чем в категории «атака». В материалах про Сирию описываются «бесчинства режима Башира Асада», а в сообщениях про Палестину клеймятся «сионистские бесчинства». Сведения о странах Центральной Азии посвящены политике, проводимой местными правительствами в этих государствах. Эта политика, по мнению адептов политического ислама, ограничивает права мусульман, и состоит из насильственных мер в виде заключения под стражу или осуждения.

Подводя итог анализу тематики, проходящей под знаком «международная солидарность», можно сделать вывод о том, что ее содержание, выражает, с одной стороны, восхищение и одобрение действий тех движений политического ислама, которые уже достигли существенных результатов на поприще джихада, с другой стороны, сочувствие «угнетенным мусульманам», которым это еще предстоит встать на путь вооруженной борьбы.

Следует отметить, что знак «международная солидарность» представлен лишь самой общей информацией о происходящих событиях. Более тесная связь между адептами северокавказского политического ислама и их единоверцами в зарубежных странах, выражающаяся в виде интервью или свидетельств очевидцев, практически, отсутствует. В результате получается, что адепты северокавказского политического ислама демонстрируют уникальную форму солидарности, выражающуюся в ее существовании лишь в виртуальном пространстве.

В завершающей части интерпретационного анализа продемонстрируем графически описанную выше картину дискурса северокавказского политического ислама.

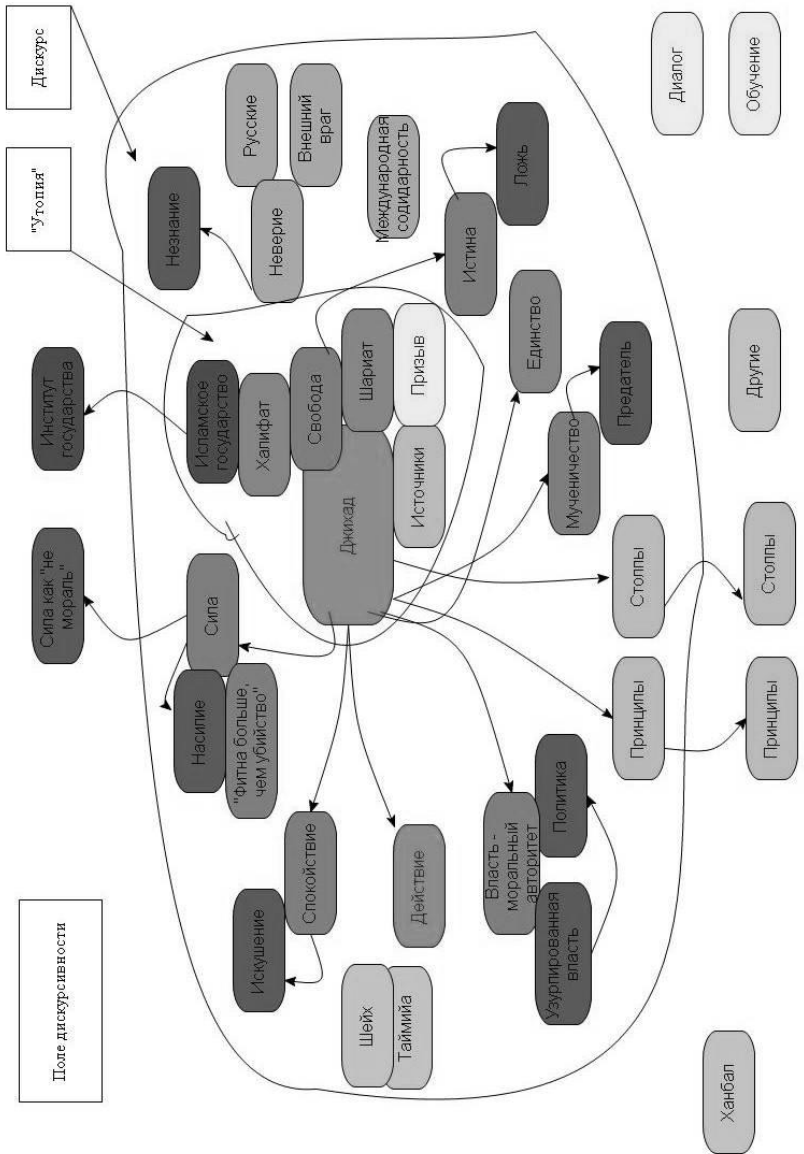

Рисунок 3. Дискурс политического ислама

Предварительными выводами интерпретационного анализа могут быть следующие положения:

- *Джихад является центральным знаком дискурса политического ислама. Этот же знак организует пространство смыслов остальных знаков дискурса, так или иначе воздействуя на артикуляцию их смыслов.*
- *Значение важнейших элементов исламского вероисповедания в дискурсе северокавказского политического ислама сведено к минимуму. В этом дискурсе важность столпов ислама отходит на второй план по сравнению с всеобъемлющим джихадом.*
- *Большинство знаков дискурса северокавказского политического ислама имеет как минимум два противоречивых, если не противоположных, значения. С одной стороны, это способствует укреплению структуры северокавказского политического дискурса, с другой, увеличивает поле дискурсивности.*
- *Положительный образ государства в дискурсе северокавказского политического ислама артикулируется исключительно в абстрактном понятии «исламское государство», в то время как негативное восприятие связано с конкретным институтом государства.*

Перечисленные выше положения фактически являются ответами на вопросы, поставленные в разделе методология. Убедительные, с моей точки зрения, ответы на эти вопросы свидетельствуют о том, что предложенная исследовательская стратегия адекватно реализована.

В рамках дальнейшего применения данной стратегии будут предложены другие вопросы, позволяющие обобщить информацию о знаках дискурса и об особенностях взаимосвязей этих знаков между собой. Это позволит воссоздать полную картину дискурса северокавказского политического ислама.

Глава V. Дискурс политического ислама

Данная глава построена в форме вопросов и ответов, которые помогут сделать необходимые выводы.

Как в общих чертах может быть охарактеризован дискурс северокавказского политического ислама в интернете?

В целом, этот дискурс имеет воинственную направленность, причем наступательная позиция в значительной степени доминирует над оборонительной. Восхищаясь достижениями своих иностранных «коллег», представители данного дискурса ориентированы на конкретные действия, под которыми понимается в первую очередь джихад и его составляющие: подготовка взрывов, диверсий, партизанская война. Тем не менее, цель, включающая в себя исламское государство, шариат и свободу, представляет собой утопию. Джихад, который является и инструментом, и методом, и целью действия, в результате превращается в «дурную бесконечность», которая, естественно, никогда не кончается.

В каком контексте существует дискурс северокавказского политического ислама?

В Oxford Handbook of Contextual Political Analysis (дать перевод на русский язык) выделено восемь факторов, определяющих контекст: философия, психология, идеи, культура, история, место, население, технологии.¹⁷⁶

Дадим описание контекста, в котором функционирует северокавказский политический ислам, используя некоторые факторы.

Возможно, наиболее значимым фактором для понимания в данном контексте северокавказского политического ислама является исторический. Несмотря на то, что в самом дискурсе северокавказского политического ислама апелляция непосредственно к истории отсутствует, тем не менее, именно история демонстрирует давнюю традицию сопротивления народов Северного Кавказа иностранному господству. В рамках данной работы не предусмотрено подробного описания истории борьбы северокавказских народов за свою свободу. Однако, стоит отметить как минимум два крупнейших события такого рода: это Кавказская война XIX века и война на Северо-Восточном Кавказе за независимость в 90-х годах XX века.

В изучаемом аспекте для нас важен не столько сам факт этих событий, сколько связанные с ним закрепившиеся стереотипы, характеризующие обстановку на Кавказе: «на Кавказе всегда война», «на Кавказе

¹⁷⁶ The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / Tilly Ch., Goodin R.E (editors). USA: Oxford University Press, 2006. 888p.

неспокойно». Следует отметить, что данный контекст активно воспроизводится именно российским центром. Действительно, некоторые районы Северо-Восточного Кавказа находятся на полувоенном (если не на военном) положении. Однако это не значит, что в дискурс федеральных новостей должны попадать исключительно сообщения о терактах или о военных действиях на Северном Кавказе. В российских же СМИ фактически отсутствует позитивный образ Кавказа во всех сферах деятельности (кроме, возможно, «отлакированного» Грозного, который воспринимается как грубая пропагандистская уловка). Естественно, это ведет к неприязненному отношению значительной массы российского населения к Северному Кавказу. Констатация данного факта не имеет целью поиск виновного в сложившемся положении вещей. Напротив обе стороны должны найти способ изменения ситуации.

Почему дискурс политического ислама занимает гегемонистское положение?

Даже поверхностный взгляд на северокавказское исламское интернет-пространство дает возможность говорить о дефиците в нем ресурсов «легального» ислама. Существуют, правда, многочисленные исламские форумы и сайты, на которых представлена информация о правильном исламском образе жизни, но в сфере обсуждения таких остроконъюнктурных и в то же время неоднозначных тем, как джихад, дискурс политического ислама занимает практически все медийное пространство. Отсутствие у северокавказского политического ислама конкурентов обуславливает его гегемонистское положение в этой сфере.

Как можно изменить сложившуюся ситуацию?

Поскольку, как уже отмечалось, в дискурсе артикулируется значение конкретных знаков, которые и составляют этот дискурс, а в поле дискурсивности находятся элементы (значения), которые могут быть артикулированы, но пока еще этого не произошло и соответствующий дискурс не появился, то (продолжая рассуждение в терминах теории дискурса), необходимо, чтобы появился актер, который бы артикулировал элементы поля дискурсивности, превращая их в моменты (знаки), создающие новый дискурс политического ислама. При этом, на начальном этапе даже не важно, каково было первоначальное значение элементов поля дискурсивности: положительное или отрицательно, адекватное или не совсем адекватное.

Например, если узловой точкой дискурса является джихад в его агрессивном смысле, то для «смягчения» дискурса нужно артикулировать иное значение джихада – так называемый «малый джихад», то есть, изменения самого себя и, конечно же, мирным путем.

В знаке «исламское государство» нужно сделать акцент на историческое прошлое стран Ближнего Востока и Северной Африки, в подав-

ляющем большинстве которых исламские государства носили мирный, спокойный, неагрессивный характер.

При ссылке на тех или иных радикальных религиозных авторитетов важно обращать внимание не только на их агрессивные суждения, но и на их биографии улемов, в которых можно найти периоды той или иной степени умеренности взглядов. Как уже отмечалось, необходимо придать больший вес таким знакам как «диалог», «обучение», «столпы» веры. Все это можно сделать, ссылаясь на основные источники исламского религиозного знания: Коран, Сунну, хадисы. За образец можно взять ссылку на эти же источники веры при легитимации джихада.

Иными словами, я не предлагаю заменять или ликвидировать какой-либо из уже существующих в дискурсе северокавказского политического ислама знаков. Необходимо лишь артикулировать такие их значения, которые дадут «зеркальный эффект»: все знаки радикально ислама остаются на месте, но значение их становится иным, иногда - прямо обратным. Для изменения взрывоопасной ситуации срочно требуется создание конкуренции дискурсов, о которой говорили Э.Лакло и Ш.Муфф. Однако, для того, чтобы эта конкуренция стала возможной, сначала необходимо появление конкурирующих дискурсов.

Кто может способствовать появлению конкурирующих дискурсов и в какой конкретно форме это может быть реализовано?

Я полагаю, что в первую очередь в этом должны быть заинтересованы исламские организации, так или иначе связанные с государством: Союз муфтиев России, Духовное управление мусульман. Они могли бы представлять дискурс официального ислама и тогда у политического ислама появился бы вполне конкретные конкуренты. Правда, дело осложняется тем, что ни Союз муфтиев России, ни Духовное управление мусульман на данный момент не имеют вообще никакого электронного ресурса.

Другими конкурентами северокавказского политического ислама могут стать информационно-аналитические агентства, транслирующие новости с совершенно иных позиций, чем, например, радикальная Ummatnews; культурно-просветительские сайты, на которых будет представлена информация по исламской литературе, живописи, искусству; базы материалов (опять же в противовес уже упоминаемым и анализируемым нами ранее), где будет собрана информация религиозно-политического содержания, а также исторические документы.

Следовало бы создать суфийские сайты, посвященные догматическим особенностям этого религиозного направления в исламе. Следует отметить, что существующий «суфийский» сайт С. Чиркеевского, главного дагестанского шейха, обладает огромным неформальной властью в регионе. По разным экспертным оценкам, к числу мэридов С. Чиркеевско-

го принадлежит большинство представителей дагестанской правящей элиты. Однако данный сайт является единственным и, скорее, напоминает «музейный образец», нежели эффективно функционирующий инструмент, способный конкурировать с медийными носителями дискурса политического ислама.

Отдельно стоит сказать про появление сугубо научных ресурсов, посвященных проблемам политического ислама – это

Еще одним возможным транслятором конкурентоспособного исламского дискурса может стать научный ресурс, представляющий как рационалистический ислам, так и другие умеренные его направления.

На кого ориентирован дискурс политического ислама?

Вряд ли я «открою Америку», если стану утверждать, что применение интернет-технологий в первую очередь ориентировано на молодежь. Именно эта аудитория Северного Кавказа легко подвергается воздействию радикальных идей и, более того, готова к активным действиям. В результате именно северокавказская молодежь является основным представителем дискурса политического ислама. Для противодействия этому явлению необходимо создание такой дискуссионной площадки в интернете, на которой свободно могли бы обсуждаться самые болезненные вопросы, связанные с политическим исламом и прямо затрагивающие молодежную среду. Естественно, это требует огромных усилий, прежде всего, со стороны оппонентов политического ислама. Им будет очень трудно уговорить исламских радикалов сесть за один с ними стол переговоров. Ведь изначально ни одна из сторон принципиально не принимает позицию другой.

Однако создание хотя бы одного небольшого форума, где оппоненты все-таки смогут принять участие в плодотворной дискуссии, избегая бессмысленных и бесплодных взаимных обвинений и оскорблений, может стать огромным шагом к налаживанию диалога и достижению компромисса. Появление все увеличивающегося числа подобных дискуссионных площадок в интернете, возможно, повлечет за собой и создание «круглых столов» и конференций в непосредственном живом общении.

Как можно изменить ситуацию в отношении ссылок радикальных исламистов на религиозные авторитеты?

В связи с тем, что традиция ссылок на авторитеты чрезвычайно сильна в исламе, необходимо привлекать к участию в диалоге уважаемых религиозных деятелей самых разнообразных направлений: от суперрадикальных до максимально умеренных.

Более того, принципиальным отличием «нового дискурса» общения религиозных авторитетов должен стать межрелигиозный диалог. Это вполне возможно в связи с тем, что Коран признает все аврамические религии: как иудаизм, так и христианство. Историческая практика содержит

примеры плодотворного сотрудничества как мусульман с христианами, так и мусульман с иудеями. В настоящее время особенно проблемными являются взаимоотношения мусульман с иудеями, поскольку они обостряются неразрешенностью арабо-израильского конфликта. Однако это не значит, что эту тему нужно обходить стороной и проблема разрешения взаимоотношений мусульман и иудаистов безнадежна. Во время межрелигиозных контактов желательно избегать взаимных пейоративных оценок, полностью ориентировавшись на поиске выходов из сложившейся чрезвычайно сложной ситуации.

Следует отметить, что при увеличении числа дискурсов, уменьшается поле дискурсивности, так как каждый дискурс артикулирует элементы из поля дискурсивности в знаки. В результате получается, что для нормального функционирования пространства ислама, в том числе и политического, крайне важно наличие множества дискурсов. Только в случае большого числа дискурсов будет прояснено на сравнительном уровне и достигнуто лучшее понимание дискурса политического ислама. Сам же дискурс политического ислама не только получит уточняющие характеристики, но и перестанет быть гегемонистским, занимая лишь ту долю интернет-пространства, которая соответствует его влиянию в обществе.

Заключение

В данной работе проведен комплексный анализ понятия политический ислам, представлена концептуальная схема смыслового поля политического ислама, а также его идейная структура. На данной теоретической базе было проанализировано интернет-пространство Северо-Восточного Кавказа с целью обнаружения и характеристики дискурса политического ислама в этом регионе. Проблеме исламского интернета, несмотря на ее актуальность, отведено незначительное место в отечественной науке. Данное исследование представляет собой одну из первых таких попыток анализа дискурса северокавказского политического ислама в интернете.

Было операционализировано одно из ключевых для данного исследования понятий – религиозно-политическое интернет-пространство. Для решения поставленных задач мною была применена самая современная методология: постструктуралистский дискурс-аналитический подход на основе качественного и количественного контент- и ивент-анализов. Более конкретно, моя работа опиралась на теорию дискурса Э.Лакло и Ш.Муфф, основные положения которой описаны в работе этих двух авторов «Гегемония и социалистическая стратегия». Однако, в научной литературе отсутствуют примеры эмпирических исследований, основанных на данной методике.

Я полагаю, что именно методика контент-анализа является наиболее адекватной для решения стоящей передо мной проблемы.

Среди отобранных для анализа текстов мною были выявлены знаки, составляющие дискурс, и элементы, образующие поле дискурсивности. С помощью качественного контент-анализа и ивент-анализа (для знака «международная солидарность») было установлено артикулированное значение этих знаков в дискурсе, а также значение элементов в поле дискурсивности. Реализация этой процедуры дала возможность структурировать дискурс, что было показано на схемах: рисунок 2 и рисунок 3. Это позволило определить взаимосвязь знаков внутри дискурса, а также отношения этих знаков с элементами в поле дискурсивности.

Для обобщения полученных результатов мною была осуществлена исследовательская стратегия составления «опросника» для изучения дискурса. Идея подобного применения теории дискурса Э.Лакло и Ш.Муфф была предложена А.Андерсеном. Мною же список вопросов был расширен и адаптирован к проблеме исследования. Результаты, полученные в этой части исследования, имеют также, как нам представляется, важное прикладное значение. В работе была предложена методика снижения напряженности на Северо-Восточном Кавказе, возникающей в связи с

ростом влияния политического ислама. Эта методика заключается в изменении дискурса политического ислама путем ликвидации его гегемонистского положения.

Полученные в ходе исследования выводы относительно структуры дискурса северокавказского политического ислама в интернете и связи этого дискурса с социальной практикой будут способствовать последующей выработке практических рекомендаций по снижению напряженности на Северо-Восточном Кавказе, возникшей в связи с резкой активизацией политического ислама.

Узловой точкой дискурса северокавказского политического ислама в интернете является знак «джихад», который, собственно, и организует все пространство этого дискурса. Определяя значения остальных знаков в рамках этого дискурса, мы не можем идентифицировать их без помощи знака «джихад». Ссылки на религиозные тексты и опора на авторитеты также связывают остальные знаки дискурса. Все это дает возможность говорить о воинственном и религиозно-легитимизированном характере дискурса северокавказского политического ислама в интернете. Анализ этого дискурса дает возможность утверждать, что основным направлением в деятельности исламистов Северо-Восточного Кавказа являются насильственные действия. Не ориентированные на диалог и достижение компромисса, исламисты фактически ведут «священную войну».

В ходе моего исследования было установлено, что большинство знаков имеют как минимум два значения: артикулированное в дискурсе и отнесенное к полю дискурсивности. Несмотря на то, что данный факт не был принят в качестве предпосылки на начальном этапе исследования, тем не менее, его обнаружение позволило лучше понять механизм воспроизводства дискурса. Знак «государство», вынесенный изначально в отдельную категорию, лучше всего подтверждает данный тезис. Артикулированное в дискурсе значение государства представляет собой исключительно «исламское государство», в то время как значение элемента в поле дискурсивности является «институтом государства». Иными словами, для северокавказского политического ислама в интернете важен не механизм построения и деятельность исламского государства как института управления, а сама идея идеального исламского государства, важна не конкретная «программа действий» по созданию органа управления, а лишь стремление к утопическому идеалу.

В связи с этим понятие «цель» не является связующим звеном большинства знаков дискурса северокавказского политического ислама. Как уже отмечалось, эти знаки связаны между собой значением джихада, который имеет свою собственную цель: «установление шариатского государства и предоставление свободы». Однако фактически в дискурсе северокавказского политического ислама не предлагается каких-либо меха-

низмов для достижения этой цели, в связи с чем джихад, будучи и инструментом и методом борьбы, превращается в самоцель и ведется ради самой борьбы.

Знаки джихада, исламского государства, шариата и свободы являются элементами утопии, существующей в рамках дискурса северокавказского политического ислама. В этом дискурсе существуют поставленные задачи, есть обозначенная цель, но связующее звено в виде адекватного метода, кроме джихада, отсутствует. Представители радикального ислама на Северном Кавказе являются «салафитами-возрожденцами» (по терминологии З.И. Левина) и опираются на идеи очищения ислама от множества нововведений. В связи с этим они не ориентированы на адаптацию ислама к современным условиям. Салафиты не готовы использовать в своей практике методы легальной борьбы. В связи с этим салафиты остаются радикальным меньшинством в своем обществе, имея минимальное количество сторонников. По словам А. Хлопонина «на Северном Кавказе осталось около тысячи участников вооруженного подполья»¹⁷⁷. Тем не менее, А. Хлопонин признал постоянство исламистской вооруженной оппозиции, заявив, что цифра оппозиционеров-подпольщиков не меняется уже много лет.

Впрочем, информация о численности исламистской оппозиции достаточно противоречива: с одной стороны, сообщается об увеличении числа уничтоженных боевиков более, чем на четверть¹⁷⁸, с другой стороны, говорится о росте числа преступлений террористической направленности на 24 процента¹⁷⁹. По мнению и.о. командующего войсками Северо-Кавказского командования внутренних войск (ВВ) МВД России С. Корнюшкина, «ряды боевиков «молодеют» и теперь средний возраст участника бандформирования составляет 20 лет»¹⁸⁰. Необходимо понимать, что хотя численность радикалов-боевиков составляет меньшинство, это

¹⁷⁷ Хлопонин признал, что число участников подполья не меняется много лет: на Кавказе тысяча боевиков // *Gazeta.ru* 30.09.2011 URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/09/30/n_2031946.shtml

¹⁷⁸ На Северном Кавказе сократилось число посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов и количество подрывов // РИА-Дагестан. 17 января 2012 URL: <http://www.riadagestan.ru/news/2012/1/17/131268/>

¹⁷⁹ *Брежницкая Е.* Чайка: На Северном Кавказе растет число террористических преступлений // *Российская газета – Северо-Кавказский Федеральный округ*. 28.02.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/28/reg-skfo/chaika-anons.html>

¹⁸⁰ МВД: Средний возраст боевиков на Северном Кавказе снизился // *KBR-inform.ru*. 15.02.2011. URL: <http://kbr-inform.ru/news-5872.html>

меньшинство способно мобилизовать молодежь для осуществления насильственных форм выражения протеста. Сегодня молодые люди на Северном Кавказе недовольны социально-экономическими условиями: невозможностью найти работу, низким уровнем жизни, коррупцией властей самого различного уровня. Свой протест радикалы, и прежде всего, молодежь, облекает в форму религиозно-политической борьбы. Эта борьба ведется не за что-то, а против негативных, с точки зрения радикального ислама, явлений общественной жизни. В связи с этим в обществе наблюдается высокий уровень напряженности, а выхода из сложившейся «тупиковой» ситуации не видно.

В знаке «международная солидарность» можно определить два явно не совпадающих значения: восхищение успехами исламских движений в одной группе исламских государств и сочувствие к «угнетенным» мусульманам в другой группе.

К первой группе были отнесены локальные движения радикального ислама, действующие на территории Афганистана, Йемена, Сомали и Пакистана; ко второй – мусульмане Сирии, Палестины и трех стран Центральной Азии: Казахстан, Узбекистан и Таджикистан.

Действительно, в дискурсе северокавказского политического ислама присутствует знак международной солидарности, но он не оказывает значительного воздействия на социальную практику. В этом дискурсе отсутствует панисламистская риторика, требующая создание единого мусульманского государства, что позволяет говорить об ориентированности представителей радикального ислама Северного Кавказа на решение собственных локальных проблем.

В дискурсе северокавказского политического ислама минимизировано количество знаков, относящихся к исламскому вероисповеданию. Такие основные для каждого мусульманина обязанности, как пост, хадж, намаз, рамадан и закят отнесены по важности на второй план, в то время как джихаду приписывается главная функция исполнения индивидуального долга. Таким образом, в дискурсе северокавказского политического ислама налицо, во-первых, попытка осуществить политическое действие, во-вторых, религиозно-политическая риторика.

Под попыткой осуществить политическое действие я понимаю здесь то, что активность представителей радикального ислама носит политический характер лишь частично. Реальное значение политического действия включает в себя такие компоненты, как «поведение людей, стремящихся занять положение или приобрести влияние в государствен-

ном управлении; (а также стремящихся – С.Р.) к выработке и проведению в жизнь государственной политики»¹⁸¹.

Как уже говорилось ранее, радикальный ислам не предлагает инструментов (кроме джихада) для достижения своих целей в с реально сложившейся политической ситуации. Однако передвижение дискурса политического ислама на более умеренные позиции может стать основанием для включения этого нового дискурса в легальное политическое поле.

Как этого можно достичь?

Переводу дискурса радикального политического ислама на более умеренные позиции, может способствовать, во-первых, выработка комплексной продуманной стратегии социально-экономического развития Северо-Восточного Кавказа, нацеленная в первую очередь на создание новых рабочих мест, интеграцию молодежи в экономику республик, во-вторых, создание новой коммуникационно-информационной среды. Появление в коммуникационной среде умеренного исламского дискурса, конкурирующего с дискурсом радикального политического ислама позволит не только ликвидировать гегемонистское положение последнего, но и построить новый «зеркальный» дискурс, преобразованный из радикального политического. Для этой преобразовательной процедуры могут быть использованы те же знаки, что имелись в дискурсе радикального политического ислама, но иначе артикулированные и потому получившие иные значения. В результате появления нового значения старых знаков возникает новый дискурс. Хотя этот дискурс и останется дискурсом политического ислама, но он будет носить совершенно иной характер. Появление множества конкурирующих дискурсов, которые будут сталкиваться в соревновательной борьбе, приведет к более глубокому и комплексному пониманию концепта политического ислама, а также минимизирует долю его дискурса в общем объеме коммуникационной среды всех исламских направлений. Создание дискурсов легального политического ислама, культурно-просветительского, суфийского и т.д. позволит также сократить поле дискурсивности неартикулированных значений, что приведет к более детальному рассмотрению различных частных проблем ислама (не только политического). Это не только минимизирует, как уже отмечалось, значение дискурса радикального политического ислама, но и значительно его видоизменяет.

Такие связанные с государством религиозные структуры, как Духовное управление мусульман Дагестана и Совет муфтиев России, у которых на сегодняшний день вообще нет никакого электронного ресурса,

¹⁸¹ 26 основных понятий политического анализа.// Полис. 1993. № 1. С.77-91.

должны, с одной стороны, освоить современные информационные технологии и начать активно действовать в интернет-пространстве, с другой стороны, оказывать решительное противодействие радикальному исламу в повседневной жизни, в прямом общении «с глазу на глаз».

Использование интернета в качестве дискуссионной площадки для обсуждения самых болезненных тем, связанных с проблемами политического ислама, должно проводиться на уровне реализации программ противодействия экстремизму, принимаемых в больших количествах в республиках Северного Кавказа. Несмотря на то, что эта мера носит скорее формальный характер, тем не менее, внедрение конкурирующих и противостоящих радикальному политическому исламу дискурсов в официальный управленческий дискурс позволит ликвидировать монопольное положение политического ислама в интернете.

Очень важной задачей для противодействия радикальному политическому исламу должно стать изменение не только самого дискурса политического ислама, но и характера его восприятия. Современные СМИ в России оказывают большое воздействие на создание образа российского Северного Кавказа.

Демонстрируя сюжеты исключительно о вооруженных столкновениях боевиков с правоохранительными органами, СМИ формируют исключительно негативный образ Северного Кавказа, который закрепляется на уровне социальных стереотипов. Это не значит, что следует закрывать глаза на многочисленные преступления, совершающиеся в северокавказском регионе, однако именно здесь особо необходима выработка наиболее грамотной медийной политики. В идеале следует стремиться к тому, чтобы подготовить обе стороны к взаимным уступкам. Только тогда может быть реализована более умеренная программа действий политического ислама. При этом следует отметить, что движение должно быть двухсторонним. На уступки должны пойти не только представители радикального политического ислама. Принять измененные условия игры обязано было и официальное «исламское духовенство», и простые мусульмане, и представителей других конфессий, то есть, все тех, кто не входил в дискурс политического ислама.

Список использованной литературы и источников

Источники по дискурсу политического ислама в целом

1. Hasan al-Banna Between Yesterday and Today [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/byat/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).
2. Hasan al-Banna Jihad [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/jihad/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).
3. Hasan al-Banna Our Message [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/our_message/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).
4. Hasan al-Banna Peace in Islam [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/peace_in_islam/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).
5. Hasan al-Banna The Message of the Teachings [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/tmott/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).
6. Hasan al-Banna To What Do We Invite Humanity [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/to_what_do_we_invite_humanity/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).
7. Hasan al-Banna Towards the Light [Electronic resource]. URL: http://web.youngmuslims.ca/online_library/books/towards_the_light/index.htm (date of appeal: 22.05.2011).
8. Sayed Abul A'la Maududi Jihad in Islam [Electronic resource]. URL: http://www.muhammadanism.org/Terrorism/jihah_in_islam/jihad_in_islam.pdf (date of appeal: 22.05.2011).
9. Sayyid Qutb Milestones [Electronic resource]. URL: <http://www.missionislam.com/knowledge/books/MILESTONES.pdf> (date of appeal: 22.05.2011).
10. Ибн Таймийа Аль-Акида аль-Васитыйа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.an-nasr.ru/library/book-836.pdf>
11. Мухаммад Садик Кушаки размышления на тему политической мысли Имама Хомейни. М.: Научная книга. 2009. 72с.
12. Раздел Islamic Unity сайта Islamtimes.org [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamtimes.org/vsnauuhn.9gc4i1gtk4.html> (дата обращения: 22.05.2011)

13. Саид Абуль а'ла Маудуди К пониманию ислама [Электронный ресурс] URL: <http://zhurnal.lib.ru/y/yagshymuhammet/oislamehtm.shtml> (дата обращения 22.05.2011).
14. Саид Абуль а'ла Маудуди Политическая теория ислама [Глава из книги Modernist and Fundamentalist Debates in Islam: A Reader, ed. Moaddel, Mansoor and Kamran Talattof. Palgrave Macmillan, 2000. © Mansoor Moaddel and Kamran Talattof, 2000. Пер. с англ. Б. Скуратова] // Отечественные записки. 2003. №5. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=14&article=679> (дата обращения: 22.05.2011).
15. Сейид Кутб Будущее принадлежит исламу. М. 1993. 104с.

Источники по дискурсу политического ислама на Северо-Восточном Кавказе

16. «Быть мусульманами до конца...» [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 1 июля 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/07/01/45635.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
17. «Все, что не соответствует Шариату нелегитимно» [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 9 января 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/01/09/40872.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
18. «Дело Ислама и нашей свободы в надежных руках» [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com. 30 июля 2007. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/07/30/52105.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
19. «Лозунг момента – действие...!» [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 22 апреля 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/04/22/43933.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
20. «На Кавказе идет серьезная партизанская война, и никаких побед не наблюдается» [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 3 октября 2009. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/10/03/68365.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
21. «Новый порядок» трещит по швам [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 2 сентября 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/09/02/46825.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
22. Абдул-Кадир Авда: Ислам. Между невежеством народа и дефицитом ученых [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 29 февраля

2012. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2012/02/29/89145.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
23. Абу Зубейр аль-Абаб: «Сущность правителей» [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 25 октября 2011. URL: <http://kavkazcenter.com/russ/content/2011/10/25/86106.shtml> (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
24. Амир Супьян: «Прежде чем провозгласить Имарат Кавказ, были произнесены более важные слова...» [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 7 февраля 2009 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/02/07/63864.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
25. Амир Умар: Расходование на пути Аллаха [Электронный ресурс] // Imamtv.com. URL: www.imamtv.com/play313.htm (дата обращения: 30.04.2012).
26. В боевую готовность! [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 19 января 2010. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/01/19/70164.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
27. В наши дни джихад фарз для каждого мужчины? [Электронный ресурс] // Fatwaonline.net. URL: www.fatwaonline.net/?view=question&id=20214 (дата обращения: 30.04.2012).
28. Война, мир, Исламский Джихад, его ступени и естественная необходимость [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 28 апреля 2011. URL: <http://kavkazcenter.com/russ/content/2011/04/28/81123.shtml> (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
29. Дагестан школы – кузницы куфра [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com. 28 июня 2006. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/06/28/45580.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
30. Джихад и Шариатская политика [Электронный ресурс] // Guraba.info. 20 октября 2009. URL: www.guraba.info/2011-02-27-17-49-46/28-facty/685----.html (дата обращения: 30.04.2012).
31. Джихад это просто убийство не мусульман? [Электронный ресурс] // Fatwaonline.net URL: www.fatwaonline.net/?view=question&id=21961 (дата обращения: 30.04.2012).
32. Достоинства джихада и муджахидов [Электронный ресурс] // Shamilonline.com. 11 декабря 2011. URL: <http://www.shamilonline.org/ru/2009-08-18-08-17-14/5-2009-08-18-08-13-33/5462-2011-05-02-18-43-20.html> (дата обращения: 30.04.2012).

33. Если они тебя спросят: «Что такое джихад?!», то ты скажи им... [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 3 августа 2007 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/08/03/52169.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
34. Ибн Таймийа Аль-Акида аль-Васитыйа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.an-nasr.ru/library/book-836.pdf>
35. Информационный Джихад в современном мире [Электронный ресурс] // Guraba.info. 8 августа 2008. URL: <http://guraba.info/2011-02-27-17-49-46/28-facty/113-----.html> (дата обращения: 30.04.2012).
36. Ислам, закон и государство [Электронный ресурс] // Guraba.info. 15 января 2010. URL: www.guraba.info/2011-02-27-17-59.../759-2011-05-28-11-21-51.html (дата обращения: 30.04.2012).
37. История Джихада на Кавказе в вопросах и ответах [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/10/31/48011.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
38. Методология достижения победы [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 12 марта 2010 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/03/12/71164.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
39. Муса Мукожев: «Выйдя на Джихад, мы обрели настоящую свободу» [Электронный ресурс] //Guraba.info. 27 февраля 2011. URL: <http://www.guraba.biz/2011-02-27-17-48-45/21-islam/443--l-r.html> (дата обращения: 30.04.2012).
40. О «пользе и вреде», договорах и исламских государствах [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 28 октября 2009. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/10/29/68808.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
41. Обращение Амира ИК Докку Абу Усмана к мусульманам Кавказа и России: «Сражайтесь с врагами везде, где достанет ваша рука!» [Электронный ресурс] //Hunafa.com. 3марта 2011. URL: www.hunafa.com/?p=4706 (дата обращения: 30.04.2012).
42. Опровержение заблуждения Хизб-ут-Тахрир в вопросах Джихада [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 11июля 2007. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/07/11/51825.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
43. Опровержение заблуждения Хизб-ут-Тахрир в вопросах Джихада...
44. Памятка молодому моджахеду [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 1 января 2010. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/01/01/69898.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ

45. Проповедь для мусульман Имарата Кавказ: Обязательность закята [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 25 апреля 2010. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2010/04/25/71995.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
46. Разоблачение ложных защитников Сунны [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 1 января 2008. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2008/11/01/61916.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
47. Шейх аль-Баррак: «Джихад на пути Аллаха – это вершина Ислама» [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 26 января 2011. URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2011/01/26/78556.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ
48. Шейх Анвар Авлаки: 44 способа поддержать Джихад [Электронный ресурс] // Kavkazcenter.com/russ. 15 февраля 2009 URL: www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/02/15/64000.shtml (дата обращения: 30.04.2012). Доступ через u.to/BNdrAQ

Другие источники

49. Charter of the Organisation of the Islamic Conference [Electronic resource]. URL: <http://www.oic-oci.org/is11/english/Charter-en.pdf> (date of appeal: 22.05.2012).

Справочная литература

50. Esposito J.L., ed. Oxford Dictionary of Islam [Электронный ресурс] USA: Oxford University Press Inc., 2004. 384p. Доступ через Oxford References Online URL: <http://www.oxfordreference.com/>
51. Oxford Dictionary of World Religions [Электронный ресурс] / General Editor: John Bowker. Second edition. USA: Oxford University Press Inc., 2000. 1136p. Доступ через Oxford References Online URL: <http://www.oxfordreference.com/>
52. The Islamic Glossary: An Explanation of Names, Terms and Symbols [Электронный ресурс] // Al-Islam.org. URL: <http://www.al-islam.org/about/resources/glossary.html>
53. The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis [Электронный ресурс] / Tilly Ch., Goodin R.E (editors). USA: Oxford University Press, 2006. 888p. Доступ из Oxford Handbooks Online.
54. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь М.: Издатель Валерий Костин, 2007. – 944с.

55. Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. (отв. секретарь) Ислам. Энциклопедический словарь М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 315с.
56. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. — / Гл. ред.: А. М. Прохоров — М.: Большая Российская энциклопедия, 2001, — Кн. 1: А-Н., Кн. 2: Н-Я. — 2015с.

Монографии

57. An-Na`im, Abdullahi Ahmed Islam and the Secular State : Negotiating the Future of Shari`a. Cambridge, MA, USA: Harvard University Press. 337p.
58. Arthur C. Religion and the Media: An Introductory Reader / Chris Arthur. Cardiff: University of Wales Press, 1993. 302p.
59. Bunt G. Virtually Islamic Computer-mediated Communication and Cyber Islamic Environments / Gary Bunt. Cardiff: University of Wales Press, 2000
60. Cobb J. Cybergrace The Search for God in the Digital World / Jennifer Cobb. New York: Crown Publishers, Inc., 1998. 258p.
61. Gee, James P. Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method London, GBR: Routledge. 08/1999. 185 p. Доступ из Ebrary.
62. Karafolga A. E-Religion: A Critical Appraisal of Religious Discourse on the World Wide Web / Anastasia Karafolga. UK: Equinox Publishing, 2007. 277p.
63. Keddie Nikki R. An Islamic Response to Imperialism. Berkeley: University of California Press. 1968.
64. Keddi Nikki R. Sayyid Yamal ad-Din al Afghani. Berkley: University of California Press. 1972.
65. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics / Ernesto Laclau, Chantal Mouffe. London, New York: Verso. Second Edition, 2001. 240p.
66. Lohlker R. Islam im Internet: Neue Formen der Religion im Cyberspace / Rudiger Lohlker. Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 2001. 236s. URL: http://univie.academia.edu/R%C3%BCdigerLohlker/Papers/239583/Islam_Im_Internet_Neue_Formen_der_Religion_Im_Cyberspace (дата обращения 30.04.2012).
67. Newman J. Religion and Technology: A Study in the Philosophy of Culture / Jay Newman. Praeger Westport, Connecticut, 1997. URL: <http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=27573645> (дата обращения: 30.04.2012)
68. Noble D.F. The Religion of Technology: The Divinity of Man and the Spirit of Invention / David F. Noble. New York: Alfred Knopf, 1997. 273p.

69. Religion on the Internet: Research Prospects and Promises Vol. 8 in the Religion and the Social Order series (David Bromley, Series Ed.) / Hadden J.K., Cowan D.E. (eds.). Amsterdam: JAI/Elsevier Science, 2000. 376p.
70. Simons G. Mass Media and Modern Warfare: Reporting on the Russian War on Terrorism / Greg Simons. Farnham, Surrey, GBR: Ashgate Publishing Group, 2010. 216 p. Доступ из Ebrary.
71. Torfing J. New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Žižek / Jacob Torfing. Oxford: Blackwell, 1999, 352p.
72. Zaleski J.P. The Soul of Cyberspace: How New Technology is Changing our Spiritual Lives / Jeffrey P. Zaleski. San Francisco: HarperEdge, 1997. 284p. Доступ из Archive.org.
73. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / Игнатий Добаев. Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. С. 106. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.kavkazoved.info/images/myfls/files/uro07.pdf> (дата обращения 30.04.2012)
74. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 - 1973) / А.М. Васильев. М.: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука», 1982.
75. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения. 2003. 568с.
76. Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане / Энвер Кисриев. М.: Логос, 2007. 126с. (Серия Ислам в России / Под ред. проф. А.В. Малашенко). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.ino-center.ru/news/doc/islam-in-dagestan.pdf> (дата обращения: 30.04.2012).
77. Игнатенко А.А. Ислам и политика / Александр Игнатенко. М., 2004. 256с. URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-2453.html> (дата обращения: 30.04.2012).
78. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro2.php
79. Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма / Жиль Кепель; пер. с фр. В.Ф.Денисова. М.: Ладомир, 2004. 468с.
80. Кирабаев Н. С. Политическая мысль мусульманского средневековья. М.: изд-во РУДН. 2005. 255с.
81. Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: б/и. 2005. 266с. URL: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-library/index-2109.html> (дата обращения: 30.04.2012).
82. Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования / З.И. Левин; Ин-т Востоковедения

- Рос. акад. Наук, ин-т изучения Ближ. Востока. – М.: Ин-т Востоковедения РАН: Крафт+, 2005. 240с.
83. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России / Алексей Малашенко. М., 1998. 222с.
 84. Массэ А. Ислам: Очерк истории [пер. с фр. Кобриной Н. Б., Луцкой Н. С.]. М.: Крафт+. 2007. 200с.
 85. Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты / Георгий Мирский. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2008. 163с.
 86. Сибгатуллин А. Исламский интернет / А. Сибгатуллин. Н.Новгород: Изд. дом «Медина», 2010. 128с.
 87. Сикоев Р.Р. Панисламизм: истоки и современность. Джамаллудин Афгани и его религиозно-политические последователи XX – началаXXI века. М.: Аспект Пресс. 2010. 287с.
 88. Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX—XX вв. М.: Наука, 1974. 190с.
 89. Сюкийнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Глав. ред. вост. лит. «Наука», 1986.
 90. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 23 – 25.
 91. Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения / Р.Я. Эмануилов, А.Э. Яшлавский. М.: Наука, 2010. 300с.

Статьи в сборниках, на электронных ресурсах, периодическая литература

92. Alsaleh A., Alanezi F. Kuwait Terrorist Attacks: A Content Analysis Study / Amer Alsaleh, Fawaz Alanezi // Journal of Social Affairs p.67 – 81. Доступ из EBSCO.
93. Anderson J.W. The Internet and Islam’s new Interpreters / J.W. Anderson // New Media in the Muslim World: The Emerging Public Sphere, Bloomington: Indiana University Press, 1999. Pp. 1 – 19.
94. Ayatollah Jawadi Amoli Elements of Unity [Electronic resource]. URL: <http://www.islamtimes.org/vdci.3azct1a3qli2t.html> (date of appeal: 22.05.2011).
95. Haldun Gulalp Globalizing postmodernism: Islamist and Western social theory // Economy and Society. Vol. 26. No. 3 (August 1997). pp. 419-433. Доступ из Jstor.org.

96. Barak Barfi Yemen on the Brink? The Resurgence of al Qaeda in Yemen // Counterterrorism Strategy Initiative Policy Paper. January 2010. URL: <http://www.newamerica.net/sites/newamerica.net/files/policydocs/Barfi.pdf> (date of appeal: 22.05.2012).
97. Bedell K. Religion and the Internet: Reflections on Research Strategies / Ken Bedell. Annual meeting of the Religious Research Association Montreal, Quebec, 1998. URL: <http://www.religion-research.org/rrapaper.html> (дата обращения: 30.04.2012).
98. Bloomeart J., Bulcaen Ch. Critical Discourse Analysis / Jan Bloomeart, Chris Bulcaen // Annual Review of Anthropology, Vol. 29 (2000), pp. 447-466. Доступ из Jstor.org.
99. Calvert J. The Mythic Foundations of Radical Islam / John Calvert // Orbis. 2004. – Т.48. – No. 1. – pp. 29 – 41. Доступ из EBSCO.
100. Edwards D.B. Print Islam: Media and Religious Revolution in Afghanistan / David B. Edwards // Anthropological Quarterly, Vol. 68, No. 3, Anthropological Analysis and Islamic Texts (Jul., 1995), pp. 171-184. Доступ из EBSCO.
101. Eiffler S. Jihadist Propaganda on the Internet: Impact and Challenges for the Security Community / Sven Eiffler // Terrorism and Internet, 2010. P. 71 – 79. Доступ из Ebrary.
102. Fairclough N. Critical discourse analysis as a method in social scientific research / Norman Fairclough // Wodak, Ruth Meyer, Michael Methods of Critical Discourse Analysis. London, GBR. SAGE Publications Inc. (US). 03/2002. P. 121 – 138. Доступ из Jstor.org.
103. Fairclough N. Semiosis, ideology and mediation. Semiotic view / Norman Fairclough // Lassen, Inger Strunck, Jeanne Vestergaard, Torben Mediating Ideology in Text and Image : Ten Critical Studies. Philadelphia, PA, USA. John Benjamins Publishing Company. 03/2006. P. 19 – 37. Доступ из Jstor.org.
104. Ibrahim D. The framing of Islam on Network News Following the September 11th Attacks / Dina Ibrahim // International Communication Gazette 2010 72: 111. Доступ из EBSCO.
105. Kong L. Religion and Technology: Refiguring Place, Space, Identity and Community / Lily Kong // Area. Dec.2001. Vol. 33. Issue 4. Pp. 404 – 413. Доступ из EBSCO.
106. Prentice Sh. and others Analyzing the semantic content and persuasive composition of extremist media: A case study of texts produced during the Gaza conflict // Information Systems Frontiers. 2011.N.13 p. 61–73. Доступ из EBSCO.
107. Rehman G.S. and others Content Analysis of Islamic Studies Textbooks on Religious Tolerance in Pakistan / Ghazi Rehman, Ali Riasat, Muhammad Saeed Khan, Muhammad Ramzan Shahzada, Ismail Khan // Interdis-

- ciplinary Journal of Contemporary Research in Business. February 2011. Vol 2. N. 10. P. 491 – 497. Доступ из EBSCO.
108. Scholz J., Seldge T., Stille M., Zimmerman J. Listening communities? Some Remarks on the Construction of Religious authority in Islamic Podcasts // *Die Welt Des Islams*. № 48. 2008, p. 457 – 509. Доступ из EBSCO.
109. Sibianu D. Islamist Propaganda on the Internet. Terrorist Entities' Response to Alleged Anti-Muslim Western Actions // *Terrorism and the Internet* Amsterdam, NLD: EOS Press, 2010. P.81 – 89. Доступ из EBSCO.
110. Teun A. Van Dijk Introduction: Discourse Analysis in (Mass) Communication Research // *Discourses in Society*. Site of Teun A. Van Dijk. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse%20Analysis%20in%20Communication%20Research.pdf> (дата обращения: 30.04.2012)
111. Teun A. Van Dijk Opinions and ideologies in the press // Paper Round Table on Media Discourse, Cardiff, July 8-10, 1995. Published in Allan Bell and Peter Garrett (Eds.), *Approaches to Media Discourse*. (pp. 21-63). Oxford: Blackwell, 1998. // *Discourses in Society*. Site of Teun A. Van Dijk. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Opinions%20and%20Ideologies%20in%20the%20Press.pdf> (дата обращения: 30.04.2012)
112. Teun A. Van Dijk Political discourse and Ideology // Clara Ubaldina Lorda & Montserrat Ribas (Eds.), *Anàlisi del discurs polític*. (pp. 15-34). Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. IULA, 2002. // *Discourses in Society*. Site of Teun A. Van Dijk. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Political%20Discourse%20and%20Ideology.pdf> (дата обращения: 30.04.2012).
113. Teun A. Van Dijk The mass media today // *Discourses of domination or diversity? Javnost/The Public* (Ljubljana), 2(2), 1995, 27-45. // *Discourses in Society*. Site of Teun A. Van Dijk. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/The%20mass%20media%20today.pdf> (дата обращения: 30.04.2012).
114. Torres Soriano M.R. Spain as an Object of Jihadist Propaganda // *Studies in Conflict & Terrorism*, N. 32. 2009. P.933–952. Доступ из EBSCO.
115. Turner B.S. Religious authority and New Media // *Theory, Culture and Society*. March 2007. vol. 24 no. 2. pp.117-134. Доступ из EBSCO.
116. 26 основных понятий политического анализа // "Полис". 1993. № 1. С. 77 – 91. Доступ из Elibrary.ru.
117. Абрамов Д. Русскоязычный исламский интернет // *Россия и мусульманский мир*. - №8. – 2005. – С. 138 – 143. Доступ из Elibrary.ru.
118. Акаев В. Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе / В. Х. Акаев; редакционная группа В. А. Тишков (отв. ред.), Л. А. Лопуленко, М.

- Ю. Мартынова. (Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института антропологии РАН). Документ №127. М. 1999.
119. Аликберов А.К. Современное мусульманское возрождение на Кавказе: особенности, тенденции и перспективы / Аликбер Аликберов // Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия. М. 1994. С. 21-32.
120. Аликберов А.К. Ислам на Северном Кавказе / Аликбер Аликберов // Islamica.ru Центр арабских и исламских исследований. URL: <http://www.islamica.ru/index/articles/?uid=116> (дата обращения: 30.04.2012).
121. Аликберов А.К. Современный суфизм на Кавказе / Аликбер Аликберов // Islamica.ru Центр арабских и исламских исследований URL: <http://www.ceber.ru/?pageID=167> (дата обращения: 30.04.2012).
122. Аятолла Мохаммад-Али Тасхири Идеи диалога с Другим: пер. с англ. М.: Ладомир. 2009. 208с.
123. Баширов Л.А. Исламский фундаментализм: генезис, идеология, практика / Лема Баширов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Выпуск 1: Антология отечественного религиоведения. Часть 4: Кафедра государственного-конфессиональных отношений РАГС, 2009. С. 381 – 404. Систем. Требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://religio.rags.ru/journal/anthology4/a4_16.pdf (дата обращения: 30.04.2012).
124. Беккин Р.И. Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира / Р.И. Беккин // Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. Научно-методический комплекс / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 178 - 217.
125. Брежицкая Е. Чайка: На Северном Кавказе растет число террористических преступлений / Брежицкая Елена // Российская газета – Северо-Кавказский Федеральный округ. 28.02.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/28/reg-skfo/chaika-anons.html> (дата обращения: 30.04.2012).
126. Дзуцев Х., Першиц А. Ваххабиты на Северном Кавказе – религия, политика, социальная практика / Хасан Дзуцев, А. Першиц // Скепсис. URL: http://scepsis.ru/library/id_1121.html (дата обращения: 30.04.2012).
127. Казула Ф.П. Теория дискурса и дискурс-анализ: как идеи и символы формируют политику? / Ф.П. Казула // Политическая наука. 2009. - №4. - С. 59 – 78. Доступ из Elibrary.ru.

128. Кудряшова И.В. Идеологический дискурс политического ислама / Ирина Кудряшова // Политическая наука. 2003. № 4. С.133-148. Доступ из Elibrary.ru.
129. Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий / Ирина Кудряшова // Политическая наука. 2003. № 2. С.87-117. Доступ из Elibrary.ru.
130. Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира / Ирина Кудряшова // Полис. 2002. № 1. С.66-77. Доступ из Elibrary.ru.
131. Курбанов Р. Факторы конфликтогенности ислама в Дагестане / Руслан Курбанов // ФУЗ Факторы конфликтогенности на Северном Кавказе / Отв. ред. Ю. Г. Волков / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 26. Ростов н/Д. 2005. С.144 - 159
132. Левин З.И. Хранители Слова и блюстители Духа Откровения / З.И. Левин // Фундаментализм [отв. ред. Левин З. И.]. М.: Институт Востоковедения РАН: Крафт+. 2003. С.13 – 49.
133. Литвинова Т. «Информационный джихад в глобальной сети» / Т. Литвинова // Власть. № 9. 2010. С. 116 – 120.
134. Мацузато К., Ибрагимов М.–Р.А. Тарикат, этничность и политика в Дагестане / К. Мацузато, М.–Р.А. Ибрагимов // Этнографическое обозрение. 2005. №2. С.10 – 23.
135. МВД: Средний возраст боевиков на Северном Кавказе снизился // KBR-inform.ru. 15.02.2011. URL: <http://kbr-inform.ru/news-5872.html> (дата обращения: 30.04.2012).
136. На Северном Кавказе сократилось число посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов и количество подрывов // РИА-Дагестан. 17 января 2012 URL: <http://www.riadagestan.ru/news/2012/1/17/131268/> (дата обращения: 30.04.2012).
137. Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов / Виталий Наумкин // Islamica.ru Центр арабских и исламских исследований. URL: <http://islamica.ru/?uid=112> (дата обращения: 30.04.2012).
138. Поляков К.И. Исламизм: две точки зрения на проблему. Факторы, способствующие росту политического экстремизма / Константин Поляков // НГ–Религии. 1999. 28 апр.
139. Русакова О.В. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификации / Ольга Русакова // Аналитика культурологи. Электронное научное издание. – Вып. 2(11). – 2008. URL: http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/514-article_47.html

140. Сюкияйнен Л.Р. Концепции халифата и современное государственное правовое развитие зарубежного Востока // Ислам: проблемы, идеологии, права, политики и экономики: Сб.статей.- М.: Наука, Гл.ред.вост.лит., 1985, с.279.
141. Филлипс Н., Хардия С. Что такое дискурс-анализ? / Нельсон Филлипс, Синтия Хардия // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. Электронный журнал. Вып.1.Т.1. 2009. С.49 – 64. Систем. Требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf (дата обращения: 25.03.2012).
142. Ханбабаев К.М. Ваххабизм в Дагестане / Каflan Ханбабаев // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 1. Отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. 2001. С. 33 – 48.
143. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм на Северном Кавказе / Каflan Ханбабаев // Официальный сайт Президента Республики Дагестан. – Режим доступа: <http://prd.e-dag.ru/aktualnye-temy/borba-s-terrorizmom-i-ehkstemizmom/khanbabaev-km-religiozno-politicheskii-ehkstemizm-i-terrorizm-na-severnom-kavkaze/> (дата обращения: 25.03.2012).
144. Хлопонин признал, что число участников подполья не меняется много лет: на Кавказе тысяча боевиков // Gazeta.ru 30.09.2011 URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/09/30/n_2031946.shtml. (дата обращения: 25.03.2012)
145. Шихсаидов А. Р. Ислам в Дагестане / А.Р. Шихсаидов // Центральная Азия и Кавказ. 1999. №4.

Приложения

Приложение 1. Словарь исламских терминов

Акида	عقيدة	"кредо, убеждение, вера"	Особый род мусульманской богословской литературы, появившийся в VIII веке, представляющий собой сжатое изложение позиций школы или автора
Бид'а	بدعة	"нововведение, новшество"	Заблуждение и неверное представление трактовке исламских норм в самом широком смысле. Впервые представление о биде сложилось у шиитов и хариджитов, обвинявших халифа Усмана в нововведениях, противоречивших по их мнению, поступкам Мухаммеда.
Газават	غزوة	"поход, побег, нашествие"	Война за веру, один из аспектов джихада. Устоявшееся определение некоторых исторических событий, например: "газават пророка Мухаммеда" - походы, в которых Мухаммед лично принимал участие, в XIX веке - борьба кавказских народов против военных операций, предпринимаемых Российской империей.
Гяур	gavur (тур.), كافر (араб.)	неверующий	Испорченное от арабского "кяфир"- так турки презрительно зовут всех немусульман.
Даават	دعوة	"призыв"	Призыв к принятию ислама. Радикальный ислам трактует как призыв к возвращению к "чистому" исламу.
Дар аль-ислам	دار الإسلام	"мир ислама"	Территория, где действует исламский закон и исламское политическое устройство. Термин впервые был использован основателем ханафитского мазхаба имамом Абу Ханифой
Дар аль-харб	دار الحرب	"мир войны"	Все территории, не входящие в дар аль-ислам, но которые со временем должны туда войти.
Джамаат	جماعة	"союз, общность"	Группа людей в самом широком смысле этого слова.
Джахилийя	جاهلية	"невежество, язычество, доисламская эпоха"	Время жизни людей без Пророка, язычество. В терминологии радикального ислама: мир невежества, жизнь не по божественному закону. Наиболее полно данная концепция представлена в трудах Аль-Маудуди и Сейида Кутба.

Джизья	جزية	"подушная подать; налог; земельный налог "	Подушная подать с иноверцев, выкуп за сохранение жизни.
Джихад	جهاد	"борьба"	Изначально борьба за веру и за распространение веры. Позднее факихами была разработана более широкая концепция джихада: "джихад языка" ("повеление одобряемого и запрещение отрицаемого"), "джихад руки" ("принятие дисциплинарных мер в отношении преступников и нарушителей норм нравственности"), "джихад сердца" (самосовершенствование) и "джихад меча" (борьба с неверными). Кроме того, Мухаммеду приписываются следующие слова: "Мы вернулись с малого Джихада [борьба с неверными], чтобы начать Джихад великий [нравственное самосовершенствование]"
Закят	زكاة	"чистота, милостыня"	Ежегодный обязательный налог в пользу бедных. Четвертый столп Ислама.
Ибадат	عبادة	"обожание, почитание, служение"	правила осуществления богослужения в Исламе
Куфр	كُفْر	"быть неверующим, скрывать"	Неверие. Также обозначает людей, не ценящих божественных ценностей. В радикальном исламе под неверием понимается все, что противоречит канонам чистого ислама.
Кяфир	كافر	"неверующий"	Неверующий. Впервые употребляется в отношении жителей Мекки, отказавшихся принять ислам в 622 г. (хиджра Мухаммеда в Медину).
Манхадж	منهج	"путь, метод"	Методология достижения религиозной истины
Муджахид	مُجَاهِدٌ	"борец за правое дело"	Воин джихада.
Мунафик	منافق	"лицемер, притворщик"	Термин в Коране, обозначающий тех, кто притворялся преданными делу Мухаммеду.
Муртад	مرتد	"вероотступник"	Отказавшийся от религии. Согласно исламскому закону подлежит смертной казни или изгнанию.
Мурид	مريد	"последователь, ученик"	Добровольный последователь, ученик шейха в суфийском братстве, принимающий от него определенные обязанности и полностью подчиняющийся его воле.

Намаз	(пер с.) نماز	"молитва"	Обязательная ежедневная пятикратная молитва, второй столп Ислама.
Салат	صلاة		
Рамадан	رمضان	"рамадан"	Девятый месяц лунного мусульманского календаря. В течение этого месяца мусульмане обязаны поститься от утреннего до вечернего намаза.
Рибат	ربا	"ростовщи-чество"	Обогащение за счет получения процентов от суммы одолженных средств, что запрещено Кораном.
Садака	صدقة	"благотворительность"	Все, чем мусульманин добровольно жертвует для своей религии.
Таклид	تقليد	"подража-ние, имма-тация"	Соответствие правовому прецеденту, традиционному поведению и доктринам. Традиционно, правовой прецедент считается обязательным в области исламского права, но таклид приобрел негативный оттенок, так как используется для обозначения культурного и интеллектуального застоя и нежеланием экспериментировать с новыми идеями.
Такфир	تكفير	"обвинение в неверии, отвлечение от веры"	Обвинение в неверии. В радикальном исламе служит основанием для оправдания борьбы против "неверных".
Таухид	توحيد	"объединение, единобожие, монотеизм"	Отрицание политеизма, выражающееся в формуле «нет никакого божества, кроме Аллаха».
Тафсир	تفسير	"разъяснение, толкование, комментарий"	Комментарий, толкование Корана.
Умма	أمة	"нация, народ"	Религиозная община.
Фард	فرض	"обязанность, долг"	Юридический богословский термин, подразумевающий действия, которые должен совершать каждый мусульманин. Все действия подразделяются на индивидуальные (обязательные для всех) и коллективные (обязательные для всех в определенных случаях).
Фард-айн	فرض عين	"индивидуальная обязанность"	

Фард-кифая	فرض كفاية	"коллек- тивная обя- занность"	
Фикх	فقه	"понима- ние, знание, мусульман- ское право"	Исламская доктрина о правилах поведения му- сульман (юриспруденция), исламский комплекс социальных норм (мусульманское право в широ- ком смысле).
Фитна	فتنة	"смута, безумие, неверие"	Восстание против законного правителя.
Хадж	حج	"паломни- чество, по- сещение святых мест"	Посещение главной мечети Масджид Аль-Харам (во дворе которой находится Кааба) и горы Арафат. Пятый столп Ислама.
Халифат	خلافة	"замеще- ние, хали- фат"	Форма правления, представляющая собой мусульман- скую теократию, возглавляемую халифом.
Шариат	شريعة	"Законопо- ложение, церковный закон"	Свод мусульманских правовых и теологических норма- тивов, провозглашённых исламом «вечным и неизмен- ным» плодом божественных установлений.
Шахада	شهادة	"свидетель- ство"	Первое и важнейшее положение исламского символа веры, выражаемое формулой Ла илаха илла Ллаху ва Мухаммадун расулу Ллахи («Нет никакого божес- тва, кроме Аллаха, а Мухаммад—посланник Аллаха»)
Шахид	شهيد	"мученик, свидетель"	1) Пожертвовавший собой за веру, ради приближения к Богу. Идея такой героической смерти особенно рас- пространена среди шиитов. 2) Свидетель в ходе судеб- ного разбирательства.
Ширк	شرك	"соучастие, язычество"	Поклонение чему-либо кроме Аллаха.

Приложение 2. Основные постулаты концепции панисламизма в произведениях Маудуди, Хасана Аль-Банна, Кутба и Хомейни

	Маудуди	Хасан аль-Банна	Кутб	Хомейни
Исламское государство	Исламское государство должно быть во всех отношениях основано на законе, низведенном Богом через Его Пророка. Правительство, которое управляет таким государством, будет обязывать народ к повиновению в своем качестве политического органа, созданного для того, чтобы претворять в жизнь законы Божьи, - но лишь в той степени, в какой оно будет действовать в этом качестве. ["Политическая теория ислама"]	В прошлом многие люди задавались вопросом, как один человек, одного народа, может быть посланником для всего человечества. Но с наступлением современного этапа развития, времени, когда расстояния сокращаются, коммуникации покрывают почти весь земной шар, интересы различных людей и народов смешиваются, - все это происходит до тех пор, пока не появляется "один народ". Эпоха, когда информация о событиях на Востоке может быть тогда же услышана на Западе, эпоха, в которой все реформаторские устремления направлены на "один мир", "одну систему", "общественную безопасность", "мир во всем мире"... Эта борьба за мировое единство великий знак и выдающее событие для Пророка и законов Ислама; потому что это доказывает необходимость для установления современной системы мирового правления. ["Мир в Исламе"]	Как только мы начинаем задумываться над основаниями современной жизни, то мы понимаем, что весь мир погряз в Джахилия, и все сверхъестественные материальные удобства и высокие достижения не уменьшают это невежество. Эта Джахилия основывается на востании против божественного суверенитета на земле ... Когда Ислам, согласно описанному выше методу, стал основой Мусульманского общества, то именно он сформировал из него активную группу людей, чья вера стала духовным базисом отношений между ними. Его главной целью является пробудить "человечность", развивать ее, сделать ее доминирующим фактором во всех аспектах человеческой жизни. Ислам стремится воплотить эту цель через свои учения, правила, законы и запреты. ["Вехи"]	Наш долг работать над установлением исламского правления. Первое, что мы должны предпринять в этом направлении, это пропаганда наших идей. ... Мы должны поднимать волну интеллектуального пробуждения, проникать внутрь общества, постепенно формировать в умах просыпающихся религиозных масс образ исламского правления и, наконец, установить его. ["Установление исламского правления - наш долг"]

Джихад	Джихад - это часть всеохватывающей защиты Ислама. Джихад означает борьбу из последних сил. Человек, который отдает все свои физические и интеллектуальные силы или тратит все свое богатство во имя Аллаха, действительно, участвует в джихаде. Но на языке шариата это слово употребляется исключительно для обозначения войны, развязанной во имя Аллаха против врагов Ислама. ... Джихад - такой же первейший долг мусульман, как и ежедневные молитвы и пост. ["К пониманию ислама"]	Джихад- это обязанность каждого мусульманина, от которой он не в праве отказываться. Аллах придавал важное значение джихаду и создал роскошную награду для мучеников и борцов. ["Джихад"] Джихад - одна из основных обязанностей каждого мусульманина. ["Между вчера и сегодня"]	Джихад - динамичное движение настоящей религии. ... Характеристики джихада: 1 - практический метод. Как только это движение входит в конфликт с Джахилийя с ее политической системой и ценностями, исламское движение должно производить параллельные ресурсы ... 2 - практическое движение, развивающееся постепенно, где каждый уровень требует ресурсов в соответствии с практическими требованиями и подготавливает почву для следующего... Те, кто говорят о джихаде, цитируя Коран, не понимают его истинных практических целей... 4 - ислам предлагает легальную основу для взаимодействия мусульманского мира с другими группами.	...если вы хотите установить правление ислама и Аллаха, прекратить эксплуатацию и изгнать из своей страны местных и иностранных колонизаторов и эксплуататоров, не забывайте о Божественном стимуле, который завещал Великий Господь в Священном Коране. Утрата стимула и цели, в которой заключается секрет победы и стойкости революции, равносильны расколу, расколу и появлению разногласий. ["Секрет победы революции - величие цели и единство всего народа"]
Шариат	Основной принцип шариата заключается в том, что человек имеет право, а в некоторых случаях и обязан удовлетворять все свои естественные потребности и желания для достижения успеха и счастья, но (и это важное "но!") человек должен это делать так, чтобы не только не ставить под	Наша миссия "исламская" в смысле каждого произнесенного слова, и понимать ее надо как то, что ты хочешь, но нужно помнить, что твое понимание ограничено Книгой Аллаха, Сунной и жизнеописаниями священных предшественников. Коран - это основание и опора Ислама, Сунна - объяснение и комментарий к нему, а жизнеописания - это пример для подражания. ["Наше сообщение"]	Религия в исламском понимании есть синоним слова "система" в модернистской терминологии, что включает в себя веру, этические нормы поведения и закон в обществе (шариат)...Под каждым из этих пунктов понимается религия в исламе. ["Социальная справедливость в Исламе"]	Природа и характер исламских законов и священных обрядов шариата доказывают необходимость правления, все они направлены на создание государства с совершенной политической, экономической и культурной моделью общества. Во-первых. ["Универ-

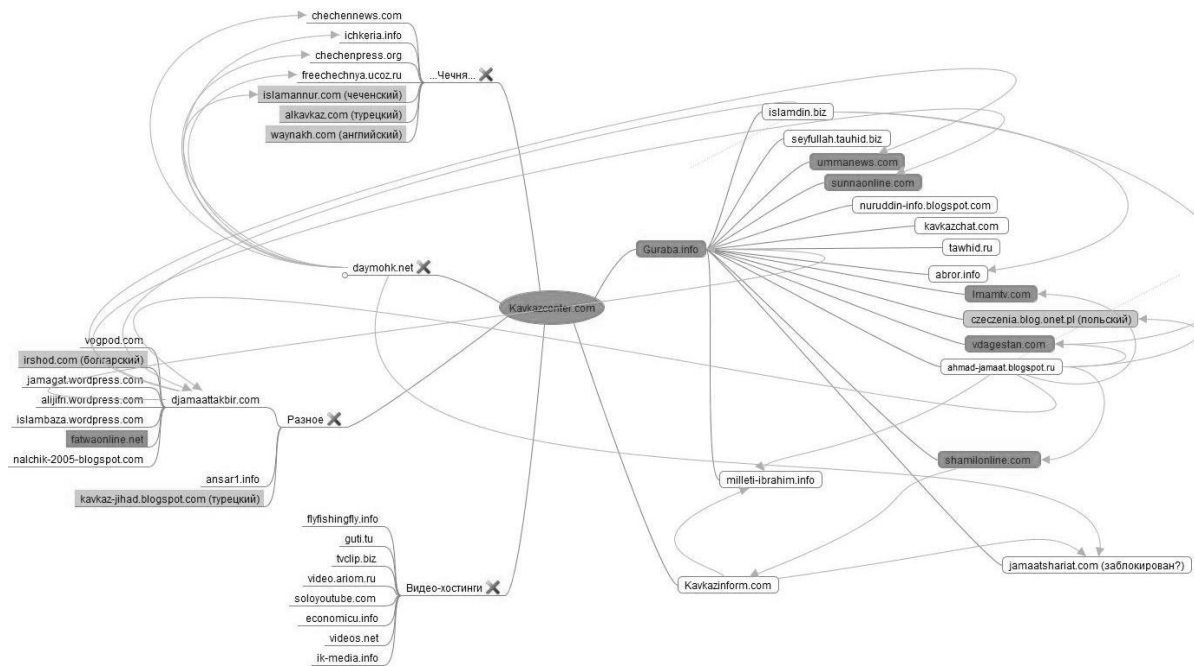
	угрозу интересы других, но и обеспечивать всеми своими силами сплоченность, взаимопомощь, сотрудничество людей в достижении их целей. ["К пониманию ислама"]			сальность законов шариата. Доктрина исламской революции"]
Социальная справедливость	Их [пророков] подлинной миссией было избавить человека от этой несправедливости, от этого рабства у ложных богов, от этой тирании человека человеком и от этой эксплуатации слабых сильными. [Политическая теория ислама]	Социальная ответственность управляющего и управляемого в достижении социального благополучия. ["Между вчера и сегодня"]	Важно, что справедливость в Исламе не теории, а принцип, реализованный в практической жизни, чему есть масса исторических примеров. ["Социальная справедливость в Исламе"]	Именно сейчас у меня есть возможность говорить с вами и убеждать вас оказывать поддержку народу, независимо от группировок к которым вы принадлежите здесь, за границей. ["Решение проблем народа - долг каждого его представителя"]
Неприятие ценностей западного мира	Мусульманское правительство гарантирует свободу вероисповедания немусульманам. Однако Исламский жихад не признает их права на осуществление управления согласно принципам, противоречащим исламу. ...Например, запрещаются все формы ведения бизнеса, основанные на получении выгоды, ...,	Под их [европейцев] властью мусульмане терпели ужасные страдания; в то время, как они обеспечивали себе власть, научный прогресс, знания, промышленность, мусульмане были отстранены от всего этого... Поэтому мы можем говорить, что Западная цивилизация одержала верх над Исламской в этой общественной борьбе... Даже идеология и учения Ислама, были сбиты с верного пути ... так и будет потому, что это правда,	Ислам знает два вида обществ: исламское и джахилийя. Исламское следует принципам ислама в законе, организации и духовной сфере, общество джахилийя же не приемлет ни исламские нормы морали, ни исламские ценности, ни исламские законы. ... Исламское общество является действительно цивилизованным. ... только в обществе, где суверенитет принадлежит Богу, выраженном в подчинении боже-	Наш народ, мусульманские народы и угнетенные всего мира чувствуют свое превосходство, поскольку наши враги являются врагами Великого Господа, Священного Корана и ислама и в зверствах и жестокости своей ради своих преступных целей не останавливаются ни пе-

	<p>обязательным становится требование минимальной скромности в одежде для женщин-немусульманок. ["Джихад в Исламе"]</p>	<p>и человеческое существование никогда не достигнет совершенства, следуя другими путями... Как политическая агрессия пробуждает национальные чувства, так и социальная агрессия возрождает Исламскую идеологию. ["Между вчера и сегодня"]</p>	<p>ственному закону, только тогда каждый человек свободен, и только тогда он чувствует вкус настоящей свободы. Это единственная "человеческая цивилизация", предоставляющая реальную свободу и защищающая достоинство каждого. ["Вехи"]</p>	<p>ред какими преступлениями и предательствами, для достижения господства и реализации своих низких замыслов не брезгают никакими средствами. ["Превосходство мусульман над врагами"]</p>
<p>Особая особенность по следователям ислама</p>	<p>Подумайте только о моральном превосходстве такого человека над неверующим. Ведь жизнь мусульманина является воплощением чистоты и благочестия, любви и альтруизма. Его мышление свободно, чисто от злых помыслов и извращенных амбиций. Он не будет видеть зло, слышать зло и делать зло. Следуя за истинной, он никогда не солжет. ["К пониманию ислама"]</p>	<p>Аллах открыл секрет мудрости и возложил его на мусульман, показывая, что они избранные, избранные из всего человечества, что им предстоит быть предводителями его создания, его божественного закона, его представителями на земле, его преемниками в его пророческой миссии. Он сделал религию легкой, кто следует установленным им правилам, и сделал эти правила вечными, применимыми ко всем временам и местам, и поэтому мир примет их и человечество увидит в них долгожданную надежду. ["К чему мы призываем человечество"]</p>	<p>Люди, живущие в соответствии с путем, предначертанным Аллахом - это мусульмане, а люди, идущие другим путем - язычники, которых не признает эта религия. Она пришла, чтобы ликвидировать язычество, сокрушить его основу, привести людей от поклонения себе подобным к поклонению Аллаху. ["Будущее принадлежит исламу"]</p>	<p>Будьте даже более настойчивыми и твердыми в достижении своих целей, чем ранее. Мы тоже тверды. Эта опасность для нашей религии невыносима. Поэтому мусульмане должны настаивать на своем каждый день, пока проблема не будет решена. ["Необходимость стойкости в достижении цели"]</p>

Приложение 3. Количественный контент-анализ текстов сайта Islamtimes.org

Категория	Код	Единицы	Количество упоминаний	% кодов	Тексты	% текстов
Положительные ценности	Единство	unify, community, commonality, common	217	50,80%	20	100,00%
	Духовность	immaterial, human nature, mental, soul, justice, culture, harmony	79	18,50%	15	75,00%
	Процесс объединения	integration, consolidation, solidarity	24	5,60%	9	45,00%
Негативные ценности	Национализм	nationalism, nation-state	14	3,30%	4	20,00%
	Внешний мир	imperialism, zionism, America, US, enemy, Israel	63	14,80%	11	55,00%
Методы	Обучение	understanding, mechanism, learning, science	26	6,10%	10	50,00%
	Диалог	dialogue, protest	4	0,90%	3	15,00%

Приложение 4. Интернет-пространство Северо-Восточного Кавказа

Приложение 5. Описание анализируемых сайтов

	Название	тип	Дата регистрации	Alexa Rank; иная информация	Разделы	Языки	Расположение сервера
Kavkazcenter.com	www.kavkazcenter.com	ИА	2002	64,818	Главная, Умма, Кавказ, В мире, Россия, Все события, аналитика, Интервью, Мнения, Пресса, Литература, Фото, Радио "Кавказ", Kavkazchat.com, Видео, Ислам, История, О нас, Поддержка, Сотрудничество, Обратная связь, Архив 1999-2001	Рус., тур., англ., укр., араб.	Швеция
Государственное информационное агентство ЧРИ	www.chechenpress.org	ИА	2003	390,796	Все новости, Ичкерия, Главная новость, События, Геноцид, Опросы, Чат; Руководство, Президент, Правительство, Парламент, ГКО Чеченской республики Ичкерия, Международная конференция ЧРИ в Копенгагене; Военные преступники, Аналитика, Инопресса, Кавказ, Диаспора, История, Ислам, Nohchiin muott, Фото, Видео, Спорт	Рус.	Канада
Форум Kavkazchat	http://www.kavkazchat.com	Форум	2002	458,874; 7,398 пользователей, из них 398 активных		Рус.	Финляндия

Имарат Кавказ	www.shamilonline.org	ИА	2005	630,153	Главная, Кавказ, Умма, Россия, В мире, Видео, Ссылки; Факты-мнения, Аналитика-трибуна, Интервью, События, Литература, Отдел писем, Рибат-взрывчатые вещества, Рибат-оружие и техника, Рибат-экипировка и снаряжение	Рус., тур.	Германия
Umma news	http://ummanews.com/	ИА	2010	1,018,442	Главная, Новости (Умма, В мире, Кавказ, Россия, Афганистан-Пакистан, Ирак-Сомали, Последние события, Лента новостей), Трибуна, Мнения, Статьи, UmmaNewsTV, Обратная связь, О нас	Рус.	Литва
Chechen Republic Ichkeria	http://www.waynakh.com/eng/	ИА	2005	1,057,210	Чечня, Чеченцы, Чеченский язык, Известные чеченцы, Беженцы	Англ.	США
Islam Q - A	http://fatwaonline.net/	база материалов	2006	1,164,131	Коран, Призыв, Основы веры, Манеры, Характер и мораль, Усуль фикх, Смягчающее сердце, Хадис и наука, Исламское право, Исламская история, Исламская политика	Рус., англ., кит., уйгур., урду, хинди, франц., исп., араб., тур., индонезийский	США
ИмамТВ - Сайт мусульман Кавказа	www.imamtv.com	база материалов	2007	1,225,291	Главная, Аудио, Видео, Аналитика, Нашиды, Книги, Фотографии, Ссылки, Программы, Обратная связь, Ваши письма	Рус.	

Информационное агентство Вилайата Галг'айче Имарата Кавказ	www.hunafa.com	ИА	2008	1,608,021	Аудио, Видео, Вопрос-ответ, Ислам, История, Рибат, Трибуна	Рус.	США
Независимое информационно-аналитическое издание Вилайата Дагестана	www.guraba.info	ИА	2010	1,829,859; посещений в месяц - 36,882	Главное, Статьи на аварском, Важное, События, Для сестер, Иман.Ислам.Акида, Факты.Мнения.Даават, Обращения.Интервью, Вопросы-ответы.Фетвы, Поучительные истории, Угнетенные народы, Фундаменталисты, Наука и медицина, Ислам по странам, Ваши письма, История, Разное, Видео, Книги, О редакции, Знай врага, Обратная связь, Ссылки	Рус.	США
Sunna online	http://sunnaonline.com/	ИА	2010	1,972,540	Акида, Манхадж, Заблудшие секты, Фикх, Воспитательное, История ислама, Коран, Сестре-мусульманке, Хадис и его науки, Джарх уа та'диль, О нас	Рус.	Литва
Официальный сайт Вилайата Дагестана	http://vdagestan.com/	ИА	2010	1,992,163	Главная, Новости, Джихад, Избранное, Ислам, Пресса, Личности, История, Аудио, Видео, Геноцид, Библиотека	русский	США
Исламский сайт sawab.info	http://sawab.info/	сборник материалов	2008	2,215,225	Акида и Тавхид, Бид'а в Религии, Грехи и Покаяние, Джинны и Колдовство, Дружба и Непричастность, Жизнь после Смерти, Знания и Даава, Иман и Ихсан, Интимные Вопросы, Исламская Политика, История и Личности, Коран и Хадисы, Наука и Здоровье, Поклонение (Ибада), Поучительные Истории, Признаки Судного Дня, Рамадан и Пост, Семья и Мусульманка, Спорт, Игры и Развлечения, Сунна Пророка, Течения и Секты, Ширк и Куфр, Этика и Нравы		США

Официальный сайт муджахидов Объединенного Вилаята Кабарды Балкарии и Карачая	http://www.islamdin.tv/	ИА	2011	2,393,094(464 человек в сутки)	Главная, Умма, Кавказ, Россия, В мире, Интервью, Обращения, Трибуна, Мнение, Видео, Ссылки, Галерея шахидов, Фетвы, Статьи, Поэзия, Библиотека, И'дад и Рибат, Аудио - лекции, Обратная связь		
Chechen Informational Center	http://alkavkaz.com/	ИА	2006	3,644,775		турецкий	
Kavkazmonitor.com	http://www.kavkazmonitor.com/	ИА	2006	5,924,851	Анализ, Монитор, Интервью, Комментарий, Лидер, Мнение, Пресса, Общество, Блоги, Контакт		Швеция
Независимое интернет-агентство Объединенного Вилаята Кабарды, Балкарии и Карачая	http://www.djamaattakbir.com/	ИА	2010	7,733,782	Аудио, Оружие, Намаз, Фотоальбом, Обратная связь	русский	США
Азербайджанское исламское независимое информационное агентство	http://milleti-ibrahim.info/	ИА	2012	7,505,275	Азербайджан, Кавказ, Умма, В мире, Акида.Манхадж.Фикх, Хиджра.Рибат.Джихад, Публицистика.Мнения, Связь с нами, Ссылки, Сражайся на пути Аллаха. Ты в ответе только за себя...	русский, азербайджанский	Германия
Исламское информационно-аналитическое интернет-издание Имарата Кавказа	http://kavkazinform.com/	ИА	2011	7,630,244	Официально, Факты и мнения, Кавказ, Ислам, Новости, Ссылки, Контакты, Видео, Интервью, Аналитика, Трибуна, Муртады	русский	США
Kavkaz Jihad	http://kavkaz-jihad.blogspot.com/	блог		8,717,754		английский	США

Единобожие - Акыда Ахлю Сунна валь Джамаа	http://www.tawhid.ru/	база материалов	2006	9,231,680	Акида, Видео, Дом ислама, Имам, Новшества в религии, Религия Ислам, Семейное право, Ученые, Ибн Теймийя, Ибн Кайим Джавзия, Имам аз-Захаби		США
Достоверный ислам	http://islambaza.wordpress.com/	база материалов	?	10,495,876	Акыда, Брак, Воспитание детей, Джихад, Заблуждения, Здоровье, Медицина, Мусульманке, Намаз, Насыхат и Даават, Нрав, Общение полов, Пост, Разные вопросы, Торговля, Требование знаний, Укрепление имана, Хадисы, Харам и Халяль		США
Геноцид чеченского народа	http://www.chechentagedy.com/gallery/	фотоархив	2010	15,083,505		русский	США
Все об Али Джифри. Опровержение заблуждений	http://alijifri.wordpress.com/	база материалов	?	27,456,934			
Информационное агентство Вилята Галгаче	www.arbor.info	ИА	?	?	Аналитика, Новости, Работы ученых, Отдел писем, Трибуна, Поэзия, Герои Кавказского джихада, Ислам, Мультимедиа		?

[Подборка выдержек из Корана и Сунны; фетвы шейхов]	www.seyfullah.tauhid.biz	сборник материалов	?	?	Книги, Статьи, Фетвы; Эгъдад. О Джихаде и подготовке к нему; Последний разговор Муджахидов. Формат mp3; Аудио лекции на русском языке. Формат mp3 (Муса Мукожев (РахимахуЛлах); Амир СайфуЛлах (Анзор Астемиров, РахимахуЛлах); Амир СайфуЛлах Губденский (РахимахуЛлах), Виляят Дагестан; Абдуль-Му'мин (РахимахуЛлах), Виляят Дагестан; Халид Абу Усама (РахимахуЛлах), Виляят Дагестан; Кадий Кизлярского сектора Усама (Виляят Дагестан); Абу Султан Ад-Дагистани; Абу Ханиф; АбдуЛлах абу Абдур-Рахман; Айрат абу Юсуф; Ибрагим АбдуЛлах; Саид абу Саад (Саид Бурятский), РахимахуЛлах; Новые аудио лекции Саида абу Саада (Саид Бурятский)); Нашиды. Формат mp3; Видео для мобильных телефонов. Формат 3gp; Видео Коран. Формат 3gp; Видео Лекции. Формат 3gp; Видео нашиды. Формат 3gp; Разное видео. Формат 3gp		Германия
NURUDDIN * نورالدين (- MEDIA (КАВКАЗ	http://nuruddin-info.blogspot.com/	Блог	?	27,567,950	Акида, Фикх, шариат, Джихад, Новости, Новостимультимедиа		США
Свободная Чечня	http://freechechnya.ucoz.ru/	блог	?	?, 16 человек в сутки			
ИА "Джамгъат"	http://jamagat.wordpress.com/	ИА	?	0	Аналитика, Видео, Имарат Кавказ, Новости, Религия, Россия		